Дмитрий
Собына

НЕПОКОРЕННЫЙ «БЕРКУТ»

Кривий Ріг 450км
КРИВОЙ РОГ
Донецк
В43037
850
км
БКСМ
НАС НЕ УБИЛИ – НАС КАК СТАЛЬ ЗАКАЛЯЛИ ОГНЁМ!
Беркут
Беркут
Беркут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о событиях, происходивших в Киеве с ноября 2013 по февраль 2014 г. и кардинально изменивших судьбу Украины. Они описаны непосредственным их участником – сотрудником спецподразделения «Беркут». Автор вкладывает в рассказ главного героя впечатления, раздумья и переживания, выплавленные в непростой духовно-нравственной работе. Долг, честь, предательство, любовь и малодушие – всему есть место.

- Дмитрий Собына
  -
  - Окопная правда «Беркута»
  - От автора
  - Непокоренный «Беркут»
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Фотографии

Дмитрий Собына
Непокоренный «Беркут»

© Д.Л.Собына, текст, 2016
© «Н.Оріанда», макет, оформление, 2016

Окопная правда «Беркута»

Термин «окопная правда» возник очень давно, так обычно говорят о высказываниях и мнении непосредственных участников боевых событий, тех, кто находился на передовой, кто на себе испытал все тяготы, весь груз вооруженного противостояния. «Окопная правда» редко бывает лицеприятной для командиров, она резка и бескомпромиссна в своих оценках и суждениях, но именно она может передать непосредственное видение противоборствующих сторон. Без этой составляющей невозможно представить полную картину произошедшего, по большому счету, без этой точки зрения нельзя узнать правду.

Именно такова и эта книга воспоминаний, одного из участников противостояния в центре Киева зимой 2013–2014 года. Почему я решил не только написать вступление к этому произведению, но и всеми силами содействовать, чтобы подобная книга увидела свет, нашла своего читателя?

Прежде всего потому, что события такого масштаба, столь трагичные и кровавые, как вооруженный государственный переворот на Украине, в виде евромайдана, будут еще долго требовать ответов. А ответы эти невозможно найти, не рассмотрев все нюансы тех событий, не получив полную информацию из самых разных источников, не узнав истинных мотивов и целей непосредственных участников.

Я не стану давать оценку самому тексту книги, за исключением одной – все, что сказано от имени бойца подразделения «Беркут» – это правда, их личная, выстраданная правда, правда тех людей, что были последним оплотом государственности Украины. Не власти Януковича, как это сегодня пытаются представить пропагандисты хунты, а именно государственности, Конституции, законности, правопорядка, а по существу, самого существования Украины. Это правда тех, кто оставался до конца верен присяге, кто всей своей сущностью понимал, что они последний рубеж перед хаосом и беззаконием.

Я очень часто слышу упреки, почему не разогнали мятежников, почему не дали команду «Беркуту» и т. д. – ответ и прост и сложен одновременно. И об этом я подробно рассказываю в своей книге «Кровавый евромайдан – преступление века», но если сказать коротко, то ответ будет практически такой же, как и у моих бойцов – «Беркутовцев». Мы все, начиная от рядового милиционера и заканчивая Министром МВД – служители закона, люди, присягнувшие Государству, обязавшиеся хранить его Конституцию, и предпринимать что-либо без приказа

главнокомандующего, Президента Украины, действовать на свое усмотрение, не имеем права. Иначе мы превратимся в таких же преступников, как те, кто захватил власть, поправ все законы государства Украина.

Второй вопрос, который звучит очень часто, почему не удержали, почему отступили? В ответ я всегда говорю очень парадоксальную фразу для непосвященных в истинное положение дел на тот момент в МВД Украины и государства в целом. Звучит он так: «Я поражаюсь, почему мы смогли так долго продержаться!». И в этом нет никакого позерства.

В том состоянии, в котором я принял МВД в ноябре 2011 года, было абсолютно понятно, что милиция требует срочной и коренной перестройки, нужно было реорганизовывать практически все, настолько были запущены все аспекты деятельности министерства.

Приведу только несколько наиболее показательных примеров. В министерстве было боле 20000 недокомплекта личного состава, квартирная очередь была чудовищной, большинство милиционеров, служивших, к примеру, в Киеве, либо жили в общежитиях, либо снимали квартиры. После многолетнего «руководства» таких «профессионалов» как Луценко – кадровый потенциал МВД находился в плачевном состоянии. Эрозия коррупционности и партийности (т. е. принадлежности сотрудников МВД к определенным партийным группам и олигархическим кланам) во всех уровнях министерства была катастрофичной. Любые наши действия по очищению от этих явлений МВД вызывали ожесточенное сопротивление не только со стороны политических оппонентов власти, но и из стана так называемых провластных сил. Более того, все мои призывы к руководству страны обеспечить реформы финансированием, так и остались благими пожеланиями. В результате мы могли рассчитывать только на собственные силы и внутренние ресурсы.

При этом мы не испытывали иллюзий и знали, что попытка госпереворота обязательно будет предпринята к президентским выборам 2015 года. Планомерно к этому готовились, но, к сожалению, нам не хватило времени. По большому счету, МВД осталось единственной силой, противостоящей перевороту.

В любом случае, мне не в чем упрекнуть моих подчиненных, обычных милиционеров и бойцов «Беркута» – они честно и самоотверженно выполнили свой долг. Не их вина, что политики этой страны оказались недостойны их подвига. Убежден, что история и народ Украины, когда сойдет морок неонацизма, по достоинству оценит подвиг этих героев, своих лучших сынов.

Захарченко Виталий Юрьевич,
министр МВД Украины (2011–2014 гг.)

От автора

С первых же строк хочу поблагодарить всех, кто помогал мне написать эту книгу. В ней частичка каждого из ВАС. Садясь за написание своей книги, я даже и не думал, что когда-нибудь она будет издана. Приехал из Киева и окунулся в атмосферу, где все, чем я жил и работал, на чем вырос, искажалось, перевиралось и уничтожалось. Весь привычный мир рушился, а на его руинах нам пытались навязать чуждый нормальному человеку дутый мыльный пузырь. Везде прославляли майдан: сочиняли песни, снимали кино, писали книги, герои майдана давали интервью, а раненые правоохранители по-тихому залечивали раны, скрывая – где они их получили. Прославлялись псевдопатриоты, которые ради собственной сиюминутной выгоды привели свою страну к войне и обнищанию. Хотелось бы поблагодарить тех граждан, которые не спрятали, как страусы, голову в песок, а помогали пострадавшим на майдане правоохранителям. Низкий поклон всем тем, кто до последнего выполнял свой долг перед страной и народом, и нет их вины в том, что все так сложилось. Я понимаю, что для Генеральной Прокуратуры Украины моя книга может послужить стимулом к новым задержаниям и арестам, поэтому специально для них: все изложенное – вымысел автора, а все совпадения случайны. Для всех остальных просто скажу: «Правду уничтожить невозможно»!

Было бы неправильно, рассказывая про майдан, прославлять только «Беркут», ведь кроме них там были и внутренние войска, патрульная служба и другие сотрудники правоохранительных органов, честно и самоотверженно выполняющие свой долг. Да, «Беркут» – это кулак, но пальцы этого кулака – правоохранители, не нарушившие присягу и боровшиеся с гос. переворотом. Они, как пограничники, в далеком июне 1941 года первыми принявшие удар вероломного врага. Ведь майдан положил начало братоубийственной войне в Украине.

Поначалу мне хотелось показать героев моей книги сплошь с положительной стороны, решительно преодолевающих трудности и не сгибающихся под их тяжестью, этакими ангелами во плоти. Но потом в процессе создания книги я понял: будет несправедливо по отношению к читателю обманывать его, идеализируя персонажей. В «Беркуте» служат обычные люди со своими человеческими слабостями и пороками, им так же, как и всем, бывает страшно, больно и обидно. Однако традиции, сложившиеся за годы существования этого подразделения, воспитывают настоящих мужчин, для которых не чужды понятия

долг, честь и дружба. За весь майдан не было ни одного предательства и перехода на сторону оппозиции, хотя искушений с их стороны было немало. Не спорю, были единичные случаи малодушия, но все это происходило в середине подразделений, как говорится, в семье не без урода. Все эти мелочи не влияли на выполнение поставленных руководством задач.

Сейчас очень обидно, когда политики делят Украину на Западную и Восточную. Где-то я прочитал интересную цитату: «Для меня нет мусульманина и иудея, белого и черного, есть только плохие и хорошие люди». На майдане мы стояли плечом к плечу со львовским «Беркутом» и, не покривив душой, могу сказать, что это БОЙЦЫ с большой буквы. Их смелость и самоотверженность достойны уважения, я и многие мои товарищи обязаны им своим здоровьем, а некоторые и жизнью. Большое ВАМ спасибо – братаны. Эти простые парни многое пережили после возвращения на родину, которая стала для них мачехой. Их базу сожгли 20 февраля, перед самым приездом основных сил из Киева.

Радикалы забросали ее «коктейлями Молотова» с разных сторон. Пытаясь потушить огонь, погибли два бойца «Беркута», задохнувшись в дыму, а начальника штаба майора Сергея Голуба товарищи вытащили из огня с многочисленными ожогами. Позже его обвинят в поджоге здания. Приехавших, уставших спецназовцев, честно выполнявших свой долг и до конца оставшихся верными присяге, встретят радикалы, держащие в заложниках семьи бойцов «Беркута». Угрожая жизни их родных и близких, заставят стать на колени. Пройдя все эти круги ада, почти все они уволятся из МВД, а многие вообще уедут из Украины.

Довольно часто возникает вопрос: «Почему же „Беркут“ сразу не уехал в Россию или на Донбасс после майдана? Почему остались служить в МВД»?

Ответы на все эти вопросы у каждого свои. И как-то обобщать их здесь – будет неправильно.

Молодые сотрудники «Беркута», прослужившие два-три года, уходили не задумываясь. Они не настолько сильно были привязаны к подразделению и к родному городу.

А были и те, кто пережил девяностые и начало двухтысячных, когда всю милицию лихорадило, когда зарплату выплачивали раз в три месяца и ее едва хватало, чтобы дотянуть до следующей… Эти бойцы работали не за страх, а за совесть. Они искренне были убеждены в том, что и сейчас, в трудное и подлое время, нельзя уходить из «Беркута». Судьба спецподразделения была им небезразлична. Они понимали, что нельзя отдавать его на откуп

политическим проходимцам, выдвинувшимся на майданной волне. Ситуация тогда виделась нам следующим образом: уход любого бойца, стоявшего с нами на пути беснующейся толпы в Киеве, – это брешь в нашей стене. Уйдешь ты – в батальоне появятся случайные люди, «слабые звенья». Еще хуже – если это будут идейные нацисты. А они уже пачками получали удостоверения МВД, подписанные майданно-фейсбучным министром.

Мы считали, что в «окаянные дни» надо держаться вместе и, по возможности, защищать наших людей и наш город от пришлых радикалов, которые только и ждали момента, чтоб отыграться на Харькове… Так было 14 марта 2014 года на Рымарской, когда нацисты убили двух ребят-антимайдановцев и тяжело ранили милиционера. Харьковские правоохранители задержали радикалов на месте преступления. Но потом киевские покровители «отмазали» этих нацистов, выдав им «путевки» в карательные батальоны.

Мало кто знает, что Харькову готовили показательную расправу, подобную той, что произошла в одесском Доме профсоюзов. Майданным вождям было важно устроить побоище в городе, который отказывался принимать их ценности. Караван «дружбы» украинских националистов ехал в Харьков 12 апреля 2014 года. «Беркутовцы» и милиционеры остановили эти автобусы на границе Полтавской и Харьковской областей, изъяли у радикалов оружие. «Гастролерам» популярно объяснили, что такое закон и порядок. И запланированной трагедии в нашем городе не произошло.

И потом нам приходилось приводить в чувство тех «воинов света», которые везли в Харьков оружие из зоны «АТО». Бойцы уже расформированного «Беркута» защищали мирных жителей донбасского поселка от распоясавшихся карателей из батальона «Днепр»; задерживали «отморозков» из «Торнадо»… Обо всем этом можно написать следующую книгу…

Многие из нас в 2014 году не догадывались, насколько затянется это политическое беснование. Руководствовались принципом: делай что должен и будь что будет. Мы надеялись, что смутное время скоро закончится, что, по крайней мере, в Харькове будет немайданная власть. Мы были уверены, что рано или поздно в стране придется наводить порядок – и «Беркут» обязательно будет участвовать в этом, получив долгожданный приказ… Мы и сейчас верим, что такой момент однажды наступит.

Непокоренный «Беркут»

Глава 1

Иван Журба сидел перед телевизором в своей однокомнатной квартире и, всматриваясь в экран, вспоминал 2004 год. Опять то же самое, протесты, митинги недовольных, лица одни и те же, да и требования сильно не изменились. Вспоминался холодный и промозглый декабрь 2004, как стояли со щитами после оттепели, был небольшой морозец и от мокрого снега промокли берцы, ноги быстро замерзали и мелкая, противная дрожь пробегала по всему телу, мечталось о теплой батарее, к которой можно прислониться. Рядом женщина с помятым лицом, позируя фотографу, вставляла в щит гвоздички, улыбалась, а в глазах читалась ненависть и презрение. Снова на КрАЗах, которые стоят перед шеренгой из щитов, молодые студенты со стеклянным взглядом и отсутствующим выражением лица, скандирующие «Міліція з народом» и «Руський спецназ, йди до нас». Просто вчера, когда достали одним и тем же вопросом: «Звідкиля ви?», один из наших ответил: «Да вятские мы», а сегодня по радио услышали: в Украину прилетел русский спецназ и один из лидеров оппозиции заявил, что видел, как спецназовцы в российской форме выходили из самолета. Мечта была одна: скорей бы уже отстоять свою смену да пойти завалиться на матрас в коридорах Администрации Президента, стянуть мокрые ботинки, а ноги засунуть под бушлат и, почувствовав тепло, подремать.

Вспомнились студенты, которые стояли напротив нас с флагом Украины, и с фанатичным блеском в глазах на протяжении трех-четырех часов скандировали одно и то же: «Банду геть», и по-братски делили пачку траммадола, запивая лекарство водой, а рядом стоял мужик в старом драповом пальто и поддерживал молодежь простуженным охрипшим голосом, иногда прикладываясь к фляжке, доставаемой из внутреннего кармана. Между толпой и «Беркутом» стояли уже немолодые мужики спортивного телосложения, которые постоянно уговаривали бойцов переходить на сторону народа.

Из задумчивости Ивана вывел громкий звонок мобильного.

– Привет, это дежурный. Завтра в десять вечера выезд на Киев.

– Надолго?

– Да нет, дня на четыре, ну максимум на неделю, так что вещей много не набирай, а то в автобусе и так места мало будет.

– А где жить будем, неизвестно?

– Вроде на базе под Киевом, ну ладно, давай, а то мне еще людей обзванивать надо.

Не выпуская из рук трубку, Иван начал прикидывать, что нужно с собой брать. Ехать придется в служебных автобусах, а в них места не много, а еще спецсредства. Куда все засовывать? Нужно позвонить Гене Находько: интересно, он едет? Если да, то подберет на своей машине, ему все равно по пути, не хочется с сумкой по общественному транспорту таскаться.

– Алло! Привет, братан, тебе дежурка еще не звонила? Нет? Завтра на Киев едем. Как что там? Да телек включи, посмотри, плохо жили, хватит. Пойдем в ЕС через кис май эс. Ты из жрачки что брать будешь?

– Да, думаю, жена окорочков нажарит, картохи в мундирах да сала, воды по дороге возьмем. А ты?

– Ну, красиво жить не запретишь, твой салат в первую очередь и слопаем. Да вроде дежурный сказал ненадолго, дня на четыре-пять. Сколько человек едет – не знаю. Ну, думаю, большую половину пошлют. Что-что? Да связь сегодня плохая. Кто? Шляпенко? Этот останется, кому-то нужно здесь наряды перекрывать. Что? – дежурка на второй линии? – ну все, давай.

Поцеловав жену и сказав дочкам, чтобы слушались маму, Иван с сумкой вышел на улицу. Генка еще не подъехал, а на улице дул сырой промозглый ветер. Подняв воротник куртки, всматривался в темноту, опять по улице свет отключили, зима еще не началась, а уже надоела. Подъехал Гена на своей старой девятке. Запрыгнув на переднее сидение, почувствовал, как из обдува дует теплый воздух, машина у другана хоть и старушка, но еще резвая.

– Когда ты уже новую себе купишь? – обратился к другу Иван, подставляя руки к обдуву.

– Зачем? Ездит, сильно не сыпется, что еще надо? Есть другие проблемы, более насущные. Владу кровать нужно купить, а дочурке планшет, – объяснил Гена, повернувшись к Ивану.

– Ты прикинь, дочке три года, я ей говорю, что хочешь на день рождения от папы и мамы? А она – плансет. Буквы еще все не выговаривает, а в моем телефоне ковыряется лучше меня.

– Ты на дорогу смотри, – урезонил товарища Иван. – Сейчас дети быстро развиваются. Скоро скажет «хочу мерседес».

– Не, моя не скажет. Скромная, вся в меня, – заулыбался Гена.

На базе, как в растревоженном улике, все куда-то спешат, куча команд. Переодевшись, Журба поставил сумку в автобус, чтобы занять место; нужно еще рацию получить, куда ее засовывать?

Построили на плацу, зам начальника УВД сказал никому не интересную, скомканную речь, в которую мало кто вслушивался. Потом выступил командир, проверили удостоверения, рации, и

наконец – команда: «По автобусам!». Давно пора, не май месяц на улице, уже зуб на зуб не попадает.

В автобусе провели перекличку и, доложив, что у нас все, стали накрывать на стол. Стол сделали из сумок, положив сверху пару бронежилетов и застелив журналами «Именем закона», что зря выписываем по сто штук в месяц. Места у стола всем не хватало, поэтому бутерброды передавали по салону. Иван взял еще теплый окорочок с хлебом, огурец и отнес водиле.

– Игорек, ты смотри не засни, если будешь засыпать – маячь и рацию на канал командира настрой.

– Хорошо, я сегодня дома выспался, так что до Киева хватит, сейчас какую-нибудь музычку найду, повеселее будет, – ответил водитель, настраивая радиостанцию.

Иван вернулся на свое место и, положив под спину броню, оперся на нее. В салоне звучала российская попса. Сон что-то не шел. «Черт, как не вовремя этот Киев, только жене пообещал к теще съездить, у нее там старые двери в сарай разваливаются, нужно новые сбить, и тут на тебе. Опять будет обижаться, правда, мне не скажет. Надо жене позвонить, а то заснет, не хочется будить».

– Привет, солнце, не спишь еще? Да перекусили с пацанами немного, сидим, байки травим. Маме завтра позвони, скажи, что через недельку приеду, сделаю двери на сарае. Ну почему не будет ждать? Да недельку подождет, что это, от меня зависит, я ж не сам в этот Киев еду. Ну, ты видела, за кого замуж выходила, знала, какая у меня работа. Ладно, мы там не долго, надеюсь. В автобусах посидим пару деньков и домой. Ну, все, пока, и дочек на ночь крепко поцелуй за меня. Все, спокойной ночи. Люблю вас.

Снова вспомнились выборы 2004, как на перекрестке в машине сидели два гаишника, а вокруг них по кругу ездили пять машин с помаранчевыми флагами, пьяная молодежь пела песню: «Разом нас багато і нас не подолати». В то же время другие водители стояли в пробке и усиленно сигналили, выражая свою солидарность с демократической молодежью и возмущаясь, что милиция, как всегда, не работает.

Остановились у обочины, все повыходили из автобусов и принялись дружно курить, некоторые пошли ближе к посадке, через некоторое время команда: «По машинам»! Весело перебрасываясь шуточками, залезли в автобус, все-таки зябко и сыро на улице.

– Свет выключай в салоне, – крикнул кто-то сзади. Иван устроился поудобнее на сидении и попытался заснуть.

Проснулся от боли в спине, встал, потянулся и хромая на левую ногу, которая занемела, поковылял к выходу. На улице

было сыро и со стороны Днепра дул холодный, промозглый ветер. Недалеко от выстроенных в ряд автобусов была сцена, накрытая крышей в виде ракушки: «Ну как в старые добрые времена, опять на ракушку в Мариинский парк привезли. Сколько „Беркутов“ нагнали». Сделав небольшую зарядку чтобы размяться, Иван пошел вдоль шеренги автобусов, поглядывая на номера. Возле «Неоплана» стояло человек десять, о чем-то увлеченно разговаривая.

– Откуда, пацаны?

– З Житомиру.

– А где Днепр стоит, не знаете? Нет, ну спасибо. Иван вернулся к автобусу. Уже все проснулись и повыходили на улицу, разминая затекшие ноги. Некоторые за автобусами чистили зубы, ополаскивая рот водой из бутылок, другие разложили тормозки, что взяли из дома, на деревянных с облупившейся старой краской лавочках, которые стояли перед сценой. Иван тоже зашел в автобус и, взяв свой тормозок и термос, пошел к коллективу. Разложив свои нехитрые харчи, Иван прислушался к разговору командира роты и двух милиционеров. Командир роты Сергей Васильевич убеждал, что Янукович не такой мягкотелый как предыдущий президент, порядок быстро наведет, два-три дня, и поедем домой, вон видите, сколько силы нагнали. Василичу парни доверяли – крепкий мужик, да и за словом в карман не полезет, но все равно Генка ему возражал:

– Все-таки здесь Евросоюз заинтересован в Украине, может и не потянуть Янык.

Опять начался старый спор: нужны мы как страна Евросоюзу или не нужны, с кем нам лучше будет – с Россией или в Евросоюзе. «Наверное, Евросоюзу мы точно не нужны, голодранцы, там и так голожопых хватает» – подумал Иван, дожевывая бутерброд, достал термос и налил чая.

К спорящим подошел командир и, послушав спор несколько минут, приказал заканчивать, доедать и идти одеваться. Иван встал, взял термос и сказав: «Европе мы нужны, чтобы через нас Россию пугать. Пошли одеваться, а то сейчас построение будет», не поворачиваясь, пошел в сторону автобуса. В автобусе царил беспорядок: одни искали свои спецсредства, переставляя сумки с места на место, другие надевали бронежилеты и наколенники с налокотниками, кто-то искал, куда дели его палку, стоял шум и гомон. Журба стал возле передней двери в автобусе, наблюдая за происходящим в салоне.

– Вань, а противогаз надевать? – спросил молодой боец, высунув голову на улицу.

– Конечно, надевай, и маску сразу на голову надень, только

подверни, – ответил Иван.

– А шлем на голову или в руках? – услышал крик из автобуса.

– На руку.

Стали выходить те, кто уже экипировался. Иван зашел в салон, быстрыми и привычными движениями надел противогаз и сверху на бушлат накинул бронежилет, застегнул липучки на налокотниках и наколенниках, схватив палку и шлем выскочил и встал в конце строя. Перед строем вышел командир и начал объяснять:

– Так, шлемы на голову. Сейчас идем к Кабмину, там стоит человек пятьдесят, восемьдесят снизу идут, еще идут человек сто пятьдесят с флагами «Свободы», палки не применять, ясно?

– Так точно!

– Ну, тогда пошли.

Колонна потянулась через Мариинский парк. Редкие прохожие бросали тяжелые взгляды исподлобья и побыстрее торопились уйти с дороги силовиков. Возле Кабмина стояла толпа народа с флагами Евросоюза и «Свободы» и кричали: «Банду геть!», «Януковича у відставку!». Перед толпой со стороны здания стояли вэвэшники в две шеренги, за ними стояла шеренга «Беркута». Чуть в стороне стояли корреспонденты, давая на камеру комментарии на фоне происходящего. Командир остановил колонну и сказал:

– Через заезд не пройдем. Перелазим через каменные блоки.

Бойцы перелезли через ограждение, выстроились на ступеньках Кабмина, а командир пошел на инструктаж, где уже стояли несколько руководителей «Беркута». Перед ними полковник в черной кожаной куртке с рацией в правой руке, с растерянным лицом, общими фразами пытался руководить процессом. Через несколько минут к митингующим подошла еще толпа с флагами УНСО и «Свобо ды», эти были настроены более агрессивно. Потихоньку вперед стягивались молодые парни с поломанными ушами и носами: «спортики», поближе к корреспондентам подошли с десяток пожилых, но крепких мужиков с обвислыми усами казаков, и старушек в совдеповских пальто и старых выцветших куртках, расстегнутых так, чтобы было видно вышиванки, в руках иконы, аккуратно обернутые рушниками. Иван подошел немного ближе и сразу же увидел старых знакомых. Крепкого парня с русым ежиком волос и уверенным, внимательным взглядом, в короткой кожаной куртке и кожаными перчатками. Постукивая кулаком в раскрытую ладонь, он внимательным взглядом сканировал шеренги милиции, иногда поворачиваясь и говоря что-то двум другим молодцам, стоявшим у него за спиной.

– Василич, узнаёшь вон тех троих, чуть левее от флага ЕС, – повернулся Иван к командиру роты.

– Ага, это ж наши друганы, что с нами качались, когда Юльку из Печерского суда вывозили, Турчин еще тогда разрывался, а Юле семь лет впаяли.

– Но тогда они поплотнее были, а сейчас похудели, видать заканчивается золотой запас у батьки, на голодном пайке держит, – поддержал Ивана ротный.

– Злее будут, – согласился с ротным Иван.

– Пойду комбату доложу про этих отморозков, вон их как раз полкан распустил с инструктажа, а ты за ними посматривай, чувствую, будет замес сегодня.

Толпа понемногу разогревалась. Сначала старички с казацкими усами стали хватать за броники и умоляли пропустить их в Кабмин, хотя и сами не знали, зачем им туда нужно, при этом елейным голосом спрашивали: «Вы с народом, сыночки?». Немного позже к дедушкам присоединились «спортики» и навалились дружной толпой, пробуя потеснить шеренги милиции назад. А в это время из-за спин боевиков, которые толкались с милицией, дедушки били по шлемам удочками, на которых висели чёрно-красные флаги и флаги «Свободы», при этом норовя попасть в лицо и выколоть глаз. Пользуясь суматохой, в лицо «Беркутам» из толпы стали брызгать слезоточивым газом.

Видя, как беркутенку слева удочкой разодрало лицо, Журба попытался рукой поймать ее, но никак не получалось. Отвлекшись, пропустил момент, когда перед лицом появилась рука в черной перчатке с накладками на костяшках и баллончиком со слезоточивым газом. Иван еще хотел что-то сказать, но тугая струя газа попала в открытый рот и в глаза. Дыхание сразу оборвалось, а глаза наполнились слезами, лицо стало нестерпимо гореть. Чувствуя рвотные позывы, милиционер начал пятиться назад, протискиваясь через шеренги. В голове билась мысль: «Главное не тереть глаза, а то будет еще хуже». Выпав позади строя, он пытался откашляться. Кашель разрывал легкие до боли в груди и никак не мог остановиться, во рту и в горле все горело. Сплевывая на асфальт, он стянул шлем и маску. Кто-то сунул в руку бутылку воды. Иван стал промывать глаза и лицо, кашляя и сплевывая горькую слюну. Постепенно стало попускать. Возле уха раздался голос командира:

– Забрало надо опускать и ворон не ловить.

– Да какое забрало, оно через минуту запотевает и ничего не видно.

– Ладно, промывай глаза, я уже выставил вперед пацанов в

противогазах.

Иван отошел к бетонному ограждению, продолжая промывать глаза. Постепенно предметы стали обретать очертания. Из шеренги вывалился Рыжий из третьей роты, лихорадочно сдирая с лица противогаз, и его сразу стошнило. Журба подошел к Рыжему и протянул ему начатую бутылку с водой:

– На, попей, полегчает.

Рыжий хлебнул воды, обмыл лицо и, промывая глаза, сказал:

– Падлы, в паре работают, один противогаз оттягивает, а второй в это время под противогаз из баллона газом пшикает. Я пока шлем отстегнул и противогаз снял, уже теряться начал, думал и воткну. Сегодня вдоволь надышался, аж подворачивает, – и Рыжего опять стошнило. – Пойду к фельдшеру, может, чем глаза закапает, пекут сильно. Что у них за газ такой едучий?

– Наверное, из-за кордона привезли. Видел, какие баллоны большие и струя метра на три бьет, не то, что наши пшикалки, – ответил Иван.

Журба, немного отдышавшись, заметил, что его зовет командир роты.

– Ну что, отошел? Тогда иди на правый фланг. Там наши вдоль блоков стоят, смотри, чтобы никто на эту сторону не перелез, – сказал ротный, внимательно наблюдая за толкучкой перед въездом в Кабмин.

Подойдя к стоявшим в шеренге бойцам «Беркута», Иван спросил:

– Тишина?

– У нас тихо, а на въезде страсти кипят. Пять минут назад провели бойца, ключицу сломали. Выломали шлагбаум и им как тараном пытались пробить шеренгу, наши отобрали. Не понятно, зачем им в Кабмин надо, там никого уже нету, все через задний выход разбежались, – Серега Саркисов был рад поболтать.

– Им интересен сам процесс. Мы это уже в 2011 проходили, – ответил Иван.

К вечеру все начали успокаиваться. Сначала пропали боевики и понемножку стал расходиться более мирный контингент. Смена наверно закончилась? Осталось несколько человек с флагами «Свободы» – у этих, наверное, посуточная вахта. Перед Кабмином валялись кучи мусора. Ветер раздувал бумажки, под ногами хрустело стекло. Склон напротив въезда вытоптали и от него по асфальту тянулись куски грязи. На стеле качался на ветру флаг Евросоюза, а рядом с ним обвис, запутавшись в тросах, украинский стяг. Серое здание Кабинета Министров было подсвечено снизу прожекторами и массивные серые колонны создавали впечатление нерушимости украинского правительства.

Они грозно смотрели на букашек, суетящихся внизу, пытающихся решить свои сиюминутные проблемы, обрести чаянья и исполнить мечты и надежды.

Командир вышел из здания и дал команду:

– Командиры рот, стройте личный состав. Проверяйте людей и амуницию.

После докладов ротных колонна двинулась к автобусам. Иван зашел в автобус и стал укладывать спецсредства. Все были оживлены и обсуждали сегодняшние события.

– Ужинать будем? – спросил кто-то сзади.

– Да надо, а то пропадет то, что из дома брали. Жалко, – ответил Андрей Кольницкий.

– Я не буду, пацаны, меня сегодня газом накормили, что-то тошнит, – отказался Леха Каустович, он же Рыжий.

Невысокого роста, коренастый, уверенно стоящий на коротких, чуть кривоватых ногах, Леха Каустович своим телосложением был похож на небольшого французского бульдога. У него и хватка бульдожья, если схватит – уже не отпустит. Проходя отборочный спарринг в «Беркут», с противником своим он сцепился крепко, метелили друг друга от души, пока Каустович не ухитрился взять своего оппонента на удушающий, еле растащили, тот уже начал терять сознание. Кто-то из присутствующих бойцов сказал: «Ну, ты, „Рыжий“, просто зверь!», потрепав его по мокрой от пота огненно-рыжей шевелюре. И хотя сейчас Алексей постоянно бреется налысо, так и прилипло к нему «Рыжий». К спорту Леха относился с фанатичной преданностью. Для тренировок преград ему не было: дождь, снег или солнце – полтора часа в день он отдавал спорту. Тягая гантели, эспандер, растягиваясь, он полностью растворялся в любимом занятии.

В автобус зашел фельдшер и поинтересовался:

– Больные есть?

Журба, часто моргая покрасневшими глазами, спросил:

– Есть глазные капли и от тошноты таблетки?

– Капель нет. Завтра обещали дать, промой водой хорошенько, а от тошноты возьми вот пачку угля и фталазол, – посоветовал фельдшер.

Раздав еще три пачки угля, медик ушел.

– Ген, пойдем, сольешь, я глаза промою, – позвал друга Иван.

Промыв глаза, которые печь уже перестало, но теперь резало и постоянно чесались, Иван поднялся в автобус и попытался устроиться поудобнее на своем месте. Достал телефон и набрал номер.

– Привет, мам. Как вы там? Как папа? Да у меня все в порядке. Одеваюсь тепло, и носки твои вязанные взял, поесть

хватает. Берегу я себя, не переживай. Ладно, как там твое здоровье, да что ты вечно со своей дурацкой пословицей: «Как говно коровье». Я серьезно тебя спрашиваю. Что у папы, сердце не болит? Послушав еще минут пять маму и поговорив с отцом, Журба позвонил жене. Поговорив с женой и дочками и пожелав им спокойной ночи, попробовал устроиться на сиденье поудобнее.

– Игорек, можешь свет выключить? – спросил он у водителя. С задних сидений раздались возмущенные крики, что они еще спать не ложатся и свет им нужен.

– Тогда, Игорь, выруби хотя бы впереди, – попросил Иван.

Спереди свет погас, но гомон сзади не давал заснуть.

– Мужики, можно там потише? Люди уже спят, а то сейчас тоже спать ляжете! – предупредил недовольным голосом Журба.

Сегодня день как-то с утра не заладился. Впопыхах забыл надеть противогаз и когда пришли под Кабмин, пришлось бежать назад за противогазом в автобус. Возвращаясь назад, поскользнулся и чуть не упал на мокрых ступеньках. Глаза резало от вчерашнего газа, с утра еле открыл, веки опухли и покраснели. Вроде вчера и водой промыл, а сегодня еще хуже. Еще этот мелкий противный дождь шел уже несколько часов подряд, холодный ветер пытался вырвать у мокрого озябшего тела остатки тепла. Бушлат и свитер промокли и, прикасаясь к телу, вызывали неприятную мелкую дрожь, от которой начинали цокать зубы. Иван старался вжаться в стену здания Кабмина, где небольшой козырек прикрывал от дождя. Сегодня из-за дождя пыла у митингующих поубавилось, стоя под зонтиками, выкрикивали лозунги, но на шеренги ментов не лезли, предпочитая не мокнуть и не вымазываться в грязи. Но даже несмотря на спокойствие, «Беркут» не убирали, одно, что разрешили – стоять на ступенях Кабмина. Внутрь не пускали, только в туалет. Все, кому хватало места, прижимаясь к стене, старались хоть немного укрыться от дождя, остальные мокли. Около двух разрешили половине бойцов зайти внутрь здания немного просохнуть. Командиры взводов построили бойцов и завели внутрь. Внутри было тепло и уютно. Правда, сидеть было негде, поэтому бойцы, подложив броники, садились на мраморные ступеньки и, облокотившись на перила, разморенные теплом, дремали. Иван позвонил жене:

– Да нет, все нормально, сидим в автобусах в резерве. Как кормят? Кормят нормально. В «дебчика» играем. Ну, все, давай, пока, наша очередь играть, – отмазался Иван. А сам, подложив под голову шапку, облокотился на мраморные перила и, вытянув ноги, постарался расслабиться и унять противную дрожь. «Как

мало человеку нужно для счастья, – подумал Иван, – в автобусе так не растянешься, ночью раза три выходил на улицу размять затекшие ноги. Хорошо, дома взял маленькую подушечку под голову: „Старый воин – мудрый воин“, положил мешок со спецсредствами, на него подушечку и домашняя перина готова». Из задумчивости милиционера вывел женский голос. Подняв голову, он увидел женщину бальзаковского возраста в норковом полушубке и высоких черных ботфортах. Она стряхивала дождевые капли с зонта прямо на пол, с недовольным выражением лица обращаясь к седому мужчине лет пятидесяти, одетому в длинное кашемировое пальто, с портфелем в правой руке.

– Виктор Леонидович, ну что это такое, сидят на ступеньках, кто их сюда пускает?

– Любочка, пусть ребята погреются, это же наши защитники, притом, что выше первого этажа их не пускают, – успокоил он женщину, которая капризно кривила пухлые губки. И переключившись на другую тему, парочка зашла в приехавший лифт.

«Ну, спасибо, Виктор Леонидович, заступился, – подумал Иван. – Мы для них обслуживающий персонал, как дворник или уборщица, а может вообще, как собака во дворе, выше первого этажа не пускают. Да, поменялись люди». Иван вспомнил 2004 год, «Оранжевую революцию»: в администрации президента поддатый веселый начальник отдела предлагал «Хеннеси» отметить рождение внучки. От коньяка тогда отказались, но чаем он напоил, еще и печенья принес, хороший мужик, душевный, а сейчас?

– Выходим на улицу. Смена! – крикнул ротный. Все засуетились, стали одеваться. Выйдя на улицу опять под холодный дождик, Иван заметил, что людей перед Кабмином стало гораздо меньше, стоят, в основном, молча, иногда выкрикивая лозунги и речевки, вроде бы как смену отбывают.

– А где командир? – спросил Иван у ротного.

– Да их какой-то тип в гражданке собрал, – ответил ротный, – новые цэу раздает.

Через некоторое время пришел командир.

– Собирайте всех. Командиры рот пусть проверят и в автобус.

– Что-то он не в духе, – сказал ротный, – наверное, на верху опять чем-то недовольны.

В автобусе было сыро и холодно.

– Игорек, заведи возыка и печку на всю включи. Ты что, не мог натопить до нашего прихода? – спросил Иван.

– Откуда я знаю, когда вы придете. Позвонить надо было. Что

солярку зря палить, – бурчал водитель. На верхних поручнях бойцы развешивали мокрые бушлаты и свитера, переобувались в тапочки, а мокрые берцы ставили к печке автобуса, места для всех не хватало, поэтому занимали очередь. В автобус зашел фельдшер и, стоя в дверях, спросил:

– Больные есть? О, вы уже по-домашнему, бельишко постирали и развесили.

– Я чувствую, заболеваю, есть спиртик для внутреннего растирания и сугрева? – поинтересовался Гена, стягивая мокрый свитер через голову.

– Спиритка нет, а чтоб согреться, иди с пацанами в прогресс, поиграй эспандером. Сразу согреешься, – не растерялся фельдшер.

– Ген, пойдем, сольешь мне, умоюсь. Балабол, – позвал Иван.

– Игорек, пожрать привозили?

– Да! Там в ящике картонном сухпай сзади стоит. Есть будем? – поинтересовался Игорь.

Иван разделся до пояса и на улице, громко фыркая, обмылся. Обтерся, натянул сухое белье. Зайдя в автобус, достал из чехла нож и стал нарезать сало, которое захватил из дома. В дверях показался командир второго взвода Григорий Иваныч, суровый мужик с непререкаемым авторитетом, и сказал:

– Старшие автобусов к командиру.

Иваныч был старожилом, помнил «Беркут», еще когда он только начинал формироваться, так сказать делал первые робкие шаги. В те далекие времена «Беркут» назывался ОМОН и создавался из сотрудников патрульно-постовой службы. Традиции только начинали формироваться, давая первые робкие ростки. Бывает, ему задают вопрос:

– Григорий Иваныч, чего на пенсию не уходишь?

– А что я там делать буду, здесь я в коллективе, среди ребят, а там на печке лежать.

Иваныч в свои года еще спокойно мог на турнике несколько раз подъем-переворот сделать и в рукопашке некоторым молодым фору может дать.

– Григорий Иваныч, есть будешь, все свеженькое, домашнее? – спросил Гена.

– Да нет, там командира водитель поляну накрывает, – ответил он.

– Ну не дадут поесть. Вы нарезайте все, а я сейчас быстренько смотаюсь к командиру и подскочу, – сказал Иван, накладывая на хлеб сало. Подходя к машине командира, Журба постарался побыстрее дожевать бутерброд.

– Вроде бы все собрались? Вы с Григорий Иванычем, смотрю,

не торопитесь, – обратил внимание командир на подошедших, – ну да ладно, разберемся.

– Сухпаи у всех водители автобусов получили?

– Так точно! – раздалось нестройно со стороны старших автобусов.

– Сегодня опять ночуем в автобусах, ситуация напряженная, поэтому не расслабляемся, рации чтоб работали, разобрались, где одежду просушить? – спросил командир.

– Да. В автобусах поразвешивали, водилы печки на всю включили, – ответил за всех Иваныч.

– Больных много? – задал вопрос командир фельдшеру, открывая багажник своей машины.

– Фельдшер, иди, получи капли глазные, что ты просил, и бинты. Сегодня в госпитале МВД дали.

Фельдшер, укладывая медикаменты в мед сумку, ответил:

– Двое, что вчера газа нанюхались, и сегодня два человека с невысокой температурой. Я им таблеток дал, до завтра будут в строю.

– Понятно. Еще вопросы есть? Нет. Ну, тогда все занимаются своими делами, идите, ужинайте. Мы тоже немного перекусим, – улыбаясь в предвкушении ужина, командир, потер руки.

Иван пришел к автобусу как раз вовремя, стол уже был накрыт. Поужинав, вышли на улицу покурить, где опять взялись обсуждать политику и действия президента. Журба отошел ото всех и встал у парапетов, смотря на Киев. Надоели со своей политикой, переливают из пустого в порожнее. И почему людям спокойно не живется? Вечно хочется что-то поменять, неудовлетворенность и сразу появляются политики, как демоны искушения, они подогревают желания своими обещаниями и рассказами, что завтра будет лучше, чем вчера. Многие доверчивые граждане ведутся на эти хитрые посулы, даже не пытаясь анализировать, чем придется заплатить за свою наивность. Не зря дед говорил: «Дармовой сыр только в мышеловке». Деда своего Журба уважал. Дед прошел войну, под Харьковом попал в плен, бежал. В Польше был тяжело ранен. Служил честно, хотя никакими выдающимися наградами не отмечен. Все плен ему простить не могли. После войны в колхозе трактористом работал, дом отстроил, который фашисты разбомбили, когда деревню бомбили. Воспитал трех сыновей и дочь. Хотя уже пять лет как деда нет, Иван с любовью его вспоминал и считал его примером для подражания. Надо позвонить домой жене и дочкам да идти уже спать, думал Иван.

Журба проснулся от того, что его подбросило на сиденье и мешок со спецсредствами свалился на пол. Посмотрев в окно,

заметил многоэтажки. Автобус подбрасывало на ямах. На улице серело, но день еще не наступил. Было видно одиноких прохожих, которые зябко кутались в свои курточки и пальтишки, а злой ветер резкими порывами пытался забраться им под одежду.

– Куда едем? – спросил он у Гены, который на другой стороне рассматривал Днепр и корабли у причала.

– Поселяться, где-то за Киевом, сказали, вроде в общаге, – ответил Гена, не отрываясь от окна.

– Жвачка у кого-нибудь есть, зубы почистить? – поинтересовался Иван.

– На, – протянул полупустую пачку «Дирола» Андрей. Иван смотрел в окно, медленно пережевывая жвачку. Настроение было на нуле и стремилось упасть еще ниже, так хотелось набить кому-нибудь морду. Он понимал, командировка затягивалась. Когда в 90-х Иван пришел в «Беркут», немного поработал, понял – не все так просто, как он мечтал и представлял себе там за забором. Да, есть крутые задержания, преследования и погони, но есть и обратная сторона, когда нужно ездить по прокуратурам и раз за разом отписываться от многочисленных жалоб адвокатов тех, кого ты задерживал, а в прокуратуре, когда начинаешь что-то доказывать, тебе говорят, ехидно улыбаясь: «Знаем мы вас и как вы работаете». Многочасовое сидение в судах в ожидании судебного заседания, где судья пытается уличить тебя в неправомерных действиях, а потом от знакомых оперов узнаешь, что преступника выпустили, еще и извинились, а у тебя в душе остается горький осадок от даром понаделанной работы. Есть еще сидение в автобусах сутками, когда на улице жара за сорок, выходить нельзя, даже двери открыть нельзя. Ты сидишь в полной экипировке весь мокрый. У всех нормальных людей праздники, а у тебя самые горячие дни. Не раз приходилось встречать, стоя в цепи, весело смеющихся друзей, попивающих пивко и жующих чипсы, танцующих под музыку, льющуюся со сцены. А еще есть граждане, которые получают неземное блаженство, пытаясь унизить человека в форме и самоутвердиться, делая все наперекор. Иногда приходишь домой, и руки от нервов трусятся. Распланировать время дня на три нельзя, только куда-то собрался – звонок: «Давай в подразделение. Тревога!». Сколько раз жена говорила: «Бросай ты свою ментовку, у моего дядьки заместителем начальника охраны пойдешь, там в два раза больше зарплата и стабильный график, уже твои постоянные командировки надоели, дома не живешь». Иногда закрадывались сомнения, и думал, а может ну его все, пойти на гражданку, буду два раза в неделю в бассейн ходить, по выходным на природу с семьёй выезжать, рыбалка. Тихе життя. И каждый раз отвечал

жене, кто-то должен и эту работу делать, если все ассенизаторы пойдут в пекарни, то пекари в дерьме утонут. За что работаешь? А кто его знает? На деньги, что получаешь, сильно не разгуляешься, но и с голода не помрешь. Неоднократно приглашали и комерса охранять на гражданке, но не мое это, и из ГАИ звали, не могу, как они работать. Правильно дед говорил: «Только та работа твоя, которая удовлетворение приносит. Придешь после работы домой, а на душе соловей поет, значит, не зря день прожил». Зашел в спортзал, грушу помесил, вроде легче стало. После задержания с пацанами пивка с рыбкой взяли, посидели, поболтали. Догнали преступника, который у старушки сумку с пенсией вырвал, вернули, а у нее слезы радости текут, и спасибо вам говорит. Заложников освободили, выводишь, они за тебя схватились как утопающий за соломинку, в глазах слезы и благодарность. Приезжаешь на вызов, групповая драка, райотдел тебя встречает словами: «Ну вот, наши птицы приехали, сейчас наведут порядок». Наверное, за такие вот моменты и работаешь, а может и…

– Вань, ты идешь или так и будешь в окно пялиться! Уже приехали. Пошли поселяться, спецсредства в автобусе оставляем, – отвлек от раздумий Серега. Иван взял свою сумку и вышел на улицу, посмотрел на старое четырехэтажное здание перед собой. Скамейка перед облупившимися, давно некрашеными дверями была поломана. На клумбе валялись пустые пластиковые бутылки и обертки. Зайдя внутрь, милиционер услышал голос пожилой женщины, которая стояла за стойкой администратора.

– Ваш этаж третий, в номер по три человека, туалет на этаже, душ в подвале, подходим за ключами.

Иван, постояв в очереди, взял огромную деревянную грушу, на которой висел ключ и, отойдя в сторону, позвал:

– Ген, пойдешь в комнату ко мне?

– Пойду, у тебя балкон есть? – ответил Гена.

– Вроде есть, – с неуверенностью в голосе откликнулся Журба.

– Ладно, давай ключ.

– Держи, бери Андрея и поднимайтесь, 310 комната.

Бойцы зашли в комнату и осмотрелись: в коридорчике к стене прикручена железная вешалка, стены окрашены грязно-голубой краской, шелушащейся по углам. В комнате стояли три стареньких кровати, стол, две тумбочки, шкаф, который помнил еще Брежнева, и четыре стула. Гена поставил сумку на кровать возле окна и сказал:

– Моя тумбочка та, что без дверки. От балконной двери дует,

надо взять у администратора старое одеяло завесить.

Иван поставил сумку возле кровати, стоящей напротив выхода, и стал раздеваться. В воздухе висел запах сырости и плесени. Было видно, что здесь давно уже не жили. Андрей сел на оставшуюся кровать и, окинув взглядом весь номер, вынес вердикт:

– Да, не люкс, сразу видно. Сейчас балкон открою, немного проветрю. Ботинки вместе с носками в коридор выставляйте, а то мы в комнате задохнемся. В душ сейчас бесполезно идти, там очередь. Жалко, телевизора нет. Я видел, в конце коридора стоит там, напротив дивана.

Иван разделся до пояса, надел тапки, взял мыльницу, полотенце и грязные носки, сказал:

– Пойду в туалете под рукомойником ополоснусь и носки простирну.

Настроение после того, как помылся, улучшилось и, развесив мокрые носки на батарее, Журба достал кулек из сумки и стал доставать из него еду, расставляя на столе.

– Давайте поедим, а то зверский аппетит проснулся, – обратился он к соседям по комнате.

После того, как поели, Иван достал из сумки вещи, развесил их на спинке стула и расставил в тумбочке, стал стелить кровать. Белье было старенькое, застиранное, но чистое и не рваное.

– У меня какая-то проволока через всю кровать, будет давить, – пожаловался Гена.

– Пойди у администраторши матрац возьми и заодно штуки три трампеля попросишь, вон в стену гвоздики вбиты, повесим шмотки, – посоветовал Журба.

Из коридора позвали:

– Журба, к командиру зайди, он в 214 комнате на втором этаже.

– Ща иду, – крикнул милиционер.

– Разрешите? – спросил Иван, открывая дверь 214 комнаты.

– Заходи, – сказал командир. – Все собрались? Кого еще нет? Василек здесь?

– Здесь! – ответил зам командира первой роты Васильков. Они с командиром не ладили. Васильков Владислав Васильевич по своему характеру был тихий, спокойный, но что не нравилось командиру – медлительный, поэтому капитан постоянно опаздывал на совещания, да и с милиционерами был мягок, всегда становился на их защиту. Командир всегда ему говорил: «Нужно тебе, Владислав Васильевич, в адвокаты идти, потенциал у тебя большой».

– Ну, если и Владислав Васильевич здесь, тогда все в сборе, –

немного смутившись, командир назвал Василькова по имени отчеству.

– Все расселились? Места хватило? Сейчас старшие обойдите комнаты и перепишите себе, кто где живет. Посмотрите, как устроились. Командировка немного затягивается, но сами видели какая ситуация. Я сегодня был в Управлении, пока скажите людям, продлили до 29 ноября, если все будет спокойно, поедем домой, но сильно не обнадеживайте. Я выдам старшим автобусов деньги, командировочные раздадите людям, пусть в ведомости распишутся. Еще, Григорий Иванович, выдайте на автобус по пять паков воды и ящик тушенки, что из подразделения брали. Есть еще вопросы? – спросил командир.

– Товарищ полковник, народ интересуется, в магазин сходить можно?

– Пусть сходят, только в гражданке, видели, как народ к ментам относится, и не больше двух человек из автобуса. Пусть идут группой, человека по четыре. Спиртного не брать под вашу ответственность, офицеры. Скажите милиционерам, если у кого-то колется, чешется, фельдшер в 301 комнате. Все, всем отдыхать, по территории не шляться, чтобы меньше видели. Завтра в девять выезд, проверяйте личный состав.

Журба вышел из 214 комнаты и сразу возле лестницы его ждал Игорь Одас.

– Сказали, можно в магазин смотаться? – спросил он.

– Да. По два человека из автобуса, – уточнил Журба. – Ты нашел с кем пойдешь? Игорь кивнул.

– Зайди к Григорию Ивановичу, получишь у него на наш автобус пять паков воды и ящик тушенки, поставишь все сзади в автобусе. Ты с Рыжим идешь? Вон он стоит на лестнице между этажами. Леха, иди сюда! Ты не узнавал у наших, кому еще что-то надо в магазине? Ну, так узнай, на двадцатку мне печенья купишь.

– Какого?

– Возьми к чаю, не кривись, всех в магазин командир не пускает.

Зайдя в комнату, Иван завалился на кровать и, достав телефон, начал обзванивать своих, делая пометки у себя в списке, кто в какой комнате живет, заодно предупреждая, что завтра в девять построение возле автобусов. Потом взял книгу и попытался сосредоточиться на чтении, но в голову лезли посторонние мысли. У младшей дочки сапоги в прошлую зиму порвались. Обещал жене съездить купить, но до командировки так времени и не нашел. Нужно сказать, пусть заедет к Лере на секонд, у нее там бывают хорошие вещи. В кухне обоина на

потолке отклеилась, приеду, нужно подклеить, а может все переклеить, уже пять лет обои, что-то нужно и менять, не забыть завтра с женой посоветоваться, ее как раз это отвлечет от переживаний. Скажу, пусть на базар съездит, посмотрит, выберет новые обои, заодно и развеется, отвлечется от дурных мыслей.

– Из магазина пришли без происшествий! Воду и тушенку в автобус поставил! – в комнату заглянул Одас со своей неизменной счастливой улыбкой. Засунув руку в большущий пакет, вытянул кулек с печеньем.

– Лови! – бросил печенье Ивану. – Заходить не буду, берцы грязные, натопчу вам в квартире.

– Спасибо! – Иван, лежа на кровати, поймал кулек. – Бухла не брали, а то рожа довольная?

– Обижаешь, начальник, – Игорек закрыл двери.

Утром Иван стоял в строю вместе со всеми. Сырость заползала под бушлат и китель, тело, которое еще не отошло от сна, пробивала мелкая дрожь. С утра был туман и в воздухе висела мокрая взвесь, оседая капельками на всем, что не впитывало воду. Рядом стоял Ахтыркин, на рукаве у него был нашит старый еще резиновый шеврон «Беркута». Осевшие капли тумана скатывались с него, казалось, что птица плачет. Стоять на улице было неприятно, и каждый думал, поскорей бы в автобус. Перед строем вышел Олег Викторович, замкомбата.

– Все в строю? Сейчас разойдись! Завтракать, а в одиннадцать построение, комбат с совещания приедет, может новости какие привезет. В магазин ходить так, как и вчера, по несколько человек.

Журба зашел в номер, где Андрей сидел на кровати и ковырялся в своей сумке, выкладывая на одеяло вещи.

– Да где же ты ее положила?

– Что ищем? – спросил Иван.

– Да нитку с иголкой, где-то жена положила. Не могу найти. Вчера бушлат зацепил, нужно зашить рукав.

– И мне дашь, как найдешь, а то у меня мотня порвалась, когда возле Кабмина через гранитные плиты перелазили, не сильно, но может дальше разлезться.

Иван уже дошивал штаны, когда на телефон позвонил Васильков.

– Да, Василичь?

– Оповести своих, выходите строиться, командир приехал, внизу ждет. Давайте побыстрее, – посоветовал замкомандира роты.

Журба повернулся к Кольницкому.

– Андрюх, не в службу, а в дружбу, звякни нашим, пусть

побыстрее выходят строиться, а я штаны пока дошью.

– Хорошо, позвоню, – ответил Андрей, беря телефон из тумбочки и отключая зарядку.

– Вот блин, батарея почти пустая, сейчас если куда-то ехать, без трубы останусь.

– Ничего, – сказал Иван, откусывая нитку, – если позвонить, я тебе свой дам.

Надев только что зашитые штаны, Иван накинул сверху бушлат и в тапочках пошел вниз.

Построение было неофициальное, поэтому разрешили становиться в строй в гражданке. Народ гомонил, разговаривая между собой в строю. Командир стоял около багажника служебной машины, придерживая его, а водитель что-то доставал из багажника и складывал в картонный коробок.

– Одас, иди сюда, – позвал командир. Из строя выскочил Одас в черных резиновых сланцах на босую ногу и поспешил к машине. Перескакивая лужу, Игорек поскользнулся и, чуть не упав, правым тапком зачерпнул холодной воды.

– Вот б. ть, – воскликнул он.

– Осторожней Игорек, а то еще шею сломаешь, – предостерег бойца Григорий Иванович. Командир поставил задачу подошедшему милиционеру, сам подошел к строю. Все разговоры сразу стихли, милиционеры подтянулись, внимательно слушая, что им скажут.

– Я только что из главка, в правительственном квартале ситуация спокойная, потому нас сегодня не трогают.

По строю прошел гомон.

– Но это не значит, – командир повысил голос, – что должен быть разброд и шатание. Все находятся в расположении, без моей команды никто никуда не ходит. Сейчас договорились, здесь недалеко в столовой будет обед. Только в столовую в шортах, трусах и тапочках приходить не надо. И в душ в трусах или обмотанным полотенцем возле стойки дежурной ходить не надо, а то у нее сердечный приступ будет. Да, Ахтыркин? – Командир выразительно глянул на Мишу. Миша, смутившись, опустил глаза.

– В душ ходите через запасной выход. Вы здесь не одни живете. Ладно, я там колбасы, хлеба и кетчупа с майонезом привез, у водителя старшие получат. Вечером старшим доведу, во сколько завтра выезжаем. Все разойдись, а то еще поболеете, некому будет на службу выходить, – закончил свою речь командир.

Зайдя в холл, возле старого журнального столика, на котором стоял полузасохший фикус, Иван увидел друзей, которые между

собой что-то обсуждали.

– Вань, ты в баню с нами пойдешь?

– Какая баня? Командир сказал, находиться всем на местах. А если сбор? Голыми, в листьях от веника побежите, – возразил Иван.

– Мы Барсука с собой позвали, он уже к Силенкову пошел, еще его позовет, думаю, командир отпустит, – раскрыл карты Каустович.

– Ну, ты, Рыжий, молодец, – похвалил Леху Иван, – все продумал. Ты случайно не у Остапа Бендера учился?

– Не, – улыбаясь, ответил Леха, – ты ведь знаешь. Мы юские дюг дюга не обманываем.

Журба засмеялся:

– Ну, если командир даст добро, то пойду. По сколько денег?

– Нас шестеро идет, по полтинничку с носа, это с вениками и простынями на два часа. Баня в пятнадцати минутах ходьбы. А ну подожди, Барсук звонит, – сказал Андрей Кольницкий, доставая из кармана телефон.

– Да, Константин Викторович, все в ажуре, а Олег Викторович идет? Хорошо, понял, да какие бабы, чисто мужским коллективом. Хорошо, я пацанам скажу.

Андрей отключил телефон.

– Командир разрешил на пару часиков. Барсук сказал, через десять минут с мыльнорыльными на выходе.

В парилке, где сидели мужики, обливаясь потом, витал аромат дубовых листьев и эвкалипта, на потолке тускло горела лампочка.

– Хорошая банька, – похвалил Барсуков.

– Ага, – согласился с ним Леха, – мы как-то в командировке были в начале декабря, там баня из строительного вагончика переделана и стоит прямо на берегу водохранилища. Выскакиваешь и сразу в полынью. Я в полынью прыгнул, ну думал по пояс, а там глубина мне по подбородок, сердце чуть через рот не вылетело. Зато назад, когда забегаешь, жара в парилке вообще не чувствуешь.

– Да, банька хорошая, я всегда как к отцу в деревню зимой приезжаю, – неторопливо начал рассказывать Олег Викторович, – мы баньку топим. Она у нас за двором стоит в саду, рубленная, еще дед строил. Они с бабкой как со Смоленской губернии переехали, так дед первым делом баню срубил, а потом дом строить стал. Деда уже нет и дом старый батя завалил, новый построил, а баня дедова еще стоит.

– Все, я выхожу, уже не могу сидеть, уши печет, – заявил Иван, прикрывая уши руками и выскакивая из парилки. В

предбаннике за столом сидели Одас и Андрей, попивая чай.

– Молодец ты, Вань, чая заварил.

– Садись, я сейчас допью, – сказал Одас, – и тебе кружку дам.

– Как жар в парилке?

– Хорош, – ответил Иван, присаживаясь за стол.

– Андрюха, ты с собой шашки не брал?

– Обижаешь. – Андрей достал из свернутого полотенца дорожные шашки-шахматы.

– Сыграем?

– Классно. – Одас вытянул ноги на кресле. – Вот это служба, всегда бы так, я бы, наверное, до самой смерти служил бы.

– Ну да, плохое быстро забывается, два дня назад до рыгачки газ нюхали, аж глаза на лоб вылезали, а часок в баньке попарились и жизнь удалась. Уже и майдановцев расцеловал бы, – подначивал Одаса, дуя на парующий чай Андрей.

– Да шо я, дурак? – возмутился Игорек.

– Ладно, давайте за что-нибудь другое поговорим, этот майдан уже надоел, – вмешался в разговор Журба, расставляя шашки на доске.

После бани Ивана разморило, во всем теле чувствовалась приятная расслабленность. Придя в комнату, завалился на кровать.

– Тут твой телефон разрывался, – заметил Гена. Иван взял телефон – пять неотвеченных: три от жены, один от брата и товарищ из Одесского «Беркута» звонил. Разговаривать ни с кем не хотелось, клонило в сон. Иван набрал телефон жены:

– Привет, любимая. Трубку не брал, ходили с пацанами в баньку, сегодня у нас выходной, нет, как ты могла такое подумать, я ведь сплошь положительный. Верность мое второе имя. – Иван, пребывая в благодушном настроении, пытался избежать ссоры, но жена явно была чем-то расстроена. – Почему я вру постоянно? – удивился Журба.

– Что с женой Гены разговаривала, она сказала, что вас газом травили.

Иван повернулся к другу и, состроив страшную рожу, покрутил пальцем у виска.

– Да там немного Гене попало, а он уже, чтобы героем выглядеть, раздул историю, ему надо сказки писать – Андерсен. Я берегу твои нервы, – и, пытаясь перевести тему, спросил, – ты лучше расскажи, что дома новенького, как там дочки?

Поговорив по телефону, Иван повернулся к товарищу:

– Находько, ты что, дурак? Все, что здесь происходит, жене рассказываешь, ты хотя бы если свою не бережешь, подумал, что она моей все расскажет. Они же сейчас по двадцать раз на день

созваниваются. Я теперь брехуном выгляжу.

– Вань, я не хотел ей ничего рассказывать, – стал оправдываться Гена, – она говорит, по телеку смотрели, как вас газом травили, ну я ей ситуацию и обрисовал.

– Обрисовал, – перекривил Иван друга, – как всегда, наверное, героически держал оборону до подхода основных сил, а мы все тебе патроны подносили.

– Вань, ну что ты начинаешь, – обиделся друг.

– Ладно, – после бани, несмотря ни на что, настроение оставалось благодушным, – я немного подремлю, когда ужинать будете, разбудишь.

Проснулся Иван от грохота за окном. Вскочив с кровати, подошел к окну. На улице под ярким светом фонаря старый, облезлый мусоровоз, громко рыча, манипулятором поднимал мусорные баки и, рассыпая по сторонам машины, высыпал внутрь кузова мусор. Назад он их не опускал, а просто ронял на полдороге к земле. Звукоизоляции никакой, – подумал Иван, посмотрев на старые, еще совдеповские окна. Дома он уже давно поставил пластиковые с тройным стеклопакетом. Взглянул на часы в телефоне, пять сорок пять. Ого, немного поспал! Это меня хорошо после баньки разморило. На кроватях, мирно посапывая, дрыхли соседи по комнате. Сильно хотелось есть. Вот Гена гад, просил же на ужин разбудить – думал Иван, ковыряясь в сумке. Он достал банку тушенки и, открыв ее ножом, взял со стола два куска черствого хлеба, стал есть. Поев, бросил пустую банку в кулек с мусором. Надо утром вынести. Спать уже не хотелось. Иван вышел в коридор, вокруг была тишина, только в предбаннике кто-то разговаривал. Пройдя по коридору в предбанник, где стоял телевизор, Иван увидел: на диване мирно, в позе эмбриона, повернувшись спиной к телевизору, посапывал Саркисов, перед ним ведущая пятого канала распиналась, рисуя радужные картины от подписания Януковичем ассоциации с ЕС сегодня в Вильнюсе на саммите «Восточное партнерство». Журба поднял с пола старенький, затертый пульт, подвинул ноги Саркиса, сел на диван. Поклацав по каналам, нашел какой-то старый фильм и, устроившись поудобнее, попытался вникнуть в суть сюжета, но в голову лезли совсем другие мысли. Вчера позвонил товарищ, розыскник из райотдела, тоже, говорит, постоянно на площадях, некогда работой заниматься, только майдановцев пасут. Вот народ, сам не работает и другим не дает. После фильма на экран выперся какой-то политолог с козлиной бородкой и начал рассуждать, что выиграет Украина от членства в ЕС. Иван вспомнил, как пару месяцев назад на посту гаишник остановил литовскую машину. Водитель гоняет машины в Россию

под заказ, он не высказывал радости от вступления Литвы в Евросоюз. Так незаметно в думах пролетело время, по коридору стали сновать сонные пацаны в трусах, кто с зубной щеткой, кто с полотенцем побежал помыться. Иван встал и пошел собираться. Зайдя в комнату, увидел, что соседи по комнате еще даже и не собирались вставать.

– А ну подъем! Хватит дрыхнуть, сурки! – крикнул он. Андрей сразу открыл глаза и сонным голосом спросил:

– Сколько времени?

– Семь десять, – просветил Иван. Из-под одеяла с кровати, где спал Гена, раздался голос:

– Еще спокойно можно пятнадцать минуток поспать.

Журба стянул с Гены одеяло и, взяв щетку, пошел чистить зубы. В дверях повернулся:

– Спасибо, что вчера на ужин разбудил, как я просил. – И уже в коридоре услышал голос Гены:

– Я тебя будил, а ты сказал, чтобы отвалил, ты спать хочешь.

В автобусе Иван увидел заспанного Саркиса.

– Серега, ты и во сне впитываешь информацию, правда, тем местом, на котором люди в основном сидят, – подколол его Журба. Весь автобус заржал.

– У него там третий глаз спрятан, – продолжая смеяться, внес свою лепту в шутку Рыжий.

– Или антенна, – повернув голову, из-за руля выкрикнул Одас.

– Игорек, хватит зубы сушить, ты лучше за дорогой смотри, а то сейчас въедешь в зад кому-нибудь, тебе командир такую антеннку вставит, мало не покажется, – сделал замечание Гена.

– Да еще никого нет, столица поздно встает, дорога пустая, – отмазался Игорь.

– А мы сегодня не той дорогой едем. Мы не на Кабмин? – спросил Иван.

– Нет, сегодня поближе к майдану стоять будем, – сказал Гена.

– Я сегодня, когда выходил, слышал, как командир Олегу Викторовичу сказал, чтобы ехали и стали перед Европейской площадью и там его ждали, он подъедет, покажет, куда ехать дальше.

Около десяти часов автобусы поехали за машиной командира и, поднявшись наверх, остановились недалеко от выхода из метро «Хрещатик». Водитель командира вышел из машины и зашел в ворота старой заброшенной стройки, на противоположной стороне. Через несколько минут ворота открылись, и автобусы стали въезжать внутрь. Въезд был узкий, поэтому водители

заезжали аккуратно, чтобы не зацепить ворота, и выстраивались возле старого, осыпающегося котлована, паркуя автобусы впритык друг к другу. Иван вышел из автобуса и помогал Одасу припарковаться так, чтобы не задеть старые бетонные блоки на краю котлована. Вокруг них торчали толстые сухие стебли бурьяна, можно было поцарапать автобус. Журба отбросил в сторону сухую ветку и ногой примял будяки, обозначив край плит. Игорек ловко припарковал автобус. Иван осмотрелся, стройка была старая, но не заброшенная. Двери на старом, вросшем в землю вагончике, были открыты, и возле них стоял сторож, мужчина средних лет, с усталым безразличием следя за происходящим. В сухом бурьяне, прижавшись к строительному вагончику, стояла поломанная собачья будка, в которой уже давно никто не жил. В нее были напиханы картонные коробки и грязная клеенка. Забор от Институтской стоял хороший, из оцинкованных листов, а с тыльной стороны стройки сбитый из чего попало, из досок, жестяных и фанерных листов. Кое-где в нем светились дырки, к которым вели протоптанные в сухой траве тропинки, в углу лежала куча мусора из старых грязных бутылок, ржавых консервных банок и яркой целлофановой упаковки. Остатки снега под забором были желтого цвета, судя по всему, сюда частенько заскакивали справить нужду.

– Тут нас еще не было, – подумал вслух Журба. Он подошел к осыпающемуся котловану, ботинком отбил край и смотрел, как сырая земля комками вперемешку с прошлогодней травой сползла в низ.

– Что грустим? – почти над самым ухом раздался голос командира первой роты. От неожиданности Иван вздрогнул и выпал из задумчивости.

– Да просто интересно, ты как думаешь, Сергей Васильевич, это что-то строили или какие-то исторические раскопки? – ответил боец.

– Да, вопрос конечно интересный, но тут и думать нечего – стройка, – заулыбался Железняк. – До 2007 здесь стояло старое нежилое здание, потом городская власть отдала землю строительной фирме, которая клялась и божилась, что до 2009 года построит музей истории Киева и гостиничный комплекс. Вот ты теперь стоишь и смотришь на музей Киева. Фантом, как и многое другое в этом городе.

Иван с удивлением посмотрел на Железняка.

– Ну, ты и даешь, Сергей Васильевич! Прямо википедия ходячая, у тебя что, в голове вай-фай установлен, прямой выход в интернет? Я смотрю, ты не только на турнике склепку и офицерский выход можешь сделать. Откуда тебе все это известно?

Это не ты директор строительной фирмы, которой землю отдали? – засмеялся Иван.

– Да нет, – улыбнулся Железняк. – Ты же знаешь, я коллекционирую разные вещи времен Великой Отечественной войны, форму, ордена, медали. Люблю историю, иногда с мужиками на выходных ездим покопать по местам боев. Вот на сутках недели три назад был, ночью скучно, не спится. Сидел в интернете, по разным историческим сайтам лазил, высветилась заметка про эту стройку, какой-то архитектор писал, что эта стройка может повредить фундамент Октябрьского дворца, он у нас за спиной стоит.

Иван повернул голову и с любопытством взглянул на здание за спиной.

– Могут пойти трещины, – продолжал рассказывать Сергей Васильевич, – и разрушится памятник истории. Я и не думал, что когда-нибудь все это вживую увижу.

– А этот Октябрьский дворец тоже старой постройки? – спросил подошедший с еще несколькими бойцами во время разговора Миша Ахтыркин.

– Это памятник архитектуры, построен в 1842 году и строился он четыре года с 1838, – просветил присутствующих Железняк.

– До революции в нем был Институт благородных девиц, а после 1917 года «благородные девицы» стали не нужны, его отремонтировали и взяли себе коммунальщики. В 1934 году, когда Киев стал столицей УССР, бывшее помещение Института благородных девиц облюбовал для себя НКВД. Отсюда многие в годы Большого террора уехали в сибирские лагеря, в безымянные могилы на Лукьяновском кладбище. После прихода фашистов сгорела большая часть Киева, вместе с ней и это здание, рухнули все перекрытия, обвалилась тыльная стена. Через несколько лет после освобождения столицы Украины группа архитекторов восстановила здание. В честь Октябрьской революции его назвали Октябрьский дворец культуры.

– Ну, вы, Василич, прямо как учитель истории рассказываете, заслушаться можно, – восхитился Миша Ахтыркин.

– Вам надо в школе историю преподавать, так даты хорошо запоминаете, а я как-то числа не очень, зато лица хорошо запоминаю, – похвастался пришедший вместе с Мишей Коля Линенко.

– Ага, особенно кому денег должен, – толкнул в плечо Николая Одас, – или кому я должен, всем прощаю.

– Да отдам я тебе долг, что об этом постоянно напоминать, – набычился сразу Линенко.

– Хватит вам собачиться, пойдемте лучше в дебчика перекинемся, – прервал всех Иван.

– Миша, будешь со мной в паре.

– О, и я играю! – присоединился Игорь.

– Одас, а пара есть? – спросил Лапатый.

– Есть.

– Морячок, ты дебчик будешь? – спросил Одас.

– Буду, – сразу поддержал Линенко.

– Подожди, может Сергей Васильевич будет играть, – разбил надежды Одаса Иван.

– Нет, Вань, я в карты не играю, пойду лучше во второй автобус, они с собой телевизор привезли, новости может будут, – отказался Железняк.

За игрой время пролетело незаметно и когда вышли на улицу размять затекшие ноги и покурить, уже начало сереть. Иван заметил, что возле автобусов почти никого нет. Заглянул в соседний автобус, людей было непривычно мало. Он подошел к водителям, которые копались в промасленных внутренностях автобуса, при этом о чем-то оживленно споря.

– Карась, ты не знаешь, где все пропали?

Но милиционер, увлеченный спором, не слышал его.

– Карасев! Димон! – повысил Иван голос.

– Ну шо? – спросил раздраженный Карасев с раскрасневшимся лицом. – А, это ты, Вань. Что случилось? – уже более спокойно поинтересовался он.

– Ты не знаешь, где все пропали? – повторил свой вопрос Журба.

– А-а. Вон там, в Кинопалаце, – указал Карасев грязной промасленной рукой в сторону стоящего рядом со стройкой здания.

– А кто разрешил? – озадаченно поинтересовался Иван.

– Кто? Кто? Командир, конечно, не сами же они туда пошли, – ответил Карась и, повернувшись к остальным водителям, продолжил спор. – Сейчас натяжной ролик подтяну, и зарядка опять пойдет.

Иван не стал слушать, про что спорят карданы, как любя водителей называли в подразделении, подошел к Мише, который курил, стоя между автобусами.

– Слышал, наши уже в Кинопалаце, – обратился к другу Иван.

– Ага! Они там договорились, их бесплатно на сеансы пускают. Саркис говорил, там жарко, можно в кителе сидеть, и кресла мягкие, спать удобно. Ладно, пошли, доиграем партию, Игорек с Колей уже ждут, – открывая дери, позвал Миша. Вслед за товарищем Иван залез в автобус. Сзади, где сидели игроки, горел

свет. Игорек уже тасовал колоду.

– Ну что, продолжим?

– Сдавай, – поддержал друга Миша.

Часа через полтора в автобус, громко обсуждая фильм, ввалилась толпа. Саркисов с разбегу налетел на стол, сложенный из бронников.

– Аккуратнее! Под ноги смотри, Серега, – поздно предупредил Лапатый, прямо из-под ног забирая карты.

– Ой! Извините, – ответил Сергей.

– Извините, – передразнил Иван. – Вы откуда такие красивые нарисовались? – поинтересовался он.

– Из Кинопалаца. Он уже закрылся. Фильм про пиратов какой-то смотрели, правда, я через десять минут уже дрых. Кресла мягкие, удобные, класс, – с восхищением рассказывал Андрей Кольницкий.

– Мы договорились, нас на передние места бесплатно пропускают, если посетителей не много. Завтра в десять открывается, можно сходить, – поддержал друга Гена Находько. От передней двери раздался крик:

– Игорек?! А какой тут кнопкой свет спереди в салоне включить? – спросил Бодренко Семен, перегнувшись в кабину водителя и внимательно рассматривая кнопки на приборной панели.

– Не лезь туда! – сразу вскочил с места Одас. – У себя в автобусе будешь кнопки нажимать! Ты понажимаешь, а мне тогда целую ночь чинить. Двери закрывайте. Соляры нет, топить нечем, – обернулся он к Находько, который еще не успел зайти внутрь.

– Успокойся, Игорек, не нервничай, нервные клетки не восстанавливаются. Иди сам тогда включи, – примирительно сказал Семен.

Бодренко Семен в подразделении занимал штатную должность психолога. Правда, в психологии он разбирался как слесарь в балете, то есть поверхностно. Бумажную работу в управу сдавал: отчеты, контроли, опросы – и психологический отдел УВД всегда был на хорошем счету. Когда приезжал начальник психологов, всегда Семена встречал словами:

– Ну что, Семен, работа бодренько идет? Молодец Бодренко, у тебя и фамилия соответствующая, оправдываешь.

Ну а когда возникала практическая необходимость в его психологической работе, Семен говорил:

– Сейчас возьму помощника психолога и будем работать.

При этом доставал «Немиров с перцем» и лимончик. Как правило, после таких бесед психоэмоциональное состояние у

больного значительно улучшалось. Правда на другой день могла болеть голова, но это были побочные эффекты работы. Если в психологии Семен был не специалист, то в стрельбе из автомата мало кто в подразделении мог с ним поспорить. Он мог стрелять и с левого плеча, и с правого, отлично попадал и от бедра.

– Там справа две кнопки красные, нажми ту, что правее, – сдался, в конце концов, Одас, – только не долго, а то аккумулятор сядет.

После окончания игры Иван вышел на улицу, где позвонил маме и поговорил несколько минут, узнав, что у них все хорошо. Зашел в автобус, на передних сидениях играли в карты.

– Вань, на вылет будешь? Мы уже доигрываем, можешь вместо меня сесть, – пригласил Одас, который уже раздавал карты в паре с Семеном.

– Нет, они потом ночью будут сниться. Лучше книжку почитаю, – ответил Иван.

Утром Журба вышел на улицу. Почистив зубы и ополоснув лицо из полуторалитровой бутылки, которая всегда лежала за водительским сидением у Одаса, Иван сделал небольшую зарядку и, став на кулаки, пятьдесят раз отжался. Резво вскочив, немного попрыгал, меняя стойки, и почувствовал приятное тепло разогретого тела. Сегодня он встал поздно, сквозь сон слышал, как бродили и переговаривались между собой уже проснувшиеся товарищи, но просыпаться не хотелось. С вечера долго не мог заснуть, мешали игроки. Одас, хотя и шепотом, но довольно эмоционально высказывался, когда Семен неправильно ходил. Сделал несколько наклонов и с удовольствием почувствовал – спина почти не болела. Начинаю привыкать жить в автобусе, по приезде домой придется автобусное кресло ставить вместо кровати – подумал с иронией Иван. Посмотрев, как бойцы разогревают тушенку на спиртовках, прикрывая их от ветра и мелко моросящего дождя, пристраивают кружки, чтобы вскипятить чай, Иван вспомнил другую зиму 2004 года, Оранжевую революцию. Тогда сидели в старых «Икарусах», охраняя телевышку, а застывшую тушенку грели на костре. Ходили собирали мелкие веточки, сухую траву и, поставив банку на кирпичи, под ней разводили костерок. В железной банке из-под тушенки по очереди кипятили чай из веточек дикой малины, которые наломали недалеко от стоянки, и, перелив в чашку, по очереди сербали, обжигая язык и губы. Чай пах жарким летом и дымом. Сейчас уже цивилизация, может скоро, как в Европе, будут выдавать сухпай в самоподогревающихся пакетах. Это навряд ли.

– Эй, робинзоны! От автобусов подальше отойдите, а то еще

пожар здесь устроите. Журба, ты что на все это смотришь, сделал бы замечание им, или хочешь домой пешком идти? – высказывал командир. Пока Иван провалился в воспоминания, сзади тихо подошел полковник.

– Никак нет, я им сказал, чтобы аккуратно разогревали. Они на сухом спирту, он пожаробезопасный, – выкрутился Иван. Командир строго взглянул на бойца:

– Скажи, пусть к плитам отойдут, подальше от автобусов. Обойди автобусы, скажи, через два часа все на местах, в броне, защиту пока можно не надевать. Ждут моей команды. Я уехал в главк вместе с замом.

Иван видел, командир вернулся в хорошем расположении духа. Дождавшись, пока быстро закроют ворота стройки, чтобы было поменьше любопытных глаз и ушей, полковник собрал около себя бойцов и офицеров, которые стояли на улице, несмотря, что шел мокрый снег. Посмотрел на собравшихся и с веселой улыбкой сказал:

– В главке сказали, если все спокойно, то завтра домой поедем. Так что звоните женам, пусть праздничный ужин готовят.

– Одесситы уже сегодня уезжают домой, а нас как всегда до завтра держат, – расстроенным голосом высказался Карась.

– Не дохни, Карасев, – с иронией вступил в разговор Барсуков. – Тебе, значит, больше доверяют, так сказать надежа и опора.

– Опора? Затычка в каждой дырке, – бубнил Карась, идя к своему автобусу.

– Как мессера завалить, так это мы, а как звания, ордена, медали – так извините, не хватило, – продолжал возмущаться боец.

– Приедем из Киева, будут и звания, и медали, ко дню милиции не обидят, думаю, – успокоил обрадованных милиционеров полковник.

Часа через два стало темнеть. Иван сидел в автобусе и, не обращая внимания на громко гудящую печку, смотрел, как снежинки прилипали к стеклу и через некоторое время скатывались каплями вниз. Домой жене Журба звонить не спешил. Наученный горьким опытом не хотел понапрасну обнадеживать. Уже бывали случаи, когда в последний момент все менялось и радостное состояние души сменялось горечью разочарования. Поэтому в отличие от Гены, который уже предупредил супругу, что скоро приедет из Киева, он позвонил на телефон узнать, как дела дома. Трубку на том конце долго не брали, через несколько гудков сонный голос ответил.

– Алло. Привет, ты что, спишь? – спросил Иван.

– Ага.

– Ну ладно, спи, потом, как проснешься, перезвонишь.

– Хорошо, – на другом конце провода отключились. В автобус ввалился Андрей, стряхивая с воротника мокрый снег, сказал, – там бачки привезли с горячим, кто хочет, идите есть.

– А ты уже ел? – спросил Иван у друга.

– Нет. На второе котлеты, хочу горчицы взять в сумке.

– Так пошли все возьмем и тут сядем, поедим. У меня чай горячий в термосе есть, – предложил товарищу Иван.

– Нет, Бодренко Семен уже все взял. Мы в его автобусе в нарды играем на вылет, договорились там и поесть, – ответил Кольницкий, с горчицей в руке выходя из автобуса. Иван пошел, взял гречневый суп в одноразовой тарелке и быстро съев его в автобусе, вернулся за вторым. На второе давали ячневую кашу и котлету.

– Мне только котлету положи, каши не хочется, – попросил он Саркиса, который из бачка насыпал еду. Идя к автобусу, Иван подумал, может пойти к Кольницкому в нардишки сыграть? Но тут же передумал. Да нет, настроения что-то нет. Поев, Иван налил из термоса горячего чая, который пах липой и чабрецом. Сразу вспомнилось, как этой весной с женой ездили в Евпаторию. В поликлинике МВД после нескольких лет настойчивых просьб дали путевку в санаторий. Хотели летом, но сказали, не по чину, летом руководство ездит. Поехали весной и не пожалели. В море не покупаешься, холодно. Но зато какой запах стоял. Крым цвел: благоухала акация, растущая прямо возле окон номера, вдоль дорожек пахли цветы, а за воротами санатория цвели вишни. По вечерам они ходили к морю дышать свежим воздухом. С моря дул холодный ветер, приходилось надевать спортивные куртки, но Иван, несмотря на холод, разувался и ходил по воде.

В автобус стали заходить беркута.

– Командир сказал срочно одеваться. На майдане какая-то заварушка, – сказал вошедший Леха Рыжий. Через задние двери вошел Миша Лапатый.

– Мишань, ты из Кинопалаца пришел? – спросил Иван.

– Да, – ответил боец.

– Там еще из нашего автобуса много людей?

– Нет, немного, но все уже знают, что одеваться надо, спешат в автобусы, – успокоил Ивана Миша. Через несколько минут уже все надели спецсредства и, рассевшись по местам, переговаривались, ожидая дальнейших команд.

– А где Саркис? – поинтересовался Гена.

– Они на командира машине повезли бачки и посуду, что в столовой брали, – успокоил друга Кольницкий.

– Вань, есть еще чай? Налей, пожалуйста, – попросил Лапатый.

– И мне, – влез Гена. По радиостанции прозвучала команда:

– Выходим строиться!

Из автобусов выскакивали спецназовцы.

– Становимся в колонну по три, – командовали офицеры. Иван увидел, как за ворота стройки выбегали беркута из других областей.

В три колонны «Беркут» бежал вниз по Институтской в сторону Крещатика, сзади и впереди бежали беркута из других областей. Не добегая до Крещатика, подразделение остановилось, и шеренги развернулись лицом к протестующим, которые стояли через дорогу.

– Опустить забрало! Сомкнуться! – последовала команда. Стоящие напротив майдановцы с любопытством рассматривали бойцов, многие фотографировали и снимали на видео. Для них это было очередное веселое развлечение, для «Беркута» рутинная работа. «Мальчики, идите к нам», – кричали девчонки прямо напротив Ивана. У них была фотосессия на фоне спецназовцев. «Міліція з народом!» было слышно слева. «Зека геть!» разрывались справа несколько человек с флагами «Свободы».

Сверху бежали все новые и новые колонны «Беркутов», выстраиваясь в ряды, и вот уже слева и справа от Ивана колышется камуфлированная река. Народ напротив насторожился, уже с опаской поглядывая на шеренги силовиков, наиболее активные растворялись в толпе. С противоположной стороны появились лазерные указки и их красные и зеленые лучи прыгали по каскам бойцов, пытаясь попасть в глаза. Как всегда не вовремя зазвонил под бронежилетом мобильный. Звук был выключен, но виброзвонок настойчиво привлекал к себе внимание. Иван достал телефон, звонила жена. Не вовремя. Он повернулся к стоящему сзади него Саркису и, показывая пальцем на вибрирующий в руках мобильный, попросил:

– Давай местами поменяемся.

Став за спину товарища, Иван ответил на звонок.

– Да, дорогая, ты уже проснулась? Все в порядке. Сейчас немного неудобно разговаривать, в строю стоим. Какую радостную новость я от тебя скрываю? А, наверно Гены жена уже доложила, что возможно поедем домой.

Гена Находько, услышав свое имя, повернул голову в сторону, откуда доносился голос. Журба погрозил другу кулаком, на что тот состроил совершенно невинное лицо.

– Ты ведь помнишь, уже было, что позвонил, еду, а автобус развернули назад, – продолжал разговор Иван. – Мариша, я

обязательно позвоню, как выедем. Честно! Честно! Все, пока, целую.

Больше двух часов на ногах в строю давали о себе знать. Начала ныть спина, а время стало тянуться утомительно медленно. Народ напротив видя, что никто их трогать не будет, опять воодушевился, стали кричать речевки и махать флагами, появились заводилы с мегафонами. Бойцы тоже немного расслабились, переговаривались между собой, переминались с ноги на ногу, некоторые похлопывали себя, чтобы согреться. Вдруг справа от себя Иван услышал знакомый голос «Розійдіться! Я народний депутат. Пропустить мене!». Журба посмотрел направо, откуда раздавался голос, и не поверил своим глазам. Через строй пробирался Арсений Петрович Яценюк, следом за ним спешили два охранника в черных болоньевых куртках и оператор с камерой. Видя, какие усилия прилагает народный избранник, пробираясь через лабиринты «Беркута», Иван задавал себе вопрос: почему не пойти по дороге, которая разделяла две противоборствующие стороны, ведь она совершенно пустая? Но как говорится: «Мы легких путей не ищем». Кто-то из строя отвлек депутата фразой: «Поаккуратней можно!» и Арсений Петрович врезался в детину больше двух метров ростом. Боец посмотрел на народного избранника сверху вниз и сказал: «Осторожнее». Яценюк, раскрасневшийся, в запотевших очках, попробовал рукой отодвинуть преграду с дороги.

– Дайте пройти. Я народный депутат Украины Арсений Яценюк! – представился он. Но милиционер даже не пошевелился. Поправив маску на лице, он сказал:

– Нужно с народом повежливее быть, а ты толкаешься. Некрасиво.

– Це ви народ? – возмущенно воскликнул депутат. – Ви служите злочинному режиму Януковича!

Строй загудел, милиционеры стали подтягиваться ближе. Из строя послышались выкрики:

– Мы служим Украине. Раздался еще один выкрик:

– Вырвите ему нитки.

Внезапно вспомнив о неотложных делах, депутат дернул за рукав оператора и, указывая на «беркутов», сказал:

– Знімай! Знімай все, що тут відбувається!

А сам вместе с охраной, проскальзывая между бойцами, ринулся в сторону митингующих, которые встретили своего кумира восторженными криками.

– У тебя что, камера лишняя? – раздался голос из-за спины оператора, пристраивающего на плечо камеру.

– Нет! – взвизгнул он и побежал догонять своего

работодателя. Кто-то выкрикнул:

– Куда же вы, мы только собирались вам автограф на память оставить, – и помахал палкой. Строй взорвался дружным громким смехом. Теперь в строю было про что поговорить. К Ивану повернулся Саркис и возмущенным тоном сказал:

– Ну, ты видел, форменный провокатор. Наверное, палец ему замначальника «Кобры» в 2008 году тоже не просто так показал, довел человека.

Через полчаса шеренги пришли в движение. «Беркут» уходил. Дошла очередь и до подразделения Ивана. Перед строем вышел командир и скомандовал:

– На ле-во! Шагом марш!

Шеренги, синхронно повернувшись, пошли вверх по улице. Митингующие напротив стали хлопать в ладоши и скандировать: «Молодці! Молодці!», «Міліція з народом!». Шум майдана распространялся далеко за его пределы и в автобусах, даже с закрытыми дверями, было слышно, как выступают на сцене активисты и в перерывах между пылкими речами играет музыка.

Уставшие милиционеры заходили в автобусы и падали на сиденья, стягивая с себя амуницию и спецсредства. Заходя в автобус, Гена остановился на ступеньках в дверях и, подняв руки, с пафосом произнес:

– Дом, милый дом.

В спину его несильно толкнул Миша Лапатый.

– Проходи давай, не охлаждай машину, нам в ней еще спать.

– Ты знаешь, – обратился он к Ивану, – на посту по двенадцать часов стоишь, а ноги так не болят.

– Так на посту ты не все время стоишь, походил, присел где-то, на что-то обопрешься, а здесь стоишь и стоишь, – просветил друга Иван. Сняв ботинки, он засунул ноги в тапочки.

– Ну, ты уже вообще по-домашнему, – заметил Алексей Каустович.

– Ноги должны отдыхать. Мне так еще моя бабушка говорила. Зачем себе отказывать в маленьких жизненных радостях? – наставительным тоном ответил Иван, готовясь завалиться спать.

– Вань, ты что, уже спать ложишься? – с обидой в голосе спросил Гена.

– Ну да, а что? Сейчас умоюсь, что-нибудь перекушу и на боковую.

– А в картишки партейку сыграть? – предложил друг, вытягивая из внутреннего кармана колоду карт и начиная ее тасовать.

– Нет Ген, какие карты, уже одиннадцать ночи. Хочешь, Одаса возьми, он целый день в автобусе спал, – посоветовал сослуживцу

Иван.

– Кто спал? – возмутился Игорек. – Я целый день с Карасем его автобус делал, руки отмыть не могу. Вон бушлат весь мокрый. Нужно было оставаться и спать вместе в грязи под автобусом, – бубнил незаслуженно обиженный водитель.

– Я тоже играть не буду. Сейчас еще натоплю чуть и спать. Замерз как собака, – обратился он к Гене.

– Ну, вот так всегда. Смотрите, всю жизнь проспите, – расстроился боец и вышел на улицу.

Ивана разбудил виброзвонок телефона. Спросонья он никак не мог найти его под бушлатом. Наконец вытащил из внутреннего кармана и ответил:

– Алло!

– Хватит спать, – это был командир, – буди всех. Надеваем на себя все: брони, спецсредства. Одасу скажи, пусть автобус прогревает.

– Есть, товарищ полковник, – ответил боец в трубку, из которой уже доносились гудки. Подойдя к водителю, который спал на двигателе, он подергал его за плечо.

– Вставай, Игорек. Одас проснулся сразу.

– А, что? – уставился он непонимающим взглядом на Ивана.

– Заводи автобус и включай свет, – распорядился он.

– А который сейчас час? – поинтересовался полусонный водитель, натягивая ботинки.

– Три часа ночи.

– И куда мы собрались в такую рань? – продолжал расспрашивать Игорь, попутно заводя автобус и включая свет в салоне.

– Много текста. Подъем! – громко на весь автобус скомандовал Иван. На его окрик среагировало человек семь; все остальные продолжали дрыхнуть, как ни в чем не бывало. Милиционер пошел по салону, расталкивая товарищей. Реакция была разная: одни просыпались и начинали одеваться, другие долго не могли понять, что происходит и почему их будят в такую рань. Наконец он растолкал всех, кто находился в автобусе и, вернувшись к своему месту, накинул на себя бронник. Присев на край сиденья, застегивал наколенники. Бойцы, надев все на себя и видя, что ничего не происходит, стали расслабляться. Одни вышли на улицу покурить, другие, удобно устроившись, продолжали сладко спать. Чтобы окончательно проснуться, Иван тоже вышел из автобуса и встал у дверей. Со стороны майдана была слышна негромкая музыка. Беззвездное небо было затянуто облаками и темноту рассеивал только ближний свет фар заведенных автобусов. Мороз несильный, но из-за сырости было

зябко. Бр-р-р, – передернул плечами Иван. Стройка, где они ночевали, гудела как растревоженный муравейник. На краю, возле выезда рычали «Икарусы» «Беркута» из других областей. В тусклом свете метались тени, на спине которых отражались нашитые надписи; «Міліція» или «Беркут». Что-то намечалось, «может майдан разбежался и всех домой распускают», была первая счастливая мысль Ивана.

– Что случилось, не знаешь, Макс? – бросил он пробегающему мимо Краховецкому Максиму. Тот немного приостановился.

– Да вроде бы на майдан сейчас пойдем, елку будем наряжать, – ответил водитель и побежал к своему автобусу.

– Какую елку? Кто наряжать будет? – крикнул ему вслед Иван, но его уже никто не слышал. Только утром, когда все газеты будут кричать «о кровавой елке майдана», а телевидение показывать интервью с избитыми «детьми», он поймет, про какую елку говорил Краховецкий.

– По машинам! – в темноте Иван узнал голос командира.

– По машинам! – продублировал он команду. Зайдя в автобус, попросил водителя включить свет.

– Одас, свет выключи, – закричали из задних рядов, – спать мешает.

– Я сейчас выключу кому-то на всю оставшуюся жизнь. Кого нет? – задал вопрос тоном, не терпящим возражений, Иван.

– Американца! – ответил сонным голосом Ахтыркин, – он в туалет побежал, прижало его сильно.

– Вот сука! Набирайте его на телефон, пусть бегом возвращается, – начинал нервничать Иван. Нужно уже докладывать командиру, а у них одного человека нет. На заднем сидении возле Миши заиграл телефон.

– Он бушлат оставил, а мобильный в кармане! Не надо было человека будить. Так бы он до утра в автобусе сидел. Сами пацана разбудили, теперь еще и виноватым оставят, – недовольно бубнил Ахтыркин. Не став дальше слушать его бубнеж, Иван выскочил на улицу.

– Степаненко Гришка! – позвал он.

– Да, я! – выскочил из темноты Американец с перепуганными глазами, застегивая на ходу комбинезон. Высокий, крепко сбитый Степаненко пришел в «Беркут» из охраны совсем недавно. Еще не обтерся, был тихий и незаметный. Старался на глаза никому лишний раз не попадаться. Когда Американец проходил отборочный спарринг, Иван убедился, что он неплохой боксер и вроде даже имел КМС по боксу. «Американцем» Григорий стал по пути в Киев. В сумку с собой он взял пять бутылок с «Кока-колой», когда пацаны увидели полсумки культового американского напитка, Степаненко сразу стал «американцем», но он не обиделся.

– Давай быстро в автобус. Где ты лазишь? Иван, назвав свой позывной в рацию, доложил, что у них все.

– Долго копаетесь, – услышал в рации недовольный голос командира, – выезжаем!

Возле ворот рычал «Икарус», он не проходил по габаритам, а сзади его уже подпер следующий, и так один за другим в ряд стояли пять автобусов. Последний автобус Карася, который ехал первым в их колонне. Сам Карась бегал на улице возле застрявшего «Икаруса» и орал:

– Убирай ты свою колымагу, ты бы еще на поезде сюда заехал, – злился водитель. Командир замыкал колонну и по радиостанции послал Диму Карасева разобраться, почему не можем выехать. Карась работал не очень давно, но за словом в карман не лез никогда. Мастер спорта по борьбе, коренастый, невысокого роста, он постоянно влипал в не очень хорошие ситуации из-за своего языка. Прямо перед отъездом в Киев в подразделение к командиру приходила соседка Карасева и жаловалась на Димона. Что-то он ей там наговорил, когда она сделала замечание его жене по поводу криков их шестимесячного малыша. После ее ухода командир вызвал Карася и сказал: «Поедешь в Киев. Пусть соседи от тебя хоть немного отдохнут.

Нервишки подлечат».

– Ну где ты этот самовар взял. Давай потихоньку вперед, да не сцы, пройдешь, – продолжал руководить процессом Димон, – я бы там на комбайне проехал.

Водитель «Икаруса», не выдержав нападок со стороны Карася, высунулся по пояс в окно и, махая рукой, заорал водителю заднего автобуса:

– Да отъедете вы на хрен. Дайте назад сдать.

Карась остановился, посмотрел в сторону конца колонны и, хлопнув себя открытой ладошкой по лбу, побежал к автобусу. После того как он сдал назад, вся колонна зашевелилась, как большая гусеница поползла назад. Передний «Икарус», коптя черным дымом, совершил несколько маневров и, наконец, выехал через ворота на Институтскую. Следом за ним потянулись все остальные. Иван сел на место и смотрел через лобовое стекло, как их автобус прижимался к бордюру, становясь впритык к машине Карасева, вдоль по Институтской.

– Одас, не становись ты впритык. Сейчас Карась автобус заведет, будем выхлопными газами дышать, – запереживал Леха.

– Куда сказали, туда и встаю, – раздраженно ответил товарищу не выспавшийся Игорь. В автобусе уже никто не спал. Все прилипли к окнам и с жадным любопытством всматривались в темноту. Иван видел, что из-за «Икаруса» на веселье они опоздали. Майдан уже почти зачистили без них.

– Вот бл…ть, не успели, – выразил мысли всех находящихся в салоне Ахтыркин, натягивая на руки кожаные перчатки. Предупреждая желание поскорее выскочить из машины, по рации раздался голос командира:

– Двери не открывать. Из автобусов не выходить. Сидим в автобусах.

– Никому не выходить, – повторил Иван команду, чтобы все услышали. Через окно было видно, как мимо автобуса в сторону выхода из метро «Крещатик» пробежали несколько парней лет по двадцать пять-тридцать, на ходу сдирая балаклавы с головы. Двое из них остановились и, подобрав несколько камней, бросили их в милиционеров и побежали догонять товарищей.

– Смотрите! Смотрите! Суки, что творят! – привлек внимание товарищей Андрей Кольницкий. Все бросились к окнам, выходящим на майдан. На ступеньках лежал споткнувшийся беркутовец, а один из активистов пытался достать его тлеющей палкой. Еще трое стояли рядом и с интересом наблюдали за товарищем, иногда подбадривая его. Боец отбивал палку, из которой сыпались искры, сжатой в кулак рукой. Сзади к активистам подскочили коллеги бойца и стали вбивать палками в

них уважение к милиции. Радикалы, прикрываясь руками, бросились бежать. Их никто не преследовал, милиционеры помогли подняться своему товарищу и растворились в темноте.

– Ну, ты видел, что творят, гады, – метался по автобусу, как тигр в клетке, Миша Ахтыркин.

– Он же хотел ему палку под шлем засунуть. Может подмогнем пацанам? Что сидеть? – загорелся Леха Каустович.

– Сидите! Вы думаете, мне легко смотреть на то, что происходит?

В передние двери заходил командир. Услышав последние слова Алексея, он постарался успокоить подчиненных.

– Приказ сидеть в резерве. Там и без вас народа хватит.

– Товарищ полковник, а можно выйти покурить? А то ухи пухнут, – задал вопрос Миша Ахтыркин, показывая свое большое красное ухо.

– Ну, тебе можно, – засмеялся командир, – задние двери открой, в них покури. На улицу не выходить. Одас, закрывай двери.

Полковник вышел на улицу и пошел к следующему автобусу. На майдане уже все успокоилось. Активисты разбежались и по площади ходили несколько человек в гражданской одежде. Офицеры собирали бойцов «Беркута» и уводили их в автобусы. Вэвэшники снимали привезенные железные щиты-парапеты и выставляли их в ряд.

– Все, кина не будет, будут танцы, – Гена расслабленно откинулся на сиденье, расстегивая липучки на бронике. Накал страстей стал утихать. Как всегда, нервное напряжение сменялось апатией и расслабленностью. Бойцы рассаживались по своим местам. Миша, снимая перчатки, которые он несколько минут назад с таким энтузиазмом надевал, бурчал:

– Если бы не этот вонючий «Икарус», сто пудов бы успели.

– Давайте поедим, а то после этих нервов так жрать захотелось, – внезапно подал голос до этого постоянно молчавший Американец.

– Точно. Я давно уже хотел предложить то же самое, – заявил Одас, перелезая из кабины в салон. В правой руке он тащил большой черный пакет. – У меня еще сальцо домашнее осталось, пара банок сардин в масле и три огурца свежих, – радостно улыбаясь, рассказывал Игорек. На заднем сиденье быстро накрыли стол. Иван тоже присоединился к товарищам, притащив с собой банку тушенки и оставшуюся от привезенных из дома продуктов пачку печения. Гена к раннему завтраку присоединиться отказался:

– Я в шесть часов утра есть не могу. Лучше посплю. За столом

все разговоры сводились к только что произошедшему на майдане. Все поддерживали Мишу Ахтыркина, что разогнать эти сборы нужно было уже давно, а не играть в демократию и тянуть до сегодняшнего дня.

– Может, сегодня домой отпустят? – высказал, запихивая в рот очередной бутерброд с салом, мучившую почти всех мысль Игорь Одас. Все разговоры переключились сразу на поездку домой и выяснилось, что почти у каждого дома куча неоконченных дел и неразрешенных проблем. В разгар словесных дебатов Гриша Степаненко достал из сумки последнюю баклажку «Кока-колы» и, перебивая товарищей, спросил, кивая головой на бутылку:

– Кто-то будет пить?

– Ну везде эта Америка лезет, – протягивая Грише кружку, улыбнулся Леха Каустович.

– Наливай! – подставил свою огромную чашку Миша Ахтыркин. Попив «Кока-колы» Иван встал.

– Ну, раз у вас больше ничего нет, мы, пожалуй, пойдем.

Убрав со стола, все стали расходиться и укладываться спать. Когда Иван вернулся, Гена уже мирно похрапывал, развалившись напротив и подложив под голову бронежилет вместо подушки.

– Вот у кого нервы железные. Спит как трофейная лошадь, – высказался Одас, расстилая на двигателе спальный мешок и бросая сверху бушлат. Гена прекратил храпеть, открыл один глаз и, подняв указательный палец, пафосно произнес:

– Завидовать нехорошо.

Повернулся на другой бок и опять захрапел. Иван полусидя оперся на броню под спиной и, свесив голову, быстро заснул.

– Одас, ты что, нас всех здесь потравить хочешь? Только что открывший глаза Иван смотрел на Гену, который воспитывал водителя.

– Двери открывай. Мы здесь все скоро задохнемся, – продолжал он распекать Игорька. Окинув взглядом салон, в котором стоял сизый вонючий дым, Иван повернул голову к водителю, сидящему за рулем тарахтящего автобуса, и сказал:

– Открой двери и включи на всю печки. Откуда столько дыма в автобусе?

– Карась впереди свою керогазку завел и из выхлопной весь дым к нам в автобус тянет, – пояснил Игорь.

– Уезжаем уже. Надо машины прогреть.

На улице уже было светло и в открытые двери было видно, как разъезжались автобусы с «Беркутом». Гена посмотрел на тяжелые серые облака, затянувшие небо.

– Сегодня в дорогу солнышка не будет, – огорченным голосом

уточнил он.

– А что, сказали, домой едем? – с надеждой в голосе спросил Иван.

– Нет, еще не сказали, но что тут делать? Майдан зачистили. Думаю, наверняка сегодня уедем, – поделился своими догадками с Иваном товарищ.

– Как говорит мой батя, «Скажеш гоп, як перескочиш», – влез в разговор друзей Одас, который до этого внимательно к нему прислушивался. Передний автобус, выбросив черные клубы дыма, дернулся и поехал. Следом за ним вырулили на Крещатик и они. Автобус, подпрыгивая на ямах, ехал вдоль набережной.

– Ну вот, я же говорил, едем в общагу. Вещи соберем, и домой, – радостно сообщил на весь салон Гена. Иван не ответил, задумчиво смотря в окно. Предчувствие говорило, что никуда они сегодня не поедут, а своему предчувствию он привык доверять. Подъезжая к общаге, Иван отвлекся от созерцания мокрых серых улиц Киева и крикнул в салон:

– Просыпаемся! Приехали уже!

Командир построил свое войско перед общагой. Бойцы, сонные и недовольные всем происходящим, становились в строй. Полковник вышел перед строем.

– Сейчас мыться, бриться и отдыхать, – произнес он коротко.

– А домой едем? – задал кто-то из строя вопрос.

– Пока нет. Отдыхайте. Все, разойдись. Распустив всех, командир пошел в общагу.

– Находько, ключ у тебя? – спросил Иван у расстроенного друга, который уже представлял, как его дома встречает жена, и сын, и дочь.

– Нет. У Андрюхи! – раздраженно ответил товарищ, разочарованный словами командира. Поднявшись на этаж, друзья увидели, что двери в номер открыты и внутри уже хозяйничает Кольницкий. Гена разулся, зайдя в комнату и, не раздеваясь, завалился на кровать, уставившись безучастным взглядом в потолок.

– Что с ним? – спросил Андрей, показывая глазами на Гену.

– Расстроился, что домой не едем, – ответил Иван на вопрос друга.

– Ген, да не расстраивайся. Сегодня не поедем, завтра уедем, – успокаивал друга Андрей.

– На хрен мне завтра! Я на этот Киев уже смотреть не могу. Достал он меня. Здесь постоянно чем-то недовольны. То Кучма им не такой, потом Ющенко не нравится. Сейчас в Евросоюз захотелось. Завтра решат, что им в союз с Китаем вступать нужно. Почему в других городах люди спокойно работают, учатся, растят

детей? А в Киеве, как не демонстрация, так митинг. Ладно, отцепитесь вы от меня.

Раздраженный товарищ отвернулся лицом к стенке. Иван жестами показал Андрею, чтобы не трогал Гену. Тот понимающе кивнул головой. Иван сходил искупался, постирал вещи и тоже завалился на кровать. Взял книгу и погрузился в чтение, рядом на кроватях уже сопели Гена и Андрей.

В комнату заскочил Саркис с возбужденно горящими глазами и прямо с порога завопил:

– Дрыхните!? Пойдемте быстрее, там по телеку про сегодняшний майдан все каналы только и говорят.

– Не кричи, – успокоил товарища Иван, – не видишь, пацаны спят.

Он встал с кровати и вслед за Сергеем пошел по коридору. В «аппендиците», где стоял телевизор и диван, была куча народу. Все жадно уставились на экран, где один за другим крутили ролики, как «Беркут» разгоняет майдан. Депутаты, политические обозреватели, все с удовольствием смаковали произошедшее, давая самые негативные оценки силовикам.

– Вот падлы! – эмоционально злился Костик Серков, похлопывая себя руками по коленям. Он негодовал, когда очередной критик высказывал свое «фи» произошедшему на майдане.

– Ну, а где оперативные съемки? Мы же видели, как «тихушники» снимали на камеры. Почему не показать, как «дети» пытаются горящую палку милиционеру под шлем засунуть. Это что, игры у них сейчас такие? Или как те два урода возле наших автобусов в ментов камни кидали, – Костик в своем негодовании аж привстал с продавленного старого дивана.

Костик Серков работал в «Беркуте» уже не один год. До того, как прийти в подразделение, он уже успел послужить в спецназе. Константин был хорошим и исполнительным сотрудником, но страдал обостренным чувством справедливости. За что постоянно и страдал. Он, не взирая на звания и должности, мог сказать офицеру:

– Ну это же несправедливо…

Многим это не нравилось и Серковым затыкали все дыры. Он, конечно же, обижался, но в очередной раз не сдерживался и опять влезал:

– Но ведь говорили по-другому, где же здесь справедливость?

И опять попадал на выходные в наряд. Товарищи Константина уважали и, стараясь ему помочь, советовали:

– Да не лезь ты. Оно тебе надо?

А офицер, которому Серков доказывал про справедливость,

философски замечал:

– Где ты видел в этой жизни справедливость?

Вот и сейчас Костик не мог сдержать эмоции, полностью растворившись в телевизоре. Сергей Саркисов оторвался от экрана и, повернувшись к Ивану, спросил:

– Вань, ты как думаешь, почему на «Беркут» всех собак спустили?

Иван почесал кончик носа, посмотрел в телевизор и ответил:

– Ты знаешь, Серега, в школе мы учили басню Крылова – «Волк и ягненок» и мне запомнились такие слова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Вот так и здесь, нужен образ «плохих парней», чтобы показать народу, что он борется за все «хорошее». Создается образ врага и его «цепных псов» – «Беркута», которых он натравливает на «хороших» парней, и чем больше борцы со «злом» страдают, тем лучше, больше ненависти у простых людей. «Независимые» СМИ, конечно, это покажут в правильных ракурсах. Похожий образ создали большевики в 1917 году для царской «охранки».

В кармане у Ивана зазвонил телефон. По мелодии он понял – звонит командир.

– Да, сейчас иду. Командир вызывает, – пояснил он Саркису.

– Самое обидное, что с нашей стороны все молчат. Как в рот воды набрали, – поделился своими мыслями Иван, уже выходя в коридор.

Перед дверями в номер командира Журба встретил Василькова.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Привет Ваня, – по-простому ответил Васильевич. Выглядел он не очень хорошо: красные глаза с синюшными мешками под ними, лицо одутловатое с желтым оттенком.

– Вы что, заболели, Владислав Васильевич? – с сочувствием в голосе поинтересовался у офицера боец, заходя за ним в номер.

– Да что-то почки прихватило. Наверное, на сквозняке застудил. Разрешите, командир? – спросил он у полковника, сидящего в углу на стуле. Командир был одет по-домашнему: в свитерке, спортивных штанах и тапочках.

– Заходите быстрее. Не выпускайте тепло. Посреди комнаты стоял обогреватель и дул теплый воздух. Телевизор на тумбочке показывал то же самое, что Иван смотрел несколько минут назад. Убедившись, что все собрались, командир сказал:

– Как сами видите, новости не радостные. Можете сказать бойцам – поездка домой откладывается на неопределенное время. По улицам пускай не мотаются, особенно в форме, а то какой-нибудь ненормальный, насмотревшись телевизора, начнет

кидаться. Видите, как милицию сейчас уважают. Моются, бреются и больше отдыхают. Завтра выезжаем в восемь на Администрацию Президента. Сейчас у Селенкова получите на автобусы тушенку, печенье галетное и воду. Все. Вопросы у кого-то есть? Нет? Тогда все свободны. Владислав Васильевич, останьтесь.

Иван, уже закрывая двери, услышал голос командира:

– Влад, может тебе в больницу, хватит геройствовать, орден не дадут.

Иван позвонил Саркису:

– Возьми с собой пару человек, получим продукты на автобус. Спускайтесь побыстрее, хватит там охать и ахать перед телевизором.

Встретились возле входа, получили продукты, сложили все в автобусе и со спокойной душой Иван пошел в номер. Гена за время его отсутствия уже успел раздеться и храпел под одеялом. Он тоже решил не испытывать судьбу. Закрыл на ключ входную дверь, разделся и завалился спать.

– Опять автобус, как он уже мне надоел. Я сегодня ночью на кровати хоть выспался. Если бы каждый день в общагу ночевать возили, вообще отлично было бы, – уже за ночь успокоившись, Гена размышлял вслух, покачиваясь в такт с автобусом на кочках.

– Куда сегодня едем, неизвестно? – поинтересовался Саркис, не отрывая взгляда от своего телефона.

– Слышь, Серега, тебе не все равно, где тебя выставят губителем «детских душ», – бесцеремонно встрял раздраженный Миша Ахтыркин. После вчерашних просмотров новостей настроение у всех было подавленное. Почти по всем каналам показывали зверства «Беркута» в отношении «детей». Брали интервью возле Михайловского собора и на Софиевской площади у покалеченных и избитых. Все это освещалось как-то однобоко. Милиционеры, которые были непосредственными участниками событий на майдане, смотря телевизор, убеждались, что правда о произошедшем никому не нужна и виновные уже назначены. Саркис в интернете вычитал, что на майдане получили травмы семь сотрудников МВД и ни с одним из них не показали интервью. Но самое обидное было, что руководство в своем большинстве молчало или признавало вину. И только некоторые старались оправдать «Беркут», но их было так мало, что они растворялись в общей обвинительной массе. Все это никак не прибавляло энтузиазма, а лишь обозлило и так морально уставших бойцов.

– Миша, угомонись, зачем на людей бросаться – сделал замечание Иван и, повернув голову к Сергею, пояснил, – на Банковую едим.

Утренние улицы были пустынны. Не видно возмущенных киевлян, которые, как говорил диктор пятого канала, торопились на майдан. На лицах редких прохожих, кутающихся в пуховики и пальто от сырого, пронизывающего ветра, читалось безразличие к происходящему и озабоченность своими проблемами. Вдоль обочины и на набережной возле Днепра стояло несколько десятков автобусов и микроавтобусов. Присмотревшись к номерам, Иван отметил, что здесь собрался цвет Западной Украины. В основном много было автобусов со львовскими номерами. Из-за ветра, дувшего с реки, народу возле коптящих автобусов было мало, только возле гранитного ограждения у самой воды стояли около десятка молодых парней с телескопическими удочками для флагов, и пили водку. Один из них, разлив водку по одноразовым стаканчикам, широко размахнулся и забросил пустую бутылку в Днепр. Что было дальше, Иван уже не смог рассмотреть, но он был уверен, весь остальной мусор после пьянки поплывет по древней славянской реке, качаясь на волнах, и где-нибудь на изгибе прибьется к берегу. Автобус с милиционерами, натужно гудя, повернул и медленно пополз вверх.

На Банковой перед железными воротами несколько минут выясняли, нужны мы здесь или нет. Наконец, скрипя, ворота открылись и автобусы, въехав, встали вдоль стены.

– Из автобусов не выходить, – последовала команда по радиостанции.

Через полчаса в двери постучали. Одас открыл и в салон зашел командир.

– Игорек, сейчас выедешь за ворота, и автобусы поставите за вэвэшными. – Посмотрев на Ивана, продолжил: – По улице не шляться, покурить возле автобуса или в туалет сходить и быстро назад. Сегодня оппозиция возле памятника Шевченко митинг собирает. Видели, сколько вдоль набережной автобусов стоит? Есть информация, что могут быть провокации. Чтобы я никого не искал.

Проведя инструктаж, командир вышел на улицу.

Дремая в автобусе, никто и не думал, что будет такая заваруха. Уже третий час на Банковой бесновалась и выла толпа молодых беспредельщиков, которые упивались своей безнаказанностью: можно мочить мусоров, можно делать, что хочется и за это ты в героях, борешься с ненавистным режимом. Да, в четвертом году все было цивильней – девочки с гвоздиками, Вакарчук, раздающий свои кассеты, бабушки с иконами, обернутыми вышитыми рушниками, а сейчас как-то сразу все пошло радикально и агрессивность у толпы зашкаливает. Ну, в

принципе, сами виноваты, опустили планку уважения к милиции ниже плинтуса, показывая один негатив и высмеивая при каждом удобном случае, только «Беркут» уважают и боятся, потому некоторые и ненавидят, думал Иван, провожая взглядом очередного вэвэшника, который прыгал на одной ноге, опираясь на плечо своего товарища. За автобусами стояла «скорая», возле нее сидели и лежали около дюжины пацанов в вэвэшной форме. Одним накладывали шины на поломанные руки и ноги, другим бинтовали раны. Ребята лежали на щитах и бронежилетах, расстеленных на земле. Бойцам оказывали первую медицинскую помощь, вкалывали обезболивающее, и они продолжали страдать на морозе. Выехать у скорой возможности не было, мы блокированы со всех сторон.

– Черт, когда уже дадут команду нам выйти к этим отморозкам? – высказывал с нетерпением Андрей. Ярость клокотала в груди, ища выход. Бойцы бессильно сжимали кулаки и скрипели зубами, видя, как калечат их товарищей.

– Сегодня праздник – сообщил Саркисов, ковыряясь в телефоне.

– Ты опять какую-то чепуху в своем интернете наковырял? – поинтересовался Андрей.

– Какой праздник, Саркис? – заинтересовался Гена.

– Сегодня 1 декабря? Годовщина референдума о независимости Украины. Ненормальные люди, вместо того чтобы на майдане песни петь, танцевать, они здесь дуреют.

Сергея никто не поддержал и обсуждение утихло. Все с нетерпением поглядывали вперед, туда, где слышался рев трактора и взрывы взрывпакетов и петард.

Через полчаса со стороны, где держались шеренги вэвеэшников против разгулявшихся ультрасов, если раньше выводили одного-двух окровавленных солдат, теперь потек уже ручей раненных с разбитыми окровавленными шлемами, в разорванных бушлатах, а в другую сторону тек ручей испуганных мальчишеских лиц, идущих на усиление шеренг в мясорубку, становясь на место своих раненых товарищей. Поначалу пацанов бросали без щитов, приказ на провокации не реагировать, силу не применять. Только через час избиения вэвэшникам, большинство из которых срочники, выдали щиты. К Ивану подошел командир.

– Ты как старослужащий определись, с тобой человек десять покрепче, сейчас поднесут гранаты со слезоточивым газом, нужно по команде бросать, где сильно лезут эти отморозки, – кивнул он головой в сторону, откуда был слышен грохот и виден дым.

Поднесли гранаты, много не давали, по три-четыре штуки на человека. Иван засунул свои в карман, когда вытащил руку из

кармана, по ней больно ударил камень, камни уже стали долетать из толпы и, отскакивая от крыш автобусов, падали в строй «Беркута», иногда долетали и фаеры, которые тут же поднимали и бросали обратно в толпу. По стенам домов на Банковой плясали кровавые сполохи, отражая причудливые тени горящих фаеров. Увидев зовущий жест командира, который стоял за шеренгами вэвэшников, Иван коротко скомандовал:

– За мной! – И между автобусами, стараясь не столкнуться с ранеными, побежал к командиру.

– Видишь, вон там около трактора – человек шесть с фаерами и палками особо активных, кинь пару гранат, пусть понюхают, отвлекутся, глядишь – срочники их палками достанут.

Тут же с крыши стали падать бутылки с «коктейлями Молотова». Несколько разбились в непосредственной близости от солдат, сразу вспыхивали ботинки, форма, щиты – все, на что попадала горящая жидкость.

Их сразу тушили огнетушителями, но некоторым огонь попадал на открытые участки, тогда медики забрызгивали ожоги пантенолом и раненных уводили к скорым. Возле «скорых» их укладывали или садили на щит, на котором лежал бронежилет. Иван сам помогал отводить двоих окровавленных ребят, поэтому видел и медиков, которые суетились около раненых молодых пацанят в синей милицейской форме с перемотанными бинтами головой, с шинами на руках и ногах и белым, забрызганным пантенолом лицом и руками, в разорванной и прогоревшей форме. Сейчас уже в этом муравейнике синей милицейской формы были видны вкрапления камуфляжей «Беркутов», все, кто мог, тот был в строю, возле «скорой» сидели сильно пострадавшие правоохранители с шинами или перебинтованными лицами, рядом валялись разбитые шлемы.

Высматривая, где больше всего лезли боевики, Иван указывал своим товарищам, куда кидать гранаты. Гранаты взрывались под ногами атакующих, выбрасывая облако едкого слезоточивого газа, от которого слезились глаза, пекло лицо, а если успевали вдохнуть, то душил сильный кашель. В это время солдаты пытались палками отблагодарить дезориентированных активистов. Получая от солдат довольно сильную благодарность по спине и рукам, толпа отхлынула метров на пять. Из нее периодически выскакивали отморозки, пытаясь ногой или палкой ударить вэвэшника, бросали взрывпакеты и фаеры, стреляли из фейерверков, которые взрывались в строю солдат. В ответ навстречу атакующим взлетали резиновые палки и, получив один или несколько ударов, «херой» заскакивал в толпу, потирая ушибленное место.

Возле Ивана остановились трое незнакомых беркутов, у двоих в руках были помповики «Форт 500», а третий смотрел в бинокль, медленно осматривая крыши и окна, выискивая цели. Вот над козырьком крыши показались две головы, и оттуда сразу полетела бутылка с горящим фитилем. Один из вэвэшников, заметив угрозу, крикнул «воздух», и все быстро разошлись, освобождая место. Упав на брусчатку, бутылка разбилась, обдавая осколками и черной маслянистой жидкостью стоящих рядом солдат, но не вспыхнула. В ответ защелкали «Форты», посылая в сторону пиротехников резиновые пули. Услышав, как по карнизу защелкала резина, двое малолеток вскочили и скрылись из виду.

– Жаль, не достали, – расстроился Гена.

– Да высоко, даже если бы и попали, они не почувствуют, пуля уже на излете, – ответил один из «беркутов» с ружьем. На улице начало темнеть, морозец усилился и в сторону милиции подул несильный ветерок.

– Не кидайте гранаты, – крикнул один из полковников ВВ, в высокой каракулевой шапке, – сейчас сами дыма нанюхаетесь!

Его никто не слышал, вокруг стоял гул, крики и ругань. Кто-то кинул одну за другой две гранаты, они ударились об трактор и, отскочив, взорвались под ногами у солдат. Газ сразу потянуло в сторону Ивана и бойцов, они стояли за спинами солдат. Журба все-таки схватил свою порцию газа и, давясь кашлем, тер глаза.

– Ген, побудь здесь за старшего, а я быстро сбегаю, глаза промою, ничего не вижу, – сказал милиционер. Подойдя к автобусу, Иван стукнул в переднюю дверь:

– Игорек, открой!

Водитель открыл двери и спросил:

– Что, газку хватанул? Вон на сиденье вода лежит, не ты первый глаза моешь.

– Леха забегал, так возле него граната прямо в руках у «беркута» взорвалась. Он ее в левой руке держал, кольцо вытянул, когда бросал, переложил в правую, и все это делал, не снимая перчаток, она прям в руке и рванула. Рука вроде целая, а Лехе чуть щеку разодрало и газом надышался. Давай водичкой солью, а то наши куда-то строятся.

Иван промыл глаза, умылся и, вытерев лицо чехлом от бронника, побежал становиться в строй. Став в конце строя, он спросил:

– Чего построили?

– Не знаю, сейчас командир все скажет, – ответил Иваныч.

Командир вышел перед строем и сказал:

– Я только что из штаба, там решили – автобусы оставляем, забрать все ценное, мою машину загоним во двор администрации

президента, закроем ворота и держим оборону.

– Так что, за вэвэшников не отомстим? Бежим? – сказал кто-то из строя.

– В штабе считают, что нас здесь слишком мало: боятся, что если не разгоним, то радикалы прорвутся вовнутрь администрации. Хватит болтать. Задача ясна?

– Так точно! – гаркнул строй. Командир развернулся и пошел туда, где на возвышенности стояли руководители операции, внимательно всматриваясь в происходящее. Машину командира загнали внутрь и поставили около «Дома с химерами». Иван выделил двух молодых, которые перетаскали вещи к машине. В строю царило уныние, разговоры смолкли сами собой, некоторые бойцы приседали, другие подпрыгивали, пытаясь согреться. Настроение пропало, внутри просыпалось тяжелое чувство вины и горечи поражения. К строю подбежал капитан в форме «Беркута».

– Командир где?

– Вон стоит с руководством.

– Передайте ему приказ первого – выстраиваться за спинами вэвэшников, – сказал капитан и быстро скрылся между автобусами. Через пять минут подошел командир.

– Ну что, мужики, замерзли? Сейчас вроде согреемся; командиры рот, подводите людей к солдатам, но так, чтобы меньше видно было с той стороны.

Шеренги подходили и выстраивались сзади вэвэшников. В воздухе чувствовалось напряжение, волны злости расходились от бойцов. В мертвенном свете фонарей и дрожащих бликах разрывов было видно, как заволновалась толпа, увидев шеренги строящихся беркутов. Милиционеры достали палки и стали ними стучать по наколенникам. Постепенно подстраиваясь под общий ритм, стуча палками по щитам, к ним присоединились вэвэшники, и над Банковой разнесся гул от сотен палок, бьющих по нервам атакующих и возвещающих о неотвратимости наказания. Кто-то из строя солдат крикнул: «Будем бить больно, но аккуратно!». Иван засмеялся вместе со всеми, чувствуя, как внутри скручивается пружина и адреналин разгоняет по телу кровь. Ну, когда же вперед? Было заметно, что энтузиазм агрессивно настроенных молодчиков начинает утихать и толпа поредела, рассасываясь на Институтскую и по дворам. Были еще не успокоившиеся активисты, кое-где вылетали петарды и фаеры, но многие начинали понимать, что вот-вот придется ответить за тот беспредел, который они творили весь день.

«Беркут», вперед! Вот она, долгожданная команда. Колонны пришли в движение и нестройное ура-ааа!!! разнеслось над ними. Услышав этот рев, храбрые молодцы, которые перед этим

бросались на шеренги солдат, развернулись и, сбивая друг друга с ног, бросились бежать. Иван, крича, бежал почти в конце колонны, споткнулся о перевернутый заградительный забор, упал. Тут же кто-то наступил на спину и через секунду чья-то сильная рука помогла подняться. «Не падай», – пророкотал какой-то незнакомый боец. Иван подхватил щит, валяющийся на асфальте, и побежал дальше. Злости, ненависти не было, был азарт и желание поскорее закончить этот дурдом. Мимо двое солдат протащили парня с рюкзаком, лицо которого было в крови, навстречу шел молодой мужчина, прижимая к груди разбитый фотоаппарат. Иван и еще несколько бойцов заскочили в арку, здесь лихорадочно срывая с себя шлемы и нашивки «Свобода» пытались вернуться к мирной жизни несколько недавних героев, один вытряхивал камни из рюкзака, его первого сбили с ног палками.

– Лежать!

Двое упали на землю, где уже лежал, скрутившись калачиком и держась за задницу, так и не успевший избавиться от камней активист, остальные бросились лезть через забор. Их срывали с забора и бросали на землю. Это вам суки не с вэвэшниками воевать. «Херои», тоненько поскуливая, просили их не бить. Иван выбежал из арки и понесся к Институтской. Он видел, что «беркута» рассеялись, а те немногие, что добежали до перекрестка Банковой и Институтской, останавливались, не зная, что делать и оглядываясь по сторонам. Командиров не видно, они тоже затерялись в общей массе и уже каждый сам решает, что ему делать. В это время толпа отошла от первоначального панического ужаса и начала стекаться в общую массу. Полетели первые камни из разбитой брусчатки, несколько из них достигли цели, притом, что щитов у «беркутов» не было.

Иван подбежал к «скорой», около которой сидели несколько активистов с разбитыми головами и окровавленными лицами, и остановился. Возле раненных суетились люди в белых халатах. Подскочили два солдата со щитами и палками и уже собирались ударами восстановить справедливость. Иван гаркнул:

– Отставить! Не надо!

В это время полетели камни, один из них чиркнул вэвэшника через открытое забрало по лицу, рассекая кожу. Врач бросился к Ивану и схватил его за руку.

– Помогите нам! Нас перебьют камнями.

Иван повернул голову к скорой и увидел испуганно-умоляющие взгляды молодых активистов с перебинтованными головами.

– Бойцы, накрываем сверху щитом, – быстро принял решение

Иван. Он накрыл докторов и их пациентов, рядом то же сделали солдаты. По бронику и щитам забарабанил дождь камней, один камень больно скользнул по икре, нога подогнулась, но Иван устоял. Иван постарался вывернуть ногу так, чтобы часть, прикрытая щитком, оказалась снаружи. Каменный дождь стал утихать. Выглянув из-под щита, Иван увидел: солдаты выстраиваются в монолитную цепь, прикрываясь щитами, а бойцы «Беркута» собирают камни и кидают их обратно в толпу. Толпа остановилась и подалась назад, стараясь отойти на расстояние, куда не долетают камни. Еще выскакивали вперед смельчаки, пытаясь попасть камнем в кого-нибудь из милиционеров, но основная масса стояла, не рискуя получить камнем в обратку.

– Пацаны, давайте за машину, – скомандовал спецназовец докторам с пациентами. Прикрывая беззащитных людей щитами, они перебежали за «скорую», а Иван с милиционерами заняли место в цепи. «Монолит к центру!», последовала команда, и бойцы начали сжиматься к центру, ставя щиты внахлёст, а камни продолжали стучать по щитам, как град по жестяной крыше. Журба протер забрало и немного его приподнял, после чего посмотрел в дырки щита, что происходит впереди. Ничего не увидев, приподнял голову над щитом и увидел, что людей стало гораздо больше, и основная масса держалась на расстоянии, куда камни не долетали, но многие выскакивали из толпы и, бросив камень, бежали назад. Некоторых смельчаков настигали камни, брошенные со стороны милиции. Они падали и их тут же затаскивали в толпу. Иван поднял голову повыше над щитом, чтобы посмотреть на левый фланг протестующих, и получил удар по шлему. В глазах потемнело и он отключился. Пришел в себя от того, что кто-то дергал за плечо, во рту чувствовался соленый привкус крови, тошнило и кружилась голова.

– Дядь, ты живой? На, попей воды, – молодой солдат протягивал спецназовцу флягу. Иван обнаружил, что стоит на коленях, упершись в щит головой, а щит упирался в брусчатку. Солдаты впереди сомкнули строй, закрыв его от камней. Сплюнув кровь из разбитой губы, Иван взял флягу, прополоскал рот и, сделав несколько глотков, вернул ее назад.

– Спасибо. Давно меня вырубило?

– Я не знаю, только подошел, а вы так стоите, изо рта кровь капает и не двигаетесь, – ответил солдат.

– Помоги мне подняться, – попросил Иван. Встав, он почувствовал, что ноги немного дрожат, но в голове шуметь стало меньше, только в ушах раздавался звон. С левой стороны шлема Иван нащупал глубокую вмятину, кусок стекловолокна шлема вырвало камнем. Хорошо не в голову, уже наверно апостолу

Петру бы исповедовался, – подумал боец.

– Брат, дай еще водички попить, – попросил Иван у солдата. Попив воды, он вернул флягу хозяину и когда тот цеплял ее на ремень, по руке его ударил прилетевший камень. Вскрикнув, вэвэшник присел, зажав пальцы другой рукой, из-под которой закапала кровь.

– Покажи! – потребовал Иван. Солдат медленно разжал руку, кожа на двух пальцах была сорвана и висела лохмотьями, на среднем была видна белая кость, залитая кровью. Взглянув в детское лицо закусившего губу солдата, в глазах которого стояли еле сдерживаемые слезы, Иван сказал:

– Будешь жить, пальцы целы, беги быстро к «скорым», там перебинтуют.

– Ага! – солдат скрылся в строю. Спецназовец переместился в первую шеренгу, став в монолит. Щит содрогался от каменного дождя, шеренги пятились назад, прогибаясь кое-где под градом камней. Летящие камни периодически находили свои жертвы. Бойцы вскрикивали, когда камень влетал под приоткрытое забрало или находил незащищённый участок тела.

– Ах вы, суки! – заорал, не выдержав, кто-то в строю.

Сначала вперед побежал правый фланг, не выдержав каменный дождь, и следом вперед ринулась вся шеренга. Журба бежал вместе со всеми, в голове стоял гул, как будто туда влетел улей пчел, а ноги преступно подрагивали. Толпа стояла слишком плотно, поэтому, когда милиционеры внезапно пошли вперед, передние не успевали, а задние, напирая на них, спотыкались и падали, поскальзываясь на обледенелой брусчатке.

Здесь же их настигали резиновые палки, впечатывая в холодную дорогу. Милиция смешалась с убегающей массой. Ивану почему-то вспомнился старый советский фильм, где толпа революционеров бежала по улице с криками «Казаки! Казаки!», а конные казаки настигали их и рубали шашками. Пробегая, Журба приложился своей резиновой палкой в знак благодарности по черным спинам протестующих. В очередной раз размахнувшись палкой, чтобы отблагодарить за удачно брошенный камень, Иван увидел перед собой раскрытые мозолистые ладони и умоляющий взгляд, который как бы говорил: «Сынок, не бей, пожалуйста!». Ярость и ненависть как-то сама по себе ушла внутрь, и боец увидел перед собой морщинистое лицо и умоляющий испуганный взгляд.

– Не бей, сынок! – проговорил мужчина.

– Пошел вон!

Иван схватил мужчину за воротник куртки и с силой толкнул вперед. Тот побежал, быстро перебирая ногами и испуганно с

опаской оглядываясь назад, каждую секунду ожидая удара палкой. Весь боевой запал сразу сошел на нет, красная пелена ненависти, закрывающая глаза, пропала. Спецназовец остановился и оглянулся по сторонам. Мимо несколько вэвэшников потащили задержанного, пытающегося им что-то объяснить, его никто не слушал. Недалеко солдаты подтащили мусорный бак и в него собирали камни, чтобы потом они не летели в них. Впереди какой-то генерал в каракулевой папахе формировал строй, пытаясь выстроить в шеренгу солдат, у которых были щиты. Толпа стояла в двадцати метрах от солдат, через нее протискивались активисты, отставшие от общей массы. Перед протестующими стояли Порошенко, Кличко, Тягнибок, успокаивая разгоряченных активистов. «Где же вы были раньше? За углом?» – подумал Иван, становясь в переднюю шеренгу.

– Отходим назад, – скомандовал генерал. Шеренга стала пятиться назад, постепенно просачиваясь за выставленные парапеты.

– Офицеры, проверить и построить личный состав, доложить об отсутствующих, – приказал командир. После докладов выяснилось, пять человек отсутствуют.

– Я знаю, им возле «скорых» оказывают помощь, там наш фельдшер. Кому еще нужна помощь? Доложить старшим и пусть идут к скорым, остальные в автобусы. Броню и спецсредства не снимаем.

Журба залез рукой под броню и из кармана кителя достал телефон, обтер запотевший экран об бушлат. Китель был мокрым от пота. Надо идти в автобус, там есть термобелье в кульке, переоденусь в сухое. Утром чай сделал в термосе, выпить надо, а то можно и воспаление легких заработать. Взглянув на экран телефона, увидел восемнадцать неотвеченных звонков. Звонила мама, брат, товарищи из райотдела, но больше всего от жены: «волнуется», подумал с теплой нежностью Иван. Милиционер только залез в автобус и зазвонил телефон. Жена.

– Алло, привет. Почему трубку не беру? Поставил телефон на зарядку у водителя в прикуриватель, а он на беззвучном. Нет, мы не на Банковой, в Мариинском парке в автобусах сидим, оделись в броню и сидим. Да ну конечно берегу себя, да я знаю, что у меня ты и дочки, конечно, я о вас думаю. И я вас очень люблю. А что там по телику показывают про Банковую? Хаос!? Цепями бьют и коктейли бросают, вот гады. А кто? Говорят, радикалы и ультрасы, люди Корчинского, ну эти могут. Жалко, нас не пускают, мы бы им быстро накостыляли. Что какой-то «Беркут» их гонял? Ну, молодцы, хоть кто-то повеселился, нам не дают. Что ты говоришь, связь плохая. Сижу! Сижу в автобусе, никуда не

лезу. Перестань плакать. Да не смотри ты этот телек, телевизор – это ящик для дураков. Расскажи лучше, что нового дома, к маме ездила? Как она? – попытался отвлечь жену Иван. – Тоже за меня переживает, и крестная звонила, спрашивала, как у меня дела. Да, скажи, сидим целыми днями в автобусе, уже зад квадратный.

Переодевшись в сухое термобелье, Иван надел бушлат, амуницию и вышел на улицу. Морозный воздух приятно холодил разгоряченную кожу на лице, далеко были слышны завывания сирен. К автобусу подошел Одас:

– Вань, пойдешь к «Дому с химерами», там под елками притащили задержанных. И водитель трактора, что на ментов ехал, у него десять штук гривен нашли на кармане. Еще какого-то военного взяли – ПВОшни-ка у того и биту бейсбольную в рюкзаке нашли, денег три штуки гривен, нож, еще пистолет какой-то. Сейчас их там разложили, проводят воспитательную работу, а следаки изъятие.

– Откуда знаешь, что военный? – спросил Журба.

– Так у него военный билет нашли! В нем все и написано.

– Вот сука. Нет, не пойду, и так за весь день находился и набегался, лучше к фельдшеру схожу, колено диклофенаком надо помазать, болит, – ответил Иван.

– Фельдшер возле «скорых», помогает раненным, но в автобусе на переднем сидении есть аптечка раскрытая, посмотри в ней диклофенак. Я там вроде и эластичный бинт видел. Ну ладно, пойду по-быстрому посмотрю, а то через полчаса построение, комбат сказал. Интересно, им постоянно такие бабки платят или только когда они в боестолкновениях участвуют? – сказал Игорек и побежал в сторону администрации. Журба зашел за автобус, там курило несколько «беркутов».

– Не знаете, пацаны, где в туалет сходить можно?

– Да вон в комитет зайди, там пускают, – ответил один из куривших. Открыв тяжелые дубовые двери здания комитета Верховной Рады, боец заметил, что ковровые дорожки скатали и сложили у стены, вместо них постелили черную клеенку, которую приклеили скотчем к паркетному полу. Вдоль стен прямо на полу сидели грязные, уставшие вэвэшники. Одни клацали мобильные телефоны, другие спали, опираясь на стену или друг на друга. Иван подошел к охраннику на входе, который сидел на мягком стуле возле рамки металлоискателя.

– Привет, братан. Не подскажешь, где тут у вас туалет?

– Підеш по коридору і на право, тільки почекай, зараз ваші вийдуть і ти підеш.

Иван прислонился к стене, в ушах стоял звон и немного кружилась голова. Нужно будет пойти немного полежать в

автобусе. «Наверно переутомление» – подумал он. В это время его привлек громкий разговор под лестницей на второй этаж. Несколько «беркутов» сидели на полу, сняв бушлаты и подложив бронежилеты, спиной опершись на теплую батарею, с наслаждением вытянули ноги, берцы стояли рядом. На батарее они разложили сушить мокрые перчатки и маски. Возле спецназовцев стоял сотрудник управления государственной службы охраны – УГСО, охранявших комитет.

– Тут не можна сидіти. Забирайте свої речі та йдіть звідсиля, – пытался он прогнать уставших бойцов. Один из милиционеров повернулся к товарищу и спросил:

– Что он от нас хочет?

– Хочет, чтобы мы ушли. Здесь нельзя сидеть, – ответил второй.

– А где можно? – ни к кому конкретно не обращаясь, с ленцой в голосе спросил милиционер. Чтобы всем было понятно, охранник перешел на русский.

– Идите, где солдаты сидят. Туда! – показал он рукой.

– Там места нет и батарея вся занята. Где нам вещи сушить? Мы здесь аккуратно посидим, все равно в здании никого нет, – лениво отбивался от наседавшего УГСОшника боец.

– Выходите, я сказал! – теряя терпение, охранник ногой толкнул берцы одного из «беркутов».

– Эй ты, поскромнее себя веди! – зашевелился боец, ботинки которого толкнули.

– Мы только с Банковой. Если бы не мы, сейчас тут майдановцы с тобой по-другому общались бы, с ними ты себя так не вел бы.

– Да тут неизвестно, может лучше они, чем вы! – в сердцах высказался охранник.

– Ты за словами следи! – вскочил на ноги боец, который сидел посередине. УГСошник, который сидел на стуле, увидев, что назревает скандал, крикнул:

– Олесь, піди краще чайник в нашій кімнаті вимкни. Не чіпай хлопців, нехай сидять. Проходь! – обратился он к Ивану, с интересом наблюдающему за происходящим.

В туалете было грязно. На унитазе остались чьи-то грязные следы от ботинок, а возле рукомойника налили большую лужу, которую обувью растаскали по полу, окно было распахнуто настежь и холодный сквозняк выдувал последнее тепло. Возле умывальника, раздевшись по пояс и свалив в углу одежду, отмывались двое молодых солдат-срочников. Черная закопченная шея и лицо резко выделялись на фоне белого тела.

– Братаны, вы еще долго плескаться здесь будете? Можно я

быстро лицо и руки умою, – обратился Иван к солдатам. Они молча отошли в сторону.

– Спасибо! – поблагодарил Журба. От резкого наклона в голове зашумело сильнее, в глазах поплыло и бойца чуть повело в сторону.

– А черт! – Иван схватился за край, восстанавливая равновесие. – Хорошо меня приложили.

Умыв холодной водой лицо и прополоскав рот, чтобы избавиться от неприятного стального привкуса, милиционер почувствовал себя гораздо лучше. Возвращаясь назад, Иван отметил, что бойцы «Беркута» дремлют возле батареи. «Молодцы, позиции свои отстояли» – подумал он. Проходя возле вэвэшников, Журба увидел около стены худого солдата-срочника, возле которого стояла большая сумка с нашитым на ней красным крестом. «И как он ее тягает?» – подумал боец, подходя поближе к врачу.

– Ты медик? – обратился к нему Иван.

– Так, фельдшер, – ответил вэвэшник.

– А есть мазь диклофенак, колени помазать?

– Е, але без дозволу товариша капітана дати не можу, – начал оправдываться медик.

– А где капитан? – поинтересовался Иван.

– От він, на вулиці стоїть, – показал солдат в сторону окна, за которым стояли несколько человек в милицейской форме. Боец вышел на крыльцо и сразу увидел среди стоящих милиционеров медика-капитана, в накидке поверх формы с большим синим крестом спереди и сзади.

– Я извиняюсь, товарищ капитан, – подошел к милиционерам Иван, – можно вас на минуточку.

Капитан удивленно поднял брови и отошел со спецназовцем в сторону.

– Там у вас боец сидит, сумку охраняет, мне бы у него диклофенак взять, колени помазать. Без вашего разрешения не дает.

– Ах, вот оно что, а я-то думал, зачем понадобился доблестному «Беркуту». Да без проблем. Скажешь ему, капитан Файда дал добро. Ну ладно, если я тебе больше не нужен, пойду. Там пацаны анекдот про нашего «Боксера» рассказывают, хочу дослушать, – последние слова капитан договорил уже на ходу, возвращаясь к друзьям. Иван услышал голос рассказчика.

– А третьего? А третьего у меня день рождения. И громкий, дружный смех. Взяв мазь, Иван, не стесняясь, спустил комбинезон и хорошо втер диклофенак в больные колени.

– Спасибо! – поблагодарил Иван, возвращая тюбик обратно

фельдшеру.

– Візьміть собі, в мене ще є, може кому потрібно буде, – замахал рукой вэвэшник, застегивая сумку.

Обещанное построение было недолгим. Это даже не построение, а просто замкомандира собрал всех и объявил, что для ночевки нам выделили актовый зал в комитете Верховной Рады. Уставшие за день бойцы, дружно похватав вещи и спецсредства, радостно галдящей гурьбой побежали занимать места. Сидящий на вахте охранник уже не протестовал, понуро опустив голову, ковырялся в телефоне, делая вид, что его совершенно не волнует происходящее. Под лестницей вся батарея была завешана вещами. Вещи висели даже на оконных ручках. Возле батареи, отодвинув большой горшок с цветком, сбившись в кучу, спали около десятка вэвэшников. Иван сильно не спешил. Он попросил Гену занять ему место возле себя. Поэтому, поднимаясь по лестнице, уступал дорогу спешащим милиционерам и, встретив в коридоре знакомого капитана-медика, немного поговорил с ним о здоровье. В актовый зал он пришел одним из последних. В помещении было прохладно, на больших окнах сквозняком шевелило тяжелые красные бархатные шторы. Тусклый свет еле освещал милиционеров, разместившихся на сцене. Посреди сцены Гена сдвинул два стола, и это ложе накрыл добытой откуда-то пыльной бархатной шторой, а под голову вместо подушки положил бронежилет.

– Вань, смотри, почти как дома. Двуспальная кровать с ортопедическим матрацем. Правда, подушки жестковаты, – засмеялся он, делая вид, что взбивает подушку.

– Под нами эти раритеты не развалятся? – задал вопрос Иван, критически осматривая сооружение друга.

– Да ты что! Их еще при совдепии делали. Я там смотрел внизу под крышкой – восемьдесят седьмой год выпуска. Выдержат. Ложись. – Гена с полной уверенностью постучал по своей конструкции.

– Ну, смотри, – предупредил его Иван, разуваясь и залезая на построенную кровать. Ноги в носках, чтобы не мерзли, он накрыл запасным свитером и, повернувшись к Гене спиной, постарался уснуть. Через несколько минут услышал, как захрапел сзади товарищ. Мысли перескакивали с одного на другое, роились в голове, вызывая различные образы, но постепенно усталость брала свое, и Иван провалился в беспокойный, нервный сон. Проспав часа три-четыре, он резко проснулся. В висках ломило, а во рту чувствовалась какая-то горечь. Рядом, скрутившись калачиком от холода, спал Гена. Иван встал на пол и сделал несколько наклонов, потом потянулся. После жесткого стола

болела спина. Надев ботинки, он укрыл друга углом шторы, на которой спал, и пошел на улицу.

Иван шел по коридору, переступая через спящих на ковровых дорожках беркутов и вэвэшников, стараясь не наступить на руку или ногу бойцов. Места в актовом зале, где должны были спать, на всех не хватило, поэтому некоторые спали в коридорах вперемешку с солдатами внутренних войск. Сонное царство жило своей жизнью: где-то храпели, заливая переливами весь коридор, кто-то бормотал или вскрикивал, другие стонали во сне. На улице было тихо, не верилось, что еще несколько часов назад здесь стоял сплошной грохот и все озарялось горящими фаерами и разрывами гранат. Стоя на крыльце, Иван наблюдал, как дальше по улице менялись вэвэшники. Гремя щитами, только что пришедшие солдаты выстраивались в ряд перед небольшой группой активистов с украинскими флагами и флагом Евросоюза, а их товарищи, довольные, что смена наконец-то закончилась, весело переговариваясь, строем во главе с молодым лейтенантом шли отдыхать. Пройдя мимо Ивана, солдаты зашли в здание, на крыльце осталось несколько солдат, покурить. Прикурив, они слушали как худощавый солдат с рыжим конопатым лицом, усиленно жестикулируя, что-то рассказывал стоящим возле него сослуживцам. Ивану стало интересно, про что говорят солдаты. Он подошел поближе и прислушался.

– Ми заскочили в арку, а там чоловік п’ять радикалів, побачили нас і давай дертись на паркан. Я до одного в бандерівській шапці та з нашивкою УНСО підскочив та як переперезав його поперек спини, він аж переплигнув через той паркан, – рассказывая, конопатый показал, как бил палкой парня с нашивкой УНСО.

– Так это получается, ты брата своего, бандеровца, палкой по спине огрел, – засмеялся второй вэвэш-ник с лычками младшего сержанта.

– Якого ще брата? – увлеченный рассказчик сначала не понял, что его подкалывают товарищи.

– Ну как какого? Того, что ты по спине палкой огрел. Он наверно тоже з Львова и на западенском лучше тебя говорит, – продолжал насмехаться сержант.

– Я не зі Львова, а з Житомирської області. Мова, якою я говорю, звється українською, а бандерівці мені ніколи братами не були. Вони мого діда і бабцю в лісі живцем закопали, за те що дід у школі російську мову викладав, – с вызовом ответил конопатый, смотря исподлобья на младшего сержанта. Видя, что назревает конфликт, в разговор вмешался Иван.

– Ну, вы еще подеритесь, кто на каком языке разговаривает. Я

на русском и на украинском одинаково хорошо говорю, так что, мне левой рукой в правое ухо себя бить? – слова Ивана вызвали у вэвэш-ников улыбку.

– Мы все здесь украинцы. Сегодня против радикалов стояли и западэнцы и схидняки, спины друг другу прикрывали. Я с львовянами в одной шеренге стоял, никто не замечал, кто на каком языке говорит. Ты бы сержант извинился перед товарищем из Житомира, – сказал Журба, дружески обнимая за плечи конопатого и улыбаясь его оппоненту.

– Прости, братан! – протянул руку другу младший сержант. Из дверей выглянул лейтенант, посмотрел на младшего сержанта и как старшему по званию приказал:

– Загорулько, хватит курить, заводи всех внутрь. А, да, Степа, зайдешь потом к ротному, он просил.

Услышав слова лейтенанта, Иван начал смеяться:

– Так тебя Степан Загорулько зовут? Да ты же чистый западэнец, – сквозь смех выговорил он.

– И зовут тебя как Бандеру, Степаном, вы теперь с житомирцем как родные братья должны быть, – продолжая смеяться, просвещал Иван смутившегося младшего сержанта. Пожав друг другу руки, вэвэшники пошли внутрь здания. Последним заходил конопатый, в дверях он повернулся и сказал:

– Дякую вам.

– Да ладно, не за что, – махнул рукой боец. В приподнятом настроении уже совершенно проснувшийся Журба спустился с крыльца и пошел полюбоваться ярко подсвеченным «Домом с химерами», который притягивал взгляд своей необычной красотой. Проходя через хорошо освещенный двор Администрации Президента, он заметил густые голубые ели, слегка присыпанные снегом, и ухоженные клумбы с вечнозеленым кустарником, подсвеченные маленькими фонариками. «Да, вчера этой красотой любоваться было некогда», подумал Иван, останавливаясь прямо напротив причудливого здания. Возле дома стояли два автобуса с милицейскими номерами, но даже они не портили его мистическую красоту. Подсвеченные снизу скульптуры на фасаде здания в дребезжащем на ветру свете прожекторов казались ожившими. Жабы с белыми шапками снега на голове словно подмигивали своими выпуклыми глазами. Игра света и тени создавала ощущение, что нереиды, забрасывающие свои сети по углам дома, покачиваются на морских волнах.

– Что, не спится? – отвлек от созерцания оживших статуй Железняк.

– Да ты знаешь, Сергей Васильевич, что-то нервишки расшатались после сегодняшних событий. Крутился, крутился, а

заснуть не могу. Молодым хоть бы хны, только глаза закрыли, уже спят. Правда, стонут и кричат во сне, а некоторые зубами скрипят, громко так, аж жуть берет, – ответил Иван, повернув голову в сторону гремящих щитами вэвэшников, которые только что пришли со стороны Лютеранской улицы.

– Я сам сегодня перенервничал, – поддержал сослуживца Железняк, – еще ни разу в таких переделках не приходилось участвовать. Ну, бывало, потолкались немного, особенно с фанатами футбольными, но в такое массовое месилово еще ни разу не попадал. Вроде бы и тренировались постоянно по плану «Волна», с «бандитами» и с огнем, а вот видишь, в реальной обстановке и не понятно, кому куда бежать и что делать? Как в Великую Отечественную одна рация на взвод. Вперед пошли и уже каждый сам по себе, не понятно, где какое подразделение, кто кем командует?

– «Смешались в кучу кони, люди», как в «Бородино» у Лермонтова, – процитировал Иван.

– Вот и вчера, сплошной хаос и неразбериха, ни плана операции, ни руководства силами и средствами, сплошная импровизация, – стуча от переизбытка чувств ребром правой руки в открытую ладонь, соглашался с Иваном Железняк.

– Тут еще вчера жена из дома позвонила, расстроила, – продолжал он, уже немного успокоившись. – У нас дома тоже начинается такая же вакханалия, как здесь. Уже палатки поставили на площади, митинги проводят в поддержку Евромайдана.

– Как сказал один известный поэт: «Ведь, если что-то происходит, значит – это кому-нибудь нужно? Значит – кто-то хочет, чтобы это было», – немного изменил слова стихотворения Иван.

– Ну, да. Ты меня удивляешь, Ваня, откуда такие познания в литературе?

– Просто в школе русская литература был мой любимый предмет. Не все тебе знаниями щеголять, – улыбаясь, ответил боец. Сергей Васильевич посмотрел вокруг и сказал:

– А красиво здесь.

– Красиво, – поддержал его Иван, – особенно мне «Дом с химерами» нравится. Я им уже не первый раз любуюсь, а всегда вроде что-то новое для себя находишь.

– Мне тоже нравится. Взгляд притягивает, потому что необычный. Это ведь первый дом в Киеве, построенный из бетона, – с энтузиазмом стал рассказывать командир роты.

– Я и не знал. А еще что-то интересное про этот дом есть? Умеешь ты рассказывать, как учитель в школе. Такое ощущение,

что по ночам лекции готовишь.

– Да ну, – смутился, улыбнувшись, Сергей Васильевич, – просто историю очень люблю и много читаю, а это все дает свои плоды.

– Я тоже много читаю, но как ты рассказывать не умею, – возразил ротному Иван.

– Ладно, давай лучше про дом расскажу, – продолжая улыбаться, сменил тему Железный.

– Его строили с 1901 по 1903 год по проекту архитектора Владислава Городецкого. Крутой обрыв, на котором решился строиться архитектор, считался неподходящим для этого, поэтому землю там он купил почти даром. Оригинальность проекта состояла в том, что дом спроектирован в форме куба, с нашей стороны – Банковой – он имеет три этажа, со стороны площади Ивана Франко – шесть. Для устойчивости склона было вбито пятьдесят бетонных свай. После окончания строительства Городецкий вместе с семьей поселился на четвертом этаже, а остальные комнаты сдавал. В 1913 году он продал свое строение. После революции дом национализировали и поделили на коммунальные квартиры. Позже сделали поликлинику номер один для партийных работников. За время эксплуатации здание сильно обветшало и дало трещину. В 2003 году началась его реставрация и сейчас это Малая резиденция президента Украины, предназначенная для приема иностранных делегаций. Во всех изданиях пишут, что на реставрацию этого старинного уникального здания ушла куча денег, но ты знаешь, мне кажется, дело не в уникальности «Дома с химерами». Просто место его расположения – Администрация Президента. Что, в Киеве мало красивых старинных зданий? Стоят, разрушаются, никому до них нет дела. Уникальность у нас в стране – это оказаться в нужное время в нужном месте, а твои таланты и способности мало кого интересуют.

– Ну вот, как всегда, начали за здравие, закончили за упокой. Что это тебя, Сергей Васильевич, понесло? – поинтересовался участливо Иван, с удивлением смотря на ротного.

– А, да ничего, так, старые воспоминания, – играя желваками, махнул рукой Железняк. – Дураков этих жалко, что на майдан повыводили. Из них ведь процентов семьдесят наивно верят в россказни о лучшей жизни в Европе, а их как всегда обдурят. Кто-то денег заработает, кто-то должности, а доверчивые мечтатели – синяки и шишки.

– Так ты что, я не понял, за майдан?

– Да нет. Просто обидно. Мы ведь все это уже проходили в 2004 году на «Оранжевой революции». Ты ведь видел, чем это

закончилось? Бедные стали еще беднее, а богатые еще богаче. Все происходящее сейчас похоже на сюжет одного анекдота «Про хохла и чукчу». Знаешь?

– Нет, – отрицательно замотал Иван головой. – Расскажи.

Он еще ни разу не видел Железного в таком нервном состоянии.

– Да там особо и рассказывать нечего. В сарай заскакивает хохол, грохот страшный, выбегает, две шишки на лбу. Заскакивает чукча, тоже грохот в сарае, выбегает, одна шишка. Хохол и спрашивает: «Слышь, чукча, почему у тебя одна шишка, а у меня две?». Тот ему и отвечает: «Чукча не дурак, однако, два раза на одни и те же грабли не наступает». А мы уже второй раз на одни грабли наступаем, и это нас ничему не учит.

– Ну, ты, Сергей Васильевич меня с утра и загрузил. Голова еще сильнее болеть стала, – держась за виски, пожаловался Иван.

– А что с головой?

– Вчера булыжником попали твои доверчивые, наивные мечтатели, аж вырубило. Теперь в ушах звенит и с левой стороны голова болит. Фельдшер говорил, надо в поликлинику сходить, чтобы врач посмотрел, но некогда по врачам ходить, да и признаться не очень я докторов люблю.

– Ха, да кто их любит? Но к врачу сходи, а то вдруг что, будешь ходить со всеми здороваться, – посоветовал участливо Железный.

– Хорошо, схожу, как время будет, – лишь бы от него отстали, согласился боец. Видя, что разговор о докторах раздражает Ивана, Сергей Васильевич сменил тему.

– Хочешь, еще кое-что интересное про это здание расскажу? – спросил он, чтобы отвлечь милиционера от головной боли.

– Ага! – моментально согласился Иван, зная, как ротный умеет интересно рассказывать.

– Все фигуры на здании парные, только у одной пары нет. С правой стороны от нас крокодил, его еще называют «Крокодил желаний». Считается, если его потереть и загадать желание, оно обязательно сбудется.

Иван, с интересом слушавший Железняка, улыбнувшись, предложил:

– Пойдем, потрем. Загадаем желание.

– Пошли. Тут совсем рядышком, – согласился с ним Сергей Васильевич.

– Я наверно его здесь никогда не нашел бы. Какой он маленький по сравнению с другими фигурами, – высказывал свое восхищение Иван. – А тереть где надо? – спросил он у ротного.

Сергей Васильевич громко рассмеялся:

– Ну, там, где обычно у всех крокодилов трут. Боец удивленно поднял брови.

– По носу, – подсказал Железный, продолжая заливаться смехом. – Ладно, Данди, пошли, а то нас с тобой скоро вся рота искать будет.

Возле автобусов они узнали, что никто их не ищет, все занимались своими делами. Иван, прощаясь, пожал Железному руку и заскочил в автобус. Внутри было тепло, негромко рычал двигатель и, наполняя салон теплым воздухом, дула печка.

– Где это ты лазил? Я проснулся, тебя нет, а под боком твой телефон лежит, – с порога стал высказывать Гена, развалившись в одном свитере на седушках и потягивая парующее кофе из кружки.

– Держи, – протянул он Ивану его телефон.

– Спасибо. Наверное, из кармана выпал. Ты где кофейка намутил? Дай хлебнуть.

– Вань, учись везде устраиваться с комфортом, тогда жизнь не кажется такой пресной и скучной, – разглагольствуя, Гена протянул другу кружку.

– Ладно тебе, философ, – прихлебывая горячий кофе, Иван получал удовольствие от приятной кофейной горечи во рту и чувствовал, как каждый глоток опускается по пищеводу, согревая озябшее тело изнутри.

– У меня были еще из дома два пакетика «Черной карты», – начал рассказывать Гена, – а кипяток у охранников взял там, где мы ночевали. Они после этой ночи шелковые.

– А что ночью произошло? – поинтересовался Иван, возвращая кофе другу.

– Сейчас расскажу. Под утро «беркута» переоделись в майдановцев, маски надели, пару касок нашли, биты, палки и потихоньку зашли в комитет Верховной Рады, где мы спали. Охрана на расслабоне, один на стуле придремал, второй в комнату отдыха зашел. Подошли они к спящему и, окружив его, разбудили. Говорят, здание окружено, сдавай оружие и не пострадаешь.

– Вот придурки, а если бы он со ствола палить начал? – представляя, как все это происходит, выдвинул версию Иван.

– Ничего бы не начал, у него два человека сзади стояли, руки контролировали. Да он от страха встать не мог, ноги отказали. Двери комнаты отдыха стулом подперли, в ручку уперев. Потом, когда охранник уже сам начал кобуру с пистолетом снимать, подошли остальные «беркута» в форме.

– Ты ж хотел, чтобы майдановцы пришли, вот твое желание и сбылось, – сказали они ему, смеясь. Он красный как рак стал, в

комнату отдыха заскочил и не выходит.

– Наверное, днем разборы полетов будут. Старший смены побежит жаловаться, – предположил Иван.

– Я думаю, навряд ли бузу подымать будут. За сон на посту и старшего по головке не погладят. Да и выглядеть в глазах начальства лохами не захотят, – выстраивал свои предположения Находько. Гена был прав, про инцидент даже не вспомнили, а всю смену перевели на другой объект, подальше от сумасшедшего «Беркута». Посмеявшись с другом, Иван достал телефон. Интересно, кто это звонил ему ночью? Два неотвеченных от товарища из одной из областных рот «Беркута».

– Ген, помолчи, другу надо срочно позвонить, может, что случилось? – попросил Иван товарища, который в очередной раз повторял историю про охранников потягивающему из его чашки кофе Коле Линенко. Обиженный, Находько вместе с Морячком перешли в конец салона, где к ним присоединился Американец и Максим Краховецкий. Трубку на другом конце долго не брали, после длинных гудков сонный голос сказал:

– Да, алло.

– Привет, братан. Извини, что разбудил.

– Это ты, Вань? – сонным голосом спросил товарищ.

– Нет, не я, – весело ответил Иван, – ты что это, уже старых друзей не узнаешь? Ты же мне ночью звонил.

– Узнал, узнал я тебя. Просто еще не проснулся. Сегодня только в три часа ночи спать лег. Ленина спасали полночи.

– Какого Ленина? – не понял Иван.

– На Бессарабской площади свободовцы памятник Ленину хотели снести, а мы его у них отбивали. Уже девяносто лет Ильича нет, а люди за него все бьются.

– Подожди секунду, я на громкую включу, пусть и пацаны послушают, как националисты с памятниками воюют.

– Мужики, не хотите послушать очевидца, что возле памятника Ленину творилось, а то в новостях все десять раз переврут. Стоял Ленин шестьдесят лет, никому не мешал, с ним несколько поколений выросло, а вчера кучка интеллектуалов бухих и обкуренных решили за всех киевлян – памятник на Бессарабке им не нужен.

Включив телефон на громкую связь, Иван приподнял его, повернув динамиком. Все, кто был в автобусе, собрались возле Ивана.

– Рассказывай, братан, все тебя внимательно слушают.

Звук из динамика был плохой, приходилось прислушиваться к словам товарища.

– Особо и рассказывать нечего. Послали нас на бульвар

Тараса Шевченко. Была информация, что радикалы будут памятник Ленину сносить. Мы, когда подъехали, возле памятника человек пятьдесят собралось, уже к нему лестницу приставили, чтобы за голову тросом зацепить. Вокруг толпы зевак, все на мобильные снимают, для них это бесплатное шоу. Как из автобуса мы стали выскакивать, радикалы как зайцы в разные стороны от памятника отбежали. Нас перед памятником выстроили. Через некоторое время какой-то интеллектуал из главка дает команду взять памятник в кольцо. Пока в строю стояли, казались грозной силой, а вокруг памятника в жидкую цепь выстроили, весь психологический эффект и пропал. К нам еще ментов из райотдела поставили, вообще без ничего: не то, что бронников и шлемов не выдали, даже палок не дали. Толпа беспредельщиков, когда такую картину увидела, сразу духом воспряла. Сначала нас газом начали травить, а потом видят, что сил отбиться не хватает, со всех сторон набросились, палками нас, как ковры выбивали. Их столько набежало, что в очередь становились палкой по «Беркуту» стукнуть.

Рассказчик замолчал, и в трубке было слышно только шипение.

– Пацанов у вас много пострадало? – задал вопрос Гена, до этого внимательно слушавший голос коллеги.

– Четверо трехсотых, один в тяжелом состоянии, а так почти все в синяках.

– Не расстраивайся, братан, – успокоил Гена. – Мы за вас здесь на Банковой отомстили.

Собеседник на другом конце трубки засмеялся:

– Спасибо, братаны, теперь спокойно спать буду. Все, Вань, давай, пока, а то я уже пол автобуса разбудил. Созвонимся. – В трубке послышались длинные гудки.

– Мне интересно, – после недолгого молчания спросил у своих товарищей Коля Линенко, – кто эти операции планирует, где нас, как макивары используют? Вчера выставили солдат без щитов, под памятником Ленину пацанов подставили. Хотелось бы мне в глаза посмотреть стратегу, которому в голову приходят такие гениальные идеи.

В автобусе все замолчали, не зная, что ответить другу. Своими высказываниями Коля задавал вопросы, на которые бойцы не имели ответов, да и навряд ли из тех, кто находился рядом с ними, мог бы ответить. Раскрасневшийся боец не мог успокоиться.

– Гена, ну ты можешь ответить, почему так происходит?

– Я откуда знаю? Устроил тут «что, где, когда». Видя, что все на взводе, в разговор влез Максим Краховецкий.

– Пойдем лучше покурим на улицу, – предложил он. – Нервы нужно беречь.

Когда милиционеры вышли из автобуса, Иван спросил у задумчиво сидящего товарища:

– Вы уже что-нибудь ели?

– Да так, перекусили немного. Там сзади на сидении все разложено, еще не убирали.

Откусывая кусок от бутерброда с тушенкой, Иван громко с набитым ртом спросил у товарища, все еще пребывающего в задумчивости:

– Не слышно, что дальше делать будем? Милиционер отвлекся от своих невеселых дум и ответил:

– Командир с утра заходил, сказал, пока здесь находимся. Ближе к вечеру будет совещание, тогда определятся.

Видя кислое лицо товарища, Иван не удержался.

– Братан, у тебя опять тоска по дому началась? Смотри, комиссуют по статье.

– Не комиссуют, скоро все сами разбегутся, – огрызнулся друг.

С полным животом Иван лениво развалился на сиденье. Глаза сами по себе стали закрываться.

– Геша, я часок посплю. Ты, если что, разбудишь. Он стащил с себя промокшие берцы и подсунул их ближе к печке. В автобусе почти никого не было, и боец вытянул ноги, положив их на стоящее рядом сиденье, перекрыв проход. Через минуту он уже счастливо посапывал. Разбудил его Одас, который громко чихал на весь автобус.

– Игорек, ты что, не видишь, люди спят?

– Вставай, а то все проспишь. Уже и так три часа дрыхнешь. Развалился на весь автобус, все через тебя переступают.

Вставать не хотелось. В автобусе было тепло и уютно, а за окном холодная зима, но сильно хотелось в туалет. Всунув ноги в высохшие ботинки, милиционер сделал несколько упражнений для разминки и выскочил из автобуса. На улице, как в растревоженном муравейнике, все куда-то спешили. Рычали автобусы, выезжая за ворота, и тут же заезжали другие, из которых выскакивали солдаты внутренних войск, строясь в колонны. Офицеры делили колонны на группы, одних куда-то уводили, другие залазили обратно в автобусы. По двору неспешно прохаживались несколько человек в гражданской одежде, возле них крутились люди в форме с погонами генералов и полковников, прислушивались к их распоряжениям и сразу отдавали команды по радиостанции. К стене прижался фургон с надписью на боку «Телевидение», возле него суетились несколько

человек, разматывая провода и кабели. Иван быстро сбегал в туалет и вернулся назад, горя желанием узнать, что происходит. Из-за автобуса вышел Силенков. Он явно был не в духе.

– Залазьте в автобус. Замминистра приехал. Журба, проверь людей, чтобы никто по улице не шлялся, – поставив задачу, Олег Викторович поспешил навстречу командиру. Иван открыл двери и уже собирался подняться в автобус, но слова полковника застали его в дверях:

– Ваня, подожди.

Позади него в дверной проем высунулись несколько любопытных лиц.

– У вас в автобусе есть амуниция, пострадавшая вчера на Банковой?

Иван кивнул.

– Собери и пускай к моей машине принесут, – распорядившись, командир сразу повернулся к Силенкову.

– Олег Викторович, заместитель министра сейчас интервью журналистам давать будет, ты подготовь мне список раненных, отдашь моему водителю, он принесет.

– Командир, разрешите вопрос? – из-за спины Ивана высунулся Миша Ахтыркин.

– Что там у тебя?

– Пусть зам министра расскажет, кто дал команду везти вэвэшников в Киев на КРАЗах и ЗИЛах тентованных четыреста километров зимой, – он кивнул головой в сторону нескольких машин с черными военными номерами, стоящими недалеко от автобусов «Беркута».

– Ахтыркин, сейчас это сам расскажешь. Телевизионщики ищут, у кого интервью взять, думаю, ты им сгодишься. Сейчас тебе лицо немного подретушируем, – с металлическими нотками в голосе предложил командир.

– Все, я понял.

Улыбающееся лицо Миши исчезло в салоне автобуса. Полковник повернулся к Олегу Викторовичу.

– Позагоняй всех в автобусы, по улице пускай не шатаются, а то будут вопросы разные задавать, такие как Ахтыркин. Я вернусь из Администрации, доведу, что решили.

Быстро развернувшись, командир пошел в сторону входа в Администрацию Президента. Иван залез в автобус.

– Одас, закрывай двери, и так все тепло выпустили.

Найдя взглядом на задних сиденьях Ахтыркина, обратился к нему:

– Миша, у тебя язык без костей.

– Ну а шо, пацанов жалко. Ты видел? Они как пингвины в

Антарктиде, в кузове синие от холода сидели, когда их сюда привезли. Там дует со всех щелей, – возмутился Миша.

– У них командиры есть? Почему молчат, ничего не говорят? Значит, их все устраивает, – уже примирительно сказал Иван, поворачиваясь к водителю. – Рано ты меня разбудил, еще можно было поспать, пока все эти начальники разъедутся.

– Может, перекусим, пока время есть? – предложил Одас.

– Это идея, – поддержал его Каустович. Накрывайте на стол, я соберу, что командир просил. Схожу отнесу, а на обратном пути зайду, пацанов позову из комитета, хватит им там сидеть, телефоны заряжать, – поделился своими планами Иван. Собрав несколько шлемов с побитыми забралами и следами ударов камней, наколенники с вмятинами от булыжников, разорванный бронежилет, он нагрузился всем этим и отнес к машине командира. Возвращаясь назад, заскочил в комитет Верховной Рады, где увидел сидящего на окне Железного. Как всегда, он был в центре внимания, милиционеры слушали, раскрыв рот, его очередную байку. Иван громко, чтобы все слышали, передал распоряжение командира. Бойцы засобирались по своим местам. Вернувшись в свой автобус, Иван почувствовал вкусный запах копченой колбасы, тушенки и резкий запах лука.

– Где ты ходишь, здесь уже можно слюнями подавиться, – возмущался Гена, накладывая на хлеб тушенку.

– Давайте присоединяйтесь, – позвал остальных Игорь. Поев и запив обед чаем, который час назад в термосе Журбы заварил Леха Каустович, все стали расходиться по своим местам.

– Может, в картишки раскинем? – предложил Саркис.

– Можно. Только предлагаю на приседания, так интереснее, – поддержал товарища Иван.

– Тогда приседать с выпрыгиванием, на улице, – азартно загорелся Одас. Подложив вместо стола бронежилет, милиционеры расселись играть в карты. За игрой время летело незаметно. Одасу сегодня явно не везло.

– Ничего, не везет в картах, повезет в любви. Играть не умеете, хотя бы спортом позанимаетесь, – смеялся Гена с Игорька, еле переставляющего ноги.

– Может, отыграться хотите? Вдруг повезет, – поигрывая колодой перед Игорем, предлагал Гена. У Ивана зазвонил телефон.

– Да. Что? Плохо слышно. А, понял, сейчас идем. Положив телефон в карман, он сказал:

– Пошли, старшина спальники привез.

– Я не пойду, у меня есть, – отказался Одас, растирая икры ног. Выйдя из автобуса, милиционеры гурьбой пошли к бежевому

микроавтобусу «Фольксваген». Иван подметил, что во дворе людей стало поменьше, и фургон телевидения уже уехал. Машина, к которой они шли, стояла чуть в стороне от главного входа в Администрацию Президента, недалеко от таблички на стене с надписью золотыми буквами «Президент України». Поначалу к ней было не протолкнуться, все старались сфотографироваться так, чтобы надпись «Президент України» занимала половину фотографии. Сейчас на нее уже не обращали внимания. Возле микроавтобуса была толкотня и галдеж.

– Не толкайтесь, всем хватит. Привезли с запасом. У кого попался разорванный, можно поменять на другой. Иван, услышав знакомый голос старшины, улыбнулся и протиснулся к товарищу. Следом за ним протолкался и Гена. Они горячо обняли друга.

– Привет, Санек! – похлопывая товарища по спине, радовался Гена.

– Что там на Родине? Как жена, сын? – поинтересовался Иван.

– А что ты нам привез хорошего? – спросил Гена, вытянув шею и пытаясь заглянуть в открытые боковые двери микроавтобуса.

– Подожди, – сказал Кротков, оттесняя плечом Находько от дверей.

– Спальники привезли, не новые, правда, но хорошие, теплые. Да подожди ты, сейчас выдам, – злился Санек, отпихнув в сторону настырного Находько, который уже тащил спальник. Гена, отходя в сторону, все же ухитрился выдернуть скрученный в рулон спальный мешок и теперь, развернув, осматривал его.

– Держи! – протянул спальник Ивану старшина. – Это большой, как раз для тебя. Батя привет передавал, сказал, быстрее тунеядцев разгоняйте и когда домой приедете, на рыбалку поедем, как позапрошлой зимой. На плотву.

К милиционерам подошел Железняк, стряхивая с воротника снег, и громко, чтобы все услышали, объявил:

– Относите полученные спальники в автобусы и через пять минут построение возле командирской машины.

Милиционеры, сворачивая на ходу обновку, потянулись к автобусам.

– Гена, ты не захватишь мой спальник? – попросил Иван.

– Да без вопросов.

– На мое сиденье положишь, – передавая спальный мешок, предупредил он товарища. – Василич, ты сейчас к командирской машине идешь? – обратился боец к ротному.

– Да.

– Я тогда с тобой пройдусь. Ты не возражаешь?

– Пойдем. – Иван повернулся к старшине. – Санек, я пошел.

Построение. Еще увидимся. Если, что передавай привет семье.

– Хорошо, передам, – ответил Кротков, укладывая в машине оставшиеся вещи. Идя рядом с Железным, милиционер спросил:

– Как настроение у начальства?

– Хорошее. Сказал, в министерстве довольны, не ожидали, что все так по красоте выйдет, – уже возле машины ответил Сергей Васильевич.

– Понятно. Ладно, пойду строиться.

После того, как построились возле командира, офицеры доложили ему, что все в строю. Полковник с довольным видом сказал:

– Министр поблагодарил всех за грамотные и слаженные действия по пресечению массовых беспорядков на улице Банковой. Пообещал, что задержанные зачинщики будут строго наказаны. Офицеры, подадите мне список по два-три человека из взвода для поощрения министерским приказом. Сегодня ночью находимся здесь.

Повернувшись к Силенкову, который стоял чуть сбоку, командир сказал:

– Олег Викторович, организуйте с девятнадцати до восьми утра несение службы. Наша сторона Банковой, выходящая на Институтскую. Поделите людей по сменам. В каждой смене офицер.

Развернулся к милиционерам и спросил:

– Вопросы есть?

– Кормить будут? – выкрикнул кто-то из строя.

– А, совсем забыл. Замотался, – подняв руку с указательным пальцем, вспомнил командир.

– Олег Викторович, ты звонил? Где машина с бачками под ужин?

– Звонил. Через полчаса будут.

– Все слышали? Ужин через полчаса. Старшие автобусов, подойдете получите командировочные на своих людей. Еще вопросы есть? Нет, тогда разойдись.

Иван вместе с офицерами остался ожидать, пока освободится командир, чтобы получить командировочные. Мелочи, но хотя бы на печенье и чай хватает.

– Я думаю, нас на Администрации и оставят, – поделился своими мыслями Барсуков.

Никто из присутствующих даже не подозревал, что на Администрации Президента им предстоит встретить Новый Год.

Дни тянулись уныло и однообразно, служба – общага. Правда, иногда развлечения устраивали себе сами. Дней пять назад у вэвэшников, что стояли на Банковой в сторону

Институтской, перед постами протестующих появился мяч. Он был старый, потертый, немного спущенный, но все это не мешало мужикам весело носиться по брусчатке, оглашая криками и смехом улицу. Смех, эхом отражаясь от стен, выскакивал на Институтскую, пугая дремавших в палатке дежурных активистов. Они выскакивали на мороз и, подпрыгивая или поднимая один другого, пытались заглянуть за шеренгу солдат, переживая, что начнется штурм. Но штурмовать особо и некого было. На ночь в палатках оставалось пять-семь человек, они часов в одиннадцать-двенадцать ночи забивались в палатки, возле которых громко тарахтел дизель-генератор. Постепенно все привыкли к орущим спецназовцам, весело гоняющим мяч в любой мороз. Перестали взволнованно выглядывать из-за черных светозащитных штор сотрудники УГСО, охраняющие правительственные здания, выскакивать из палатки перепуганные бойцы майдановских сотен. Иногда устраивали дружеские матчи между «Беркутом» и вэвэшниками. Выигрывали, проигрывали, громко спорили, был гол или нет. Убивали время в сменах. Подразделение разбили на несколько групп. Каждая группа стояла по два, когда три часа, за ночную смену выходило стоять пару раз, если без усиления. Сменившись, бойцы шли отдыхать на одном из этажей в Администрации Президента. Спали на полу, завернувшись в бушлаты и спальные мешки. Сквозняки гуляли по коридорам, завывая в вентиляции и щелях под дверями кабинетов. Утром из-за этих сквозняков просыпались охрипшие, с заложенными носами. Около половины пятого приходили уборщицы. Они из подсобок вытаскивали громадные пылесосы, ведра со швабрами и, открыв двери кабинетов, приступали к уборке. Начинался новый день. Бойцы «Беркута», разбуженные громкими звуками, просыпались, собирали свои спальные места. Переговариваясь между собой, пили воду из кулера, стоящего у окна. Кто хотел, делал чай и, попив, не спеша спускались вниз, собираясь у автобуса. После приезда смены автобусы не спеша выруливали на сонные киевские улицы.

Вчера почти весь день шел снег. Его всегда убирал маленький верткий трактор, сгребая на кучи. Потом все грузили на машины и вывозили с Банковой. Часов в шесть после трактора дворники наводили блеск, сметая с парапетов и бордюров снег, и в начале восьмого все было готово к новому рабочему дню. Последнее время Администрация Президента замерла, кортежи приезжать перестали, парадные ворота закрыли и жизнь внутри зданий почти остановилась. Только мелкие клерки, с утра приходя на работу, проскакивали в незаметные двери черного хода.

Снег убирать перестали, только перед входом немного

отбрасывали в сторону, да расчистив пешеходные дорожки, посыпали их солью. На дороге снег лежал нетронутый, сверкая белизной в ярких лучах ночных фонарей, своей красотой вызывая приятные воспоминания детства, веселых зимних забав. Не удержавшись, один из милиционеров слепил крепкую снежку и, прицелившись, бросил ее в другого. Получивший снежком в плечо быстро ответил тем же, но, поспешив, промазал в своего верткого товарища и попал в стоящего за ним, и вот уже смена с веселыми криками, громко смеясь, поделилась на две группы и ведет снежную баталию, прячась за углы стен и железные парапеты.

– Как дети! – сказал Иван, вытрушивая набившийся снег из-под воротника.

– И не говори, – ответил Миша, прячась за металлический щит, в который тут же врезались несколько снежков. Слева к их крепости пытался прорваться Андрей Кольницкий, но, поскользнувшись на льду, притрушенному снегом, растянулся во весь рост. Сразу в него влепились несколько снежных снарядов. Товарищи Андрея, пытаясь помочь другу, усилили снежный огонь. Кое-где вспыхнули рукопашные схватки. Весело смеясь, противники кувыркались в снегу, устраивая «кучу малу», а в это время друзья обкидывали их снежками. Время пролетало незаметно. И вот уже Григорий Иванович, который был старшим в смене, подает команду: «Смена идет! Строимся!». Когда бойцы начинали дурачиться, Григорий Иванович стоял всегда чуть в стороне от всех этих безобразий. Он больше любил вести светские беседы с не участвующими в зимних развлечениях милиционерами и офицерами вэвэшников. Иногда к ним присоединялись кураторы из главка. Смотря на все эти забавы, Григорий Иванович, усмехаясь, говорил:

– Молодые дуркуют, силу некуда девать. Ну, пусть погаются. Крепче спать будут и мысли дурные в голову лезть не будут.

После команды старшего куча, из которой торчали руки и ноги, рассыпалась на отдельных бойцов. Громко обсуждая свои победы, они отряхивали друг друга, подбирали шлемы, потерянные палки и слетевшие налокотники, весело смеясь, становились в строй. Здесь раскрасневшиеся «беркута» никак не могли успокоиться, толкались и подначивали один другого. Уже никто не замечал, что перед выходом болело горло или был заложен нос.

– Ну шо, наигрались, детвора? Ничего не потеряли? Тогда пошли, – скомандовал Иваныч. Милиционеры нестройно двинулись в президентские апартаменты на отдых, а новая смена уже подыскивала занятие, чтобы не скучать.

Утром грузились в автобус и ехали на базу.

– Не служба, а мед, – радовался Гена, развалившись на двух сиденьях в автобусе, везущем их в общагу. – Сейчас позавтракаем и спать, а вечером до службы можно в дебчика перекинуться или в нардишки сыграть. Если семью сюда привезти, так вообще можно на постоянку оставаться. Кормят бесплатно, живешь в Киеве на халяву, о чем еще можно мечтать. Рай! Да шучу я. Шучу, – тут же поправился, увидев осуждающий взгляд Ивана.

– Смотри, накаркаешь. Будем где-нибудь в поле стоять сутками, голодные.

Они даже и не догадывались, что совсем скоро спокойная, размеренная жизнь закончится.

Глава 2

Автобусы подъехали и, останавливаясь, выстраивались на Институтской, заезжая прямо на тротуар. Машин с каждой минутой становилось все больше и больше. В автобус заглянул ротный, закрывая дверной проем, произнес:

– Из машин не выходим. Свет не включаем. Всю защиту надеваем на себя.

– А покурить можно? – раздался голос из конца автобуса.

– Покури – в люк и в руке, если товарищи не против. Еще раз предупреждаю, на улицу не выходить. Если кто-то хочет спросить, как в туалет, рекомендую терпеть. Кому невтерпеж, то в пластиковые бутылки. Все, Одас, закрывай двери и заглуши двигатель.

После того как ротный ушел, Иван поплотнее закутался в бушлат, стараясь подольше сохранить тепло. Уже начало чувствоваться, как из-под дверей, подвывая, в салон забирался мороз. Журба и не заметил, как погрузился в царство Морфея. Проснулся от того, что кто-то тряс за ногу.

– Вставай. По рации передали команду одеваться.

Над ним стоял Гена. За время службы Иван привык просыпаться мгновенно, открыл глаза и уже готов действовать. Как говорят: встал и пошел. Дома жена постоянно удивлялась: «Вань, ну как ты так можешь – открыл глаза и сразу куда-то побежал, нужно ведь полежать, подумать, что делать».

– Да что там думать, на ходу все и подумаешь, – возражал ей Иван. Быстро надев бронежилет, он положил рядом с собой на сиденье шлем и посмотрел в окно. Там была холодная зимняя ночь; в автобусе тоже было прохладно и сыро, но на улице еще дул ветер, гоняя по обледеневшему асфальту бумагу, пустые баклажки и другой разноцветный мусор, подаренный Киеву так называемой «революцией гидности». Бррр, здесь получше, чем на улице – подумал Иван. На улицу жуть как не хотелось выходить.

Рация ожила.

– Выходим строиться, – сказала она голосом майора Силенкова. «Беркута» стали выскакивать из автобусов, быстро становясь в шеренгу. Кое-где возникла толкотня и неразбериха.

– Офицеры, быстро наведите порядок в строю, пусть встанут в шеренгу по четыре. И тишина в строю! – повышая голос, распорядился командир, хмуря брови. Иван встал в первую шеренгу. Перед лицом ярко светилась вывеска метро «Хрещатик». Прохаживаясь перед строем в сопровождении куратора из главка, одетого в длинную черную куртку и растянутую спортивную

шапку на голове, полковник проводил инструктаж.

– Сейчас спускаемся вниз. Действуем четко по команде, никакой самодеятельности, – командир замолчал и посмотрел на представителя главного управления, предоставляя ему слово. Выйдя немного вперед и поправив шапку, постоянно сползающую на глаза, куратор сказал:

– Сейчас судебные приставы зачитают постановление суда, а потом вы оттесните людей за баррикады. Бить никого не надо. Оттесните и удерживайте толпу, пока коммунальщики разберут завалы. Договоренность была силу не применять.

Говорил он резко, не произнося, а выплевывая слова, периодически голос срывался на фальцет. При этом постоянно теребил антенну своей радиостанции, вставленную в нагрудный карман.

– Смотри, как надзиратель нервничает. Видно пистон сегодня хороший получил от начальства, – улыбаясь, высказывал свои наблюдения Леха Каустович.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос.

– Ну что тебе опять, Серков? – обреченно спросил командир, надевая на голову шлем.

– Я хотел спросить, – начал Коля, пристально смотря на представителя главка, – если договорились силу не применять, может договориться, пускай из баррикад уйдут, а мы зайдем?

– Серков! – одернул бойца командир, видя, как скривился куратор.

– Тебе поставленная задача понятна? Коля кивнул.

– Вот и выполняй ее. Если что-то непонятно, у офицеров спросишь. Смотрите, там будет куча камер и разных писак, они только и ждут от вас ошибок.

Без паузы скомандовал:

– На пра-во! Шагом марш!

Спускаясь вниз, колонна натолкнулась на сопротивление активистов майдана, которые небольшими кучками пытались остановить продвижение «Беркута», становясь у него на пути, держа друг друга за руки и создавая живые цепи. Они не понимали, что нельзя остановить мчащийся с горы тяжелый локомотив. Можно или отойти в сторону, или попасть под колеса. Как резиновые мячики, нападающие отскакивали от мощных передних рядов спаянных одной целью спецназовцев. Кое-где майдановцам удавалось во время своих наскоков повалить с ног милиционера, но тут же его товарищи бросались на помощь, раскидывая провокаторов, как котят.

– Стой, – скомандовал замкомандира Силенков, не доходя метров сто до баррикады. Грозный вал катящегося вперед

«Беркута» синхронно остановился. Из-за шума и криков задние ряды, вовремя не расслышав команду, налетали на передние, с любопытством вытягивали шеи, пытаясь заглянуть через спины и узнать, почему стали. Слева стояла такая же колонна «Беркута». Впереди, взявшись за руки, в оранжевых строительных касках стояли майдановцы, цепи которых постоянно усиливались встающими в их ряды новыми людьми. Многие были одеты в светоотражающие жилеты, а лица обмотаны шарфами.

– Сегодня драки не будет, – сделал вывод Сергей Саркисов, стоявший позади Ивана.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Журба, отворачиваясь от яркой фотовспышки. Корреспонденты облепили «Беркут», слепя вспышками фотоаппаратов и яркими прожекторами, установленными на видеокамерах.

– А ты посмотри, какой контингент оппозиция собрала. Молодежи почти нет, – растолковывал другу Саркис. Действительно, как Иван сразу не обратил внимания, перед ним стояли мужики в основном от сорока и старше.

– Молодец, Серега, наблюдательный. С твоими данными надо было идти в опера, – посоветовал Иван.

– Нас и здесь неплохо кормят, – довольным голосом, поглаживая живот, процитировал Саркис. После нескольких минут бестолкового стояния поступила команда: «Вперед!». Офицеры на ходу разворачивали колонны в шеренги. Выстроившиеся цепью активисты при виде идущего на них «Беркута» запели гимн Украины.

– Напоминает кадры из старого советского фильма «Варяг». Такое впечатление, что все они приехали из киностудии «Довженко». Посмотри, какие суровые лица, можно подумать, мы их сейчас расстреливать будем, – весело делился своими впечатлениями Саркис. После перестроения он оказался слева от Ивана.

– Что-то у тебя, Серега, настроение слишком веселое.

– Да надоела однотипная работа, здесь хоть разнообразие.

Противники столкнулись, и «Беркут» сразу начал теснить активистов к их сооружению. Они пытались сопротивляться, но было видно, что подготовленным бойцам явно проигрывают. Напротив Ивана стоял мужик лет пятидесяти с обвислыми казацкими усами и веселыми морщинками «гусиными лапками» в уголках глаз.

– Хлопці, що ж ви робите? Навіщо мене штовхаїте, – возмущался он, но в его голосе было слышно какую-то наигранность.

– Отец, ты зачем сюда пришел? Сидел бы дома, на печке

грелся, – посоветовал активисту Саркисов.

– В мене двойко діточок, ти їх годуватимеш, поки я на пічці грітимуся?

– Так вы же здесь за идею стоите, – возмутился Леха Каустович. Он уже давно прислушивался к разговору.

– Від ідей ситий не будеш, та й сім'ю не нагодуєш, – хитро улыбаясь в усы, пояснил мужик.

– А ты откуда, батя?

– З України, синку. Ми всі тут з України, – философски изрек майдановец.

Сопротивление было недолгим, совсем скоро активисты были прижаты к баррикаде.

– Стой! Стой! – прошелестела по строю «Беркута» команда. Постепенно шеренги останавливались. Кое-где возникали драки, но их быстро прекращали, растаскивая дерущихся в разные стороны. Видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, многие активисты, подсаживаемые «Беркутом», залазили на баррикаду и оттуда спокойно смотрели на происходящее. Иван с интересом рассматривал сооружение майдана. Над головой, сбитые из толстого бруса, возвышались большие деревянные рамы, вставленные в баррикаду. Через проемы в строении было видно, что свое детище инженеры майдана строили из всего, что попадалось под руку. Был виден засыпанный снегом мусорный бак и скамейка, перекрученные проволокой, дорожный знак «пешеходный переход», на который нанизаны, как баранки, автомобильные шины. Да, долго Киев еще будет выдыхать свой майдан, – подумал Иван. Мужик с казацкими усами, пока толкались, куда-то пропал, а вместо него перед Иваном стоял крепкий, моложавый мужчина лет сорока. Одет он был в черную болоньевую куртку, сверху на которую наброшен светоотражающий жилет, на голове оранжевая строительная каска, из-под которой сзади торчали собранные в хвостик волосы. Когда активист повернулся, боец прочитал на жилете надпись: «Народний депутат України». Заметив, с каким интересом мужик смотрит на баррикаду, Иван предложил:

– Может подсадить, пойдешь к своим?

– Да нет, пока еще здесь постою, – повернув голову, ответил активист.

– Смотри, здесь может и кирпич прилететь. Ваши не разбирают, где свои, а где чужие, – предупредил милиционер.

– Главное, чтобы ваши разбирали, – с улыбкой ответил депутат. В это время, кувыркаясь и выбрасывая клубы ядовитого дыма, упала дымовая шашка, прилетевшая из-за баррикады. Иван наклонился пониже к земле, стоящий рядом милиционер

подобрал шашку и бросил ее обратно. Напротив, кашляя, депутат закричал кому-то наверху:

– Семеныч, скажи там чтобы, дымовухи не бросали!

– Сделаем, Игорек! – ответили с баррикады хриплым, простуженным голосом.

– Больше бросать не будут.

– Больше и не надо, хватит и этого, – с вызовом ответил депутату боец. Не обращая на него внимания, тот начал куда-то звонить. Иван почувствовал, что начинает замерзать, обледеневшая булыжная мостовая, на которой он стоял, быстро остужала ноги, а вспотевшее тело начал пробивать озноб. Покрутив головой, он увидел рядом с собой Логвиненко Олега, который внимательно осматривал перед собой баррикаду.

В подразделении Олег работал уже не один десяток лет. Он начинал работать еще когда «Беркут» только завоевывал свой авторитет – в середине 90-х. Тогда приходилось сутками сидеть в засадах с операми, чтобы взять очередного киллера или банду рэкетиров. Местным авторитетам физически прививать любовь к шеврону с орлом. Становиться между дерущимися район на район бригадами. В то время воспитывалось уважение к «Беркуту», для того чтобы в начале века гопники, поджидающие в подворот не свою жертву, при виде патруля в синем камуфляже и краповом берете, вспоминали о неотложных делах, ждущих их в другом месте, и поспешно уходили, растворяясь в темноте. Дерущаяся шпана с криком: «Атас, „Беркут“!», испуганно оглядываясь, разбегалась по домам. Охрана казино, работающего под черным флагом, обреченно расходилась в стороны, увидев, как из подъехавшего автобуса выскакивают крепкие парни в масках. С годами Логвиненко уже утратил былую эластичность и реакцию, но еще мог приложить так, что мало не покажется. Ценили его еще и за опыт, полученный за десятки лет службы, которым он щедро делился с молодыми коллегами. Правда, был у Олега один существенный недостаток, из-за которого пассажиром автобуса с едущим в командировку Логвиненко или его соседом по комнате мало кто хотел быть. Когда он засыпал, то храпел громче, чем работающий на полную мощность военный дизель-генератор, а спать Олег мог в любой позе, даже стоя, как конь.

– Неизвестно, почему стоим?! – перекрикивая шум толпы, Иван поинтересовался у Олега.

– Нет. Если надо, сейчас узнаем.

Олег, покрутив головой, увидел недалеко от себя парня в оранжевой жилетке коммунальщика.

– Дружище, ты не в курсе, почему стоим? Рокочущий бас Логвиненко сразу заставил обратить на себя внимание того, к

кому он обращался.

– Точно не скажу. Машина не может проехать, что должна растаскивать баррикаду. Какая-то баба себя тросом к ней привязала, а депутаты не дают проехать, под колеса бросаются.

– Вот б…ть, – выругался Иван.

– Что? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Услышав за спиной голос Григория Ивановича, боец резко повернулся.

– А вы откуда здесь? Вам же командир сказал возле автобусов находиться, – с удивлением спросил Иван.

– Там и без меня охранников хватает. Возьмите вот лучше водички попейте, – сказал он, протягивая пак воды. Посмотрев с любопытством на возвышающееся перед ним сооружение майдана, уперся взглядом в сбитые из деревянного бруса конструкции, торчащие над головой.

– Ты смотри, что понастроили. Они, наверное, думали, мы на лошадях в атаку поскачем? Для чего эти рамы сколачивали, не понятно.

К Григорию Ивановичу подошел прохаживающийся вдоль строя Васильков.

– Что там, на верху, не слышно? Дальше будем продвигаться или так и будем на месте топтаться? Рация молчит, люди уже замерзают.

– Я откуда знаю, что они думают. Сейчас с Татьяной Черновол носятся. – Увидев непонимающий взгляд Ивана, пояснил: – Э то та радикальная активистка, которая на майдане в СБУшном автобусе люк разбила и внутрь залезла, а перед этим ее по Межгорью у Януковича ловили. Любительница неадекватных поступков. Она сейчас тросом себя к машине примотала. Я хотел посмотреть, но туда не подлезешь, все начальство там, бегают, кудахтают, не знают, что теперь делать, – поделился информацией Григорий Иванович.

– А бойцы, если замерзли, пусть вручную баррикаду растаскивают, пока машину дождутся, в ледышки превратятся. Заодно дело сделают и согреются.

Услышав его слова, несколько бойцов, подпрыгнув, повисли на торчавшей из баррикады деревянной раме, пытаясь ее сломать. Пример оказался заразительным, на помощь товарищам бросилось еще несколько человек и сосульками повисли рядом с коллегами. Конструкция, не выдержав, затрещала и рухнула. Остальные милиционеры тоже начали разбирать баррикаду. Их не останавливало, что защитники били их по пальцам, пытались оторвать руки от конструкций, стараясь сохранить свое сооружение. Как в половодье вода, найдя небольшую щель в

плотине, увеличивая напор, расширяет ее все больше и больше, так и спецназовцы, растаскивая инженерное сооружение майдана, расширяя прорыв, небольшими ручейками просачивались на баррикаду, затапливая и смывая с нее активистов. Плотные шеренги милиционеров отодвигают защитников с их мест.

Переминаясь с ноги на ногу, Иван вместе с офицерами наблюдал за происходящим. Недалеко от них был слышен голос надзирателя из главка с требованием остановить наступление, но видя безрезультатность своих попыток, он замолчал. К демонтажу майдановской постройки присоединились коммунальщики и люди в форме МЧС. Журба не выдержал и вместе с товарищами полез на верх баррикады. Запотевшее забрало не давало возможности четко рассмотреть происходящее. Слева, недалеко от себя он услышал громкий пронзительный вопль. Повернув голову на крик, между наступающими бойцами Иван увидел бойца, нога которого провалилась в щель на баррикаде и застряла в ней. Толкающийся людской поток не давал ему возможности выдернуть ногу из западни. Он кричал и пытался руками оттолкнуть давящую на него человеческую массу. Его товарищи, подталкиваемые задними рядами, натыкались на застрявшего милиционера, пытались уйти в сторону, но, зажатые со всех сторон не могли этого сделать.

– Стой! Стой! – закричали они, пытаясь руками остановить давящую на них толпу. Через несколько минут бойцы помогли товарищу вытащить ногу и понесли милиционера с неестественно вывернутой ногой вглубь строя. Со сцены неслись призывы: «Стоїмо! Стоїмо!», но это уже было безрезультатно. Иван видел, что слева и справа чернеют нестройные шеренги «Беркута», отодвигающие майдановцев назад. Продвинувшись почти до конца баррикады, наступление стало выдыхаться. К активистам подходили все новые и новые люди, усиливая строй. Продвижение спецназа застопорилось и постепенно остановилось. Безрезультатное толкание одной стороны с другой ни к чему не приводило. Топтание на месте раздражало людей, в разных местах начинались драки, которые быстро прекращались, зажатые со всех сторон дерущиеся не могли развернуться в полную силу и быстро успокаивались. Вдруг в строю кто-то крикнул:

– И-и раз! И-и раз!

Десятки часов тренировок были потрачены не зря. Бойцы подхватили клич и над строем загрохотал усиленный сотнями глоток счет:

– И-и раз! И-и раз!

Подчиняясь ему, как на тренировках, шеренги стали синхронно давить на майдановцев и шаг за шагом продвигаться

вперед. Как два бурных весенних потока, столкнувшиеся в узком русле, бьются друг о друга, пытаясь поглотить того, кто окажется слабее. В бурлящих человеческими эмоциями шеренгах закручиваются водовороты и уже черные каски силовиков можно увидеть среди оранжевых касок активистов, и наоборот. Над этой человеческой рекой стоит поднимающийся вверх пар от сотен распаренных тел, столкнувшихся между собой.

Поднявшись на баррикаду, Иван попал в третью шеренгу. Продвигаясь вперед, он чувствовал, как сзади напирают его товарищи, поднимающиеся вслед за ним. От сцены была слышна музыка, в промежутках которой неслись призывы: «Разом сила! Тримаємось!». Им отвечали сотни глоток, вместе с которыми кричал и Иван:

– И-и раз! И-и раз!

Плотность человеческих тел все увеличивалась и увеличивалась. Маска на лице под шлемом стала мокрая, запотевшее забрало покрылось изморозью и стало матовым. Иван и не заметил, как очутился в первой шеренге. Его придавило к активисту, от которого стоял запах давно не мытого тела, а изо рта разило луком. В какой-то момент его вдавили в строй «Беркута» и, пытаясь выбраться назад, он хватался за одежду своих товарищей, с глазами коровы, которую ведут на убой, причитал: «Хлопці, не кидайте! Хлопці, допоможіть!». Несколько крепких милицейских рук схватили его за драную куртку и потащили вглубь строя. С куском оторванного рукава от пуховика одного из своих товарищей, за который он только что хватался, и криком: «Прощавайте, хлопці!», майдановец исчез в сомкнувшемся за ним строю силовиков. Его, передавая из рук в руки, вытолкнули позади строя. В толпе противников «Беркута» даже не заметили исчезновения одного из своих товарищей, как говорится, «отряд не заметил потери бойца».

Передние шеренги, придавленные задними, в которые постоянно вливались новые подкрепления, давили друг на друга все сильнее и сильнее. Иван, зажатый со всех сторон, уже не контролировал свое тело, как щепку в бурном потоке его крутило в толпе, бросая в разные стороны, и этому сопротивляться не было никакой возможности. Грудь сдавило, не давая вздохнуть, ноги иногда отрывались от земли и тогда боец висел, зажатый между людьми, не чувствуя под собой твердой опоры. В голове у милиционера появился шум, а окружающие предметы перед глазами стали расплываться. Ивану стало по-настоящему страшно, что сейчас он потеряет сознание и свалится на дно этого неконтролируемого человеческого моря, где сотни ног будут топтаться по нему, втаптывая в грязь, а выбраться сил уже не

будет. Когда он представил все это, к горлу подступил спазм. Иван выдавил из горла крик:

– А-а-а…

Рыча и отталкивая не дающих ему дышать людей, как утопающий, цепляясь за все, что попадалось под руку, он уже плохо соображал. Ему уже было все равно, кто возле него – друзья или враги. Мозг кричал: «Дышать! Воздуха!». Человек хотел жить и готов был бороться за это. Кто-то ударил Журбу в лицо, но он не обращал на это внимания. Поднявшись на руках над неспокойным человеческим потоком и почувствовав, что грудь перестало сдавливать, Иван сделал первый глубокий вдох теплого воздуха, поднимающегося над сотнями распаренных тел. В голове толчками пульсировала кровь, перед глазами понемногу стало проясняться. Милиционер увидел впереди море колышущихся оранжевых касок, а сзади такое же море черных шлемов «Беркута». Толпа пришла в движение, и боец опять соскользнул в строй. Уже наученный своим горьким опытом, выставил вперед локти, стараясь сохранить немного пространства. Через некоторое время в духоте и давке недалеко от Ивана стало плохо парню лет тридцати, одетому в синюю болоньевую куртку и толстый бежевый свитер под горло. Всхлипнув, он закатил глаза и стал сползать вниз. Его тут же подхватили товарищи и стоявшие рядом спецназовцы, подняв над головами, аккуратно стали передавать к краю человеческой массы. Позади строя «Беркута» было слышно рычание машин и звонкий визг болгарок и бензопил. Сооружение майдана постепенно таяло. Коммунальные машины увозили мусор. Задача была выполнена.

– Стой! «Беркут», стой! – услышал сзади себя Иван.

Медленно бурное человеческое море успокаивалось. Противники, тяжело дыша, смотрели исподлобья друг на друга. Между враждующими сторонами с края стали вливаться небольшим ручейком вэвэшники со щитами, оттесняя активистов от «Беркута», становясь разделительной линией. Кое-где возникали конфликты между солдатами и разгоряченными майдановцами. Они пытались вырвать щиты из рук солдат или не пускали их дальше. За товарищей вступались «Беркута» и возникали драки, которые быстро растаскивали с одной стороны офицеры, идущие вместе с солдатами, а с другой спортивные парни в коротких черных куртках, появившиеся сразу, как только пошли вэвэшники. Отойдя за спины срочников, Иван осмотрелся по сторонам. Вокруг были незнакомые лица бойцов из других областей.

– «Беркут», отходим! – прошла по строю команда. Иван, протискиваясь через строй, искал своих товарищей. Со стороны

майдана неслось: «Молодці! Молодці!», «Міліція з народом!», на сцене пел Вакарчук. Наконец Иван увидел Олега Логвиненко, Саркиса и еще несколько человек из своего подразделения. «Далеко меня занесло», – подумал он, догоняя своих товарищей. Бойцы выходили к машинам коммунальщиков и разбредались по отрядам.

– Становись, – скомандовал командир. Уставшие бойцы нехотя выстраивались во что-то наподобие строя.

– Офицеры, постройте свой личный состав и проверьте, кого нет.

Видя, что милиционеры ползают, как сонные мухи, командир начал злиться. Когда все с горем пополам построились, полковник поднялся на бугор и объявил:

– Барсуков, ты вместе с бойцами остаешься здесь со мной. Остальные с Силенковым идут в автобусы. Полчаса отдых и меняют тех, кто остался здесь. Кому нужно к врачу, доложите старшим, и выше по Институтской стоит «скорая помощь».

Строй зашевелился. Кто оставался, подтягивались ближе к ротному, а счастливчики отходили на правый фланг, где стоял Олег Викторович. Через несколько минут толпа, провожаемая взглядами оставшихся товарищей, во главе с замом командира, пошла вверх по Институтской в сторону стоящих недалеко автобусов.

Поднявшись в салон, первым делом Иван спросил у водителя потрескавшимися губами:

– Вода есть?

– Держи, – Игорь достал из-под сидения полуторалитровую баклажку «Моршинской». Милиционер жадно припал к горлышку, большими глотками старался утолить жажду.

– Ух! – громко выдохнул он, передавая полупустую бутылку только что вошедшему Саркису. Он схватил бутылку и жадно стал пить.

– Спасибо, Игорек. Ты мне жизнь спас, – вытирая с подбородка пролитую воду, поблагодарил Иван.

– Пожалуйста. Должен будешь.

– Ты же знаешь, я кому должен, всем прощаю, – с улыбкой ответил боец.

Из-за мокрой от пота одежды или пережитого нервного напряжения тело бил легкий озноб. Стянув с себя бронежилет и бушлат, Иван с удивлением заметил, что от пота мокрый даже китель, под которым были надеты свитер и термобелье. Раздевшись, он обтерся снятым термобельем и, достав из кулька запасное, надел на себя. Прохладная ткань притрагивалась к распаренному телу, вызывала неприятные ощущения.

Милиционер вышел на улицу, где возле дверей увидел Леху Каустовича, выкручивающего свою футболку, из которой капала вода.

– Вот это я сегодня пропотел. Сильнее чем в спортзале. Наверное, килограмм пять скинул, – сказал он. От обнаженного торса бойца на морозе шел пар, как после бани.

– Ты смотри, так и воспаление можно подхватить, – сделал замечание Иван.

– Да ничего страшного, я привык. Помочь выкрутить? – кивнул головой Алексей на вещи в руках товарища.

– Помоги, – согласился он. Встряхнув выкрученную футболку, Леха забросил ее на плечо.

– У меня батя военный, так он меня приучил с утра холодной водой обливаться. Я в детстве хиленький был, постоянно болел.

– Ты хиленький? – не поверил Иван, смотря на крепкие, мускулистые руки товарища, помогающего выкручивать одежду.

– Еще какой. Зимой в школу не ходил. Неделю в школе, неделю мама со мной на больничном. Батя и начал меня закалять, к водным процедурам приучал. Мама сначала против была, как ты сейчас переживала, что воспаление легких подхвачу, а потом и сама к холодной воде приобщилась.

– Так вы семья моржей? – засмеялся Иван.

– Может и так, – согласился Алексей. – Я слышал, что моржи это те, кто зимой в проруби постоянно купаются, а мы только на Водохрещення. Помню, отец из гаража свою старенькую шестерку выгоняет, мама чая в термосе заварит, халат, полотенца возьмет, и едем на речку. Возле проруби уже народа не протолкнешься. Весело, смех, гам. Мужики из военного городка уже водочкой разогретые из воды выбегают, над ними пар стоит, другие им навстречу в воду заскакивают, три раза окунулся, перекрестился и с охами назад. Мы с батей тоже по грудь заходим и три раза окунаемся. Первый раз, как с головой погружаешься, аж дыхание останавливается, а на третий в голове молоточки стучать начинают. Из воды выскакиваю, мамка досуха полотенцем растирает и в махровый халат меня заворачивает. Я трусы мокрые переодену и в теплую машину, на переднее сидение с ногами залезу. Мама в крышку термоса душистого травяного чая нальет. Эх, так классно!

– Пошли в автобус, мечтатель. Тебе книги писать надо. Молодец, все в таких подробностях описал, я как будто с тобой на реке побывал, – похвалил друга Иван, подымаясь в автобус.

– Даст Бог все нормально, домой скоро вернемся, на это Крещение с тобой обязательно поеду.

В автобусе, как в прачечной, везде: на поручнях и на спинках

сидений сушилась развешанная одежда. Возле печек стояли ботинки, на голенищах которых висели мокрые носки и перчатки. Достав из кулька термос и открутив крышку, из-под которой пошел душистый запах чая, Иван крикнул в салон:

– Кто чая хочет?

Из-за висевшего белья не было видно, кто где сидит. К милиционеру стали подходить товарищи с чашками, он наливал им чай. С места водителя, тоже обвешанного бельем, высунулся Одас с одноразовым стаканчиком.

– Плесни полстаканчика кипяточка. – И протянул бутерброд с вареной колбасой.

– Спасибо, братан, – поблагодарил друга Иван, наливая ему чай. Он уже доедал бутерброд, когда с улицы раздался крик Силенкова:

– Выходим строиться!

– Что, уже полчаса прошло? – с нотками сомнения своим басом спросил Логвиненко.

– Пошли! Пацаны мокрые на морозе стоят. Пускай придут, переоденутся и отогреются немного, – позвал Иван, надевая броню на себя.

– Конечно. Я уже выхожу.

Колонна спецназовцев, быстро построившись, спустилась вниз к товарищам, прыгающим и толкающимся на ветру, чтобы немного согреться.

– Где вы ходите? Мы уже здесь околели, – встретили упреками коллег замерзшие бойцы. Гурьбой, возглавляемые майором Барсуковым, быстро пошли к автобусам. Иван осмотрелся по сторонам. Баррикаду уже разобрали и сейчас парни в оранжевых жилетах грузили кучи мусора на машины. Немного дальше стояли вэвэшники, поставив щиты на землю, а перед ними то, что некоторое время назад было безумным человеческим морем: несколько сотен мужиков в ярких строительных касках, мирно беседующих со срочниками и спокойно наблюдающих за демонтажем остатков своего сооружения. Мелкий снежок, падающий с неба, прикрывал белым покрывалом мусор и грязь, оставленную людьми, а ветер подхватывал бумагу, обертки и прятал все это, забивая в углы и щели. Чуть выше от «Беркута», на брусчатке, истоптанной сегодня тысячами ботинок, по отполированному ледяному зеркалу, стоя на ногах, катались вэвэшники. Они иногда поскальзывались, падали, вскакивали все в снегу, весело смеясь, отряхивались и бежали обратно к началу катка, где их товарищи ждали своей очереди. Офицеры, стоя на тротуаре, снисходительно наблюдали за детскими забавами своих подчиненных.

Иван подошел к группе бойцов, стоящих чуть в стороне и что-то обсуждающих.

– Я тебе говорю, уже ничего не поможет. Оно засохнет, – услышал он слова Миши Ахтыркина. Заглянув через плечо друга, увидел Костю Серкова, который грязной тряпкой пытался подвязать поломанное молодое деревцо.

– Чем каркать, лучше придержи, пока я примотаю. Вдруг прирастет. Дед как сад прививает, вообще ветки из другого дерева принимаются. Жалко деревце.

– Так это весной надо делать и на ветках.

– Слышь, ты, Мичурин, тебя попросили всего лишь деревце подержать, а ты мне уже весь мозг проел.

– Хорошо, хорошо, – согласился с коллегой Лапатый, прижимая на изломе дерево. – Будешь потом мне сто лет вспоминать, – бурчал он.

Позади себя Иван услышал веселый дружный смех. Повернувшись, он увидел Линенко Николая, увлеченно рассказывающего очередную свою байку.

– А вот еще один прикол, мне его знакомый товарищ из ГАИ рассказал. Стоит на сельской дороге под границей гаишник из дальнего приграничного района, а из города после концерта едет Макаревич. Зачем он поехал в это захолустье, неизвестно, или Джи-Пи-Эс навигатор не туда завел, или чтобы быстрее границу пройти. «Честный» работник ГАИ видит: по разбитой сельской дороге колхоза «Червоный камыш», где волга председателя раз в месяц ездит, летит иномарка, еще и с московскими номерами. Витая в радужных мечтах, он машет жезлом и что есть силы дует в свисток. Подходит к водителю и представляется: «Старший сержант Петренко, троє дітей. Ваші документи». Водитель, коренной москвич, понимает лишь одно слово: «документы». Передает представителю власти документы на машину. Старший сержант внимательно читает документы, заглядывает в салон машины. Макаревич, чтобы ускорить процесс, опускает заднее стекло возле себя и, улыбаясь инспектору, говорит: «Сержант, может мы поедем? Вы что, меня не узнаете?». Рукой взлохмачивает придавленные в машине волосы. Инспектор отрывается от прав водителя и пристально смотрит на певца. Макаревич поворачивает голову в профиль для облегчения опознания милиционеру и, наконец, лицо инспектора озаряет улыбка, а в глазах появляется понимание ситуации.

– Точно! – восклицает он, указывая пальцем на певца. Тот, улыбаясь, утвердительно качает головой.

– Це не ти в прошлом році сахар з Росії через нас тягав?

У звезды эстрады глаза по пять копеек, а выражение лица как

у дяди Васи из «Червоного камышу», когда его жена на свадьбе племянника с пьяных глаз назвала Степкой и полезла целоваться.

После того, как Коля закончил свой рассказ, все еще долго смеялись, смакуя отдельные эпизоды жизненной истории.

– Ну, можешь, Морячок, ты насмешить, – похвалил товарища Гена. Иван не заметил, как к ним подошел Силенков.

– Командир позвонил, отбой дал. Все, идем в автобусы!

Замерзших сотрудников долго упрашивать не пришлось. Построившись в колонну, весело перешучиваясь друг с другом, спецназовцы пошли вверх. Иван оглянулся назад. Баррикады, которую они штурмовали, уже и след простыл. Собирая последний мусор, ходили несколько коммунальщиков. Все так же болтали с представителями майдана вэвэшники. Над головой у них на пешеходном мосту через Институтскую одиноко трепыхался на ветру жовто-блакытный флаг.

– Все в автобусы. Уезжаем, – раздался громкий голос Григория Ивановича. Курильщики возле автобусов зашевелились, заскакивали в открытые двери. В автобусе Иван, уже сидя на своем месте, из-за висевших по всему салону вещей не мог рассмотреть, что происходит в конце салона, он видел только Гену, который раскладывал вещи, готовясь отойти ко сну.

– Галерка, у вас все? – крикнул Иван в салон.

– Да, – раздалось в ответ.

– Игорек, передай по рации, у нас все, – попросил он водителя. После проверки и докладов автобусы с «Беркутом» разворачивались и натужно рыча, тянулись друг за другом вверх по Институтской. Немного не доезжая до метро «Крещатик» автобус остановился.

– Что случилось? – задал вопрос Олег Логвиненко. Он сейчас сидел на переднем сиденье и еще не успел заснуть. Почти все в автобусе уже крепко спали, утомленные ночными событиями.

– Не знаю. Колонна вся припарковалась, – ответил водитель. В окно Иван увидел, что вдоль автобусов быстро идет командир.

– Игорек, а ну скорее открывай двери, – попросил он, вскакивая с места и подходя к дверям. Командир заметил высунувшегося из дверей бойца и, опережая его вопрос, сказал:

– Пока находимся здесь. Скажи всем, пусть отдыхают. Экипировку снимут, но не прячут.

– Понял, – ответил милиционер, прячась за закрывающимися дверьми. Логвиненко, слышавший разговор Ивана с командиром, уже улегся спать. На двигателе, расстилая свой спальник, мостился спать Одас. Больше передавать команду было некому. Вымотанные спецназовцы спали, в автобусе стояло сонное царство. Журба тоже, следуя примеру друзей, вытянул ноги в

проход, подложив под голову свою маленькую подушечку, удобно устроился, опершись на спинку сиденье, быстро заснул.

Начало дня почти как всегда получилось сумбурным. Проснулся милиционер от того, что по радиостанции вызывал командир.

– На приеме, – поспешно ответил он, схватив рацию.

– Вы что там, оглохли все? Где водитель? – По голосу было слышно, командир начинает раздражаться.

– Игорек, – толкнул водителя Иван.

– Скажи Одасу, пускай заводит автобус и ждет команды.

– Принял, – ответил Журба в рацию. Игорь уже завел автобус, он громко тарахтел на повышенных оборотах. Через лобовое стекло в салон ярко светило солнце. Иван, открыв двери, вышел на улицу и зажмурился, после полутьмы завешанного вещами автобуса яркий свет резал глаза. Следом за ним выскочил Олег Логвиненко.

– Покурю по-быстрому, – сказал он, доставая из внутреннего кармана сигареты. Солнечная погода сразу подняла настроение, заряжая позитивом. Не портили его даже несколько десятков активистов, стоящих на перекрестке с флагами и плакатом «Зека геть».

– К чему они этот плакат перед нами развернули? – спросил Олег.

– Не знаю, – ответил Иван односложно. Сейчас ему не хотелось заморачиваться на политике. На улице было хорошо: светило солнышко, на деревьях, прыгая с ветки на ветку, весело чирикали воробьи. Собрав пригоршню чистого снега, Журба умыл лицо. Снег приятно холодил кожу, таял и холодные капельки, скатываясь, капали на свитер. Он потянулся и громко выдохнул.

– Эх, хорошо!

Несмотря на рабочий день и время – одиннадцатый час, людей на улице почти не было. Изредка несколько человек выходили из метро и, увидев «Беркут» и митингующих, решали не испытывать судьбу, поскорее уходили. Центр Киева в это неспокойное время популярностью не пользовался. Из стоящей перед автобусами машины командира вышел Силенков.

– Садитесь в автобусы. Сейчас поедем, – крикнул он стоящим на улице бойцам и пошел в сторону митингующих. Милиционеры расселись в автобусы. Поговорив с активистами, Олег Викторович махнул рукой. Блокирующие проезд разошлись, пропуская автобусы «Беркута».

– Едем на базу. По дороге заезжаем на заправку, – раздалось в радиостанции. Завернув на автозаправку, автобусы выстраивались в очередь.

– Леха! Ты кофе брать будешь?

Вопрос Журбы застал Каустовича уже в дверях, он торопился в магазин на заправке.

– Да.

– Мне возьми эспрессо, – крикнул Иван уже в спину убегающему товарищу. Через некоторое время, развалившись на сиденье, покачиваясь на ямах, он пил ароматный зерновой кофе, стараясь его не разлить.

– Скоро уже Новый Год. Может, домой отпустят? На Западной Украине с двадцать пятого праздники, разъедутся по домам, – размечтался Гена.

– Жди. У них в праздники двойной тариф, все согласно КЗоТу, – ответил товарищу Саркисов.

– Еще двадцатого День милиции отметить надо, – напомнил Миша.

– Говорят, в министерстве приказ готовят на двадцатое.

– Посмотрим. Лучше домой пускай отпустят, – поддержал товарищей Иван.

– Может, денежные премии дадут? – сказал Одас, повернув голову в салон.

– Догонят и еще раз дадут. На дорогу лучше смотри, – разбил Гена радужные мечты водителя.

– У солдата выходной, пуговицы в ряд, – напевая песню, Гена открыл дверь. В руках он держал тарелку с нарезанной на ней колбасой и дольками лимона. Настроение у него было отличное. Сегодня им повезло, два праздника в один день: День милиции и выходной. Стол накрыли у них в комнате, чтобы все поместились, пришлось еще один стол притащить из комнаты Саркисова. Иван сначала был против гулянки, но под давлением большинства согласился.

– Если не можешь победить, нужно возглавить. Так всегда Железный говорил, – улыбнувшись, сказал он и достал из кармана сто гривен. Гонцы быстро сбегали в магазин и уже через некоторое время готов нехитрый стол. Увидев, что товарищи начинают банкет без него, Гена запротестовал.

– Так не годится. Я им, значит, на стол накрываю, а они без меня уже гуляют.

– Гена, ты бы еще час колбасу резал, как раз успел бы, чтобы со стола убрать. Давай садись уже, – поторопил Иван. Он сидел за столом, грузно облокотившись на локти.

– Мишань, наливай, а то скоро слюнями захлебнемся.

– Без вопросов, – ответил Ахтыркин, открывая бутылку.

Миша Ахтыркин – Лапатый – в подразделении работал уже давно. Бывший мастер спорта по борьбе, с поломанными ушами,

торчащими на большой лысой голове. У людей, которые его не знали, симпатии он не вызывал и спорить с ним желания не возникало, особенно когда улыбался, казалось, что сейчас он тебя съест. Друзья Миши знали, внешность у него обманчива. Человек он был незлобивый, со спокойным характером, а голос он повышал только когда что-то упрямо доказывал своему оппоненту. Позывной Лапатый Миша получил за руки, точнее за кисти рук. Они у него были, как две большие совковые лопаты. Пальцы на руке полностью не выпрямлялись, и когда он объяснял дорогу, к слову «туда» ему приходилось добавлять «прямо», потому что палец, указывающий направление, согнутый крючком, смотрел в сторону. Если человек доставал Лапатого, он с ним просто здоровался, рука неудачника попадала в тиски, слезы сами собой наворачивались на глаза. Грецкие орехи он раздавливал просто двумя пальцами и всегда носил с собой ручной эспандер, говорил, он его успокаивает.

Иван встал и, подняв рюмку, посмотрел на друзей, сидящих за столом.

– Предлагаю первый тост выпить за ментов, чтобы радости в жизни им встречались гораздо чаще, чем гадости.

Все чокнулись своими одноразовыми стаканчиками, выпили и молча стали закусывать. Стол у милиционеров был небогатый. Бутерброды из тонко нарезанного батона с уложенными на них шпротами, порезанная колбаса, которую привозили из родного города, сыр, несколько яблок, лимон. На двухлитровую бутылку с «Фантой» оперлась пачка горчицы «Русская», а посреди стола стояло главное блюдо – курица-гриль и маринованные огурчики.

– Наливай, Мишаня, а то Саркисов сейчас всю закуску съест, смотри, как на сыр нажимает, – привлек внимание Каустович к смутившемуся Сергею Саркисову с ломтиком сыра во рту.

– Пусть Леха нальет, у меня руки в кетчупе, – отказался Миша.

– Держи. – Иван подал товарищу рулон туалетной бумаги, которую использовали, как салфетки, дешево и удобно.

– Коней на переправе не меняют, – поддержал Гена. Лапатый налил водки.

– За что второй тост пить будем? – поинтересовался Саркисов, держа стаканчик левой рукой.

– Чтобы быстрее из этого опостылевшего всем Киева уехать домой. Приеду, дочка папу не узнает. Сидим тут, не видим, как дети растут.

Гена резко опрокинул стакан и, взяв из тарелки кусок колбасы, принялся закусывать. За столом все замолчали, думая о родных, ждущих их дома. Иван, видя, как падает градус

настроения, кивнул Мише, указывая глазами на бутылку. Сообразительный боец быстро разлил водку по стаканам.

– Ну что, Андрюха, может, ты тост скажешь, – предложил Иван.

– Давайте выпьем третий тост за женщин! Хранящих наш семейный очаг пока нас нет рядом, которые с нетерпением ждут нас и переживают дома.

Все стоя выпили за своих женщин: матерей, жен, сестер. Постепенно разговор за столом оживился и как всегда незаметно перешел на политику.

– Я вообще ничего не понимаю, – сказал Иван, раскрасневшийся от выпитого. – Такое ощущение, что все происходящее театр, а мы в нем актеры, играющие свои роли. Подумайте! Зачем нужно было трогать тридцатого майдан. Пускай бы стояли себе, они через пять-шесть дней сами разбежались, а так крика на весь мир получили. Огородили парапетами, поставили по периметру «Беркут» и вэвэшников, чтобы митингующие не чудили, и ждали, пока им надоест мерзнуть. Ну а первого, когда мы ультрасов погнали, можно ведь было Институтскую другим «Беркутом» перекрыть. Мы бы всех и взяли тепленькими, а потом сортировали, виновен – к ответу, нет – по попке и домой.

– Вэвэшникам сначала даже щиты и палки не давали, – влез в разговор Леха.

– Помнишь, что полкан, который из управления на другой день приезжал, говорил: «Надо было, чтобы солдаты первые стояли, а то „Беркут“ на майдане палку перегнул». Какую палку? Мы ведь всем автобусом видели, как в пацанов камни кидали. Сам надел бы броник и пошел с «Беркутом» майдан зачищать. Хотелось посмотреть на него, как он толерантность проявлять будет, когда под шлем горящую палку пытаются засунуть, или поленом по башке лупят. Сдержанным и вежливым сразу бы стал, – возмущался Саркисов.

– Жалко солдат на Банковой, как мясо использовали; на Богомольца понимали, мы истуканами не стояли бы, не подставляли левую щеку, когда по правой получили, пошли вперед и опять весь спектакль запороли, – вставил в разговор свое слово Иван.

– А одиннадцатого декабря, когда баррикады разбирали на Институтской, зачем нужно было потом назад уходить? Логики никакой не вижу. Сизифов труд.

– Что трут? – не понял Кольницкий.

– Не трут, а труд. Сизиф – царь такой в древнегреческой мифологии был. Книжки читать надо, а ты букварь в первом

классе скурил – неуч, – насмехался над незнанием товарища Саркисов.

– Кто неуч? – вскочил из-за стола Андрей. Иван, видя, что назревает ссора, примиряющее сказал:

– Хватит кухонной политики. Пойдемте лучше перекурим. Сидим тут за столом, если бы, да кабы. Там на верху виднее, что да как, а нам приказы выполнять надо, а не устраивать здесь «что, где, когда».

На улице уже стемнело, и тусклый свет от лампочки над входом не позволял рассмотреть, что происходит дальше ста метров. Иван отошел чуть в сторону от курильщиков, не желая дышать табачным дымом. К нему подошел Гена и полушепотом спросил:

– Вань, у тебя пенсия есть?

– Нет, спасибо Тигипко с его пенсионной реформой. А ты к чему это спрашиваешь?

– Вот и у меня еще нет. Слышь, а если майдановцы победят? Они нам не простят, что мы их гоняли, как сидоровых коз.

Иван взглянул на друга и удивленно поднял брови. Гену он знал с самого своего назначения в «Беркут», как говорится – не один пуд соли вместе съели. Он никак не ожидал от него таких слов.

– Не понял, что за малодушие, или тебе водка не в тот участок мозга ударила? Если боишься, иди к командиру, завтра домой поедешь, там под жинкиной юбкой поспокойнее будет, – строгим голосом высказался Иван.

– Да тише ты, не ори. Ничего я не боюсь. Просто хочется в ситуации разобраться. Ты сам сегодня сказал, что все происходящее похоже на театр. Неизвестно, чем сценарий заканчивается. Не хочется, чтобы завтра театр закрыли, артисты разъехались, а нас как кукол забросили на антресоли и забыли, или еще хуже утилизировали за ненадобностью. Артисты могут и в другом театре выступать, поменяв амплуа…

– Успокойся! – резко оборвал слова друга Иван. – Ген, пойми, не дадут им победить. Янукович с Россией трется, а она нам ближе чем Штаты, которые оппозицию поддерживают. Да и понимают там, на верху, могут потерять все, что нажито непосильным трудом. Слышал, с Путиным уже договорились про выделение кредита в пятнадцать миллиардов долларов, кто ж такие деньжищи даст Президенту, у которого нет будущего. Я думаю, договорятся, дадут Яценюку портфель премьера, Турчинову спикера.

– А Кличку что? – Гена очень любил бокс и переживал, что один из лучших боксеров полез в политику.

– Кличку твоему двоечку и в нокаут, до следующих выборов. Они его, как массовку таскают, для рекламы. Выпустит Яныk Юлю, она уже все равно «политический труп», как в интернете пишут, будут дальше дружить семьями. Все ведь прекрасно понимают, что на следующий срок Виктор Федорович не пролезет, вот на выборы и начнут бодаться по-взрослому.

Гена задумался, потирая лоб рукой. Все уже покурили и зашли назад в теплое здание. На улице оставались только они с Геной.

– Вань, ну такого ж беспредела раньше не было, чтобы с ментами так дрались. Вспомни, мы ведь с тобой и в 2004, и в 2011, когда Тимошенко судили, в Киеве были. Потолкались немного, потаскали нас за броню и шлемы, но чтобы такие баталии устраивать, как первого на Банковой, – возмущался Гена.

– Не было! Сами виноваты, вспомни, как райотделы громили, ментам носы разбивали и из газовых баллонов брызгали, что, кто-то ответил? Нет, сделали вид, что ничего не произошло. Да, я согласен у нас далеко не ангелы работают, но закон для чего нужен? Безнаказанность порождает вседозволенность, а она, в свою очередь, беспредел. Ты пошел громить больницу, когда твоему сыну гипс без пятихатки гривен не накладывали?

– Ну да. Я тогда этому врачу высказал все, что думаю про него и всю их систему здравоохранения. Он жалобу на меня в УВД накатал, служебное расследование проводили. Мне выговор влепили. Жуть, как хотелось рожу этому мудаку набить, – вспомнил Гена дела давно минувших дней.

– Видишь, не набил же. Если каждый будет делать, что ему хочется, мы скоро будем бояться на улицу выйти.

Недалеко от общаги остановились два небольших автобуса, из которых стали выскакивать беркута.

– Пацаны приехали, что под нами живут. Они в день службу тащат, – подсказал другу Гена.

– Пошли, а то я уже замерз, – позвал Иван. Входящих в двери друзей догнали только что приехавшие бойцы.

– С праздничком, братаны!

– Спасибо! Вас тоже с праздничком. Обменявшись приветствиями, спецназовцы крепко пожали друг другу руки. На втором этаже, где жили только что приехавшие спецназовцы, как в растревоженном улике шла подготовка к празднованию Дня милиции. Таскали столы и тарелки с едой. Увидев подготовку к торжествам, Гена, любитель костра и песни, предложил:

– Может в гости зайдем, пацанов поздравим?

– Да нет. На сегодня уже хватит, и нашим не говори, а то их потом до утра не уложишь.

В комнате уже было убрано. Андрей, не раздеваясь, лежал на кровати, набирая текст на телефоне.

– А где все? – разочарованно спросил Гена, душа которого требовала продолжения банкета.

– Спать пошли, – ответил Андрей. Иван уселся на кровать, потянулся.

– Надо командиру позвонить. Он сказал отзвониться, когда вас спать уложу, сообщить, что все в порядке.

– Так он что, в курсе? – испуганно поинтересовался Гена. Продолжать гулянку ему сразу же перехотелось, он начал разуваться.

– Конечно. Я у него разрешение спрашивал посидеть, а ты как думал.

После телефонного разговора Иван, взяв книгу, лег на кровать.

– Почитаю еще часик, а потом спать. Свет не мешает? – спросил он. Все промолчали. Не дождавшись ответа, он углубился в чтение.

Сразу после возвращения из Администрации Президента Иван устроил грандиозную уборку в комнате. Гена поначалу недовольно бурчал:

– К тебе жена едет, ты и убирай, а я пойду телек с пацанами посмотрю.

– Хорошо. Спасибо за помощь, – поблагодарил с нотками сарказма в голосе Иван. Через несколько минут, когда Журба уже заканчивал подметать пол, с ведром воды и тряпкой появился Находько.

– Мы своих не бросаем, – с улыбкой до ушей сообщил он. В комнату заглянул Миша Ахтыркин.

– А что это у вас за уборка с самого утра?

– Не хотим Новый Год, как свиньи встречать, – ответил Гена, выкручивая тряпку.

– Ну да, и то правда. Дадите потом ведро и тряпку, – после некоторой паузы попросил Лапатый.

– Нет. Мы их спрячем под кровать, – ответил Гена.

– Зачем? – не понял иронии товарища Миша.

– Да дадим. Иди, не мешай убирать, – прогнал товарища Иван.

– Вы не видели мой носок? – раздался голос Андрея из-под кровати.

– Возле рукомойника на трубе какой-то висит, – ответил Иван.

Сложив вещи и протерев пыль на подоконнике, в приподнятом настроении он схватил кулек с мусором и выскочил

на улицу. Забросив кулек в мусорный бак, поспешил к дороге, проходящей недалеко от общежития. Туман, опускающийся с утра уже второй день подряд, съел остатки снега, и теперь черный асфальт улиц и клумбы с засохшими на них цветами не радовали глаз. Из молочно-белой мглы появлялись люди, угрюмые и озабоченные своими проблемами, они проходили возле Ивана, стоящего на краю тротуара, и опять растворялись в туманном мареве. Атмосфера праздника в душе, с которой он вышел на улицу, постепенно таяла, растворяясь, как человеческие силуэты в тумане. Канун Нового Года никак не ощущался в серой, холодной и мрачной столице. «Ну, где же она есть?» уже переживал Иван, поглядывая на часы в телефоне.

– Алло, ты где? Уже поезд полчаса назад приехал, – не выдержав, набрал он номер жены.

– Что? Связь плохая. Такси долго искала? Ага, хорошо, жду.

Позвонив и услышав голос любимой, он успокоился. Вчера ему позвонила жена и с радостью в голосе сообщила, что взяла билет на поезд. Вечером выезжает в Киев. Они договорились, что Новый Год встретят вместе. Есть старая народная примета: как встретишь Новый Год, так его и проведешь. Журба всегда считал, что Новый Год семейный праздник и старался встречать в кругу семьи, правда, с его работой это не всегда удавалось, но этот 2014 они обязательно встретят вместе. При том, что командир пообещал: к кому приедут близкие родственники, на службу не заступают. Дают два дня входных. Со своей женой Маришей Иван жил уже около пятнадцати лет, не сказать, чтобы душа в душу. Случались и ссоры, и взаимные упреки, как в любой нормальной семье, но всегда находились компромиссы, и они шли на примирение друг с другом. Жену он любил и уважал, ведь это был его надежный и проверенный тыл. Если говорят: «Мой дом, моя крепость», то сердцем его крепости была любимая жена. Ведь они вместе прошли конец девяностых, когда в милиции бывало по два-три месяца не платили зарплаты, а потом предлагали задолженностью погашать коммунальные платежи. Выручал тещин огород и подработки – в свой выходной приходилось идти зарабатывать деньги. Не каждая супруга выдержит долгосрочные командировки, когда двое детей на руках, одну в садик, другую в школу отправь. Так что в каждой награде, полученной мужем на службе – половина ее. Иван начал подмерзать, притопывая на месте, он вглядывался в туман. Наконец увидел светящуюся шашечку такси. Открыв заднюю дверь остановившегося около него автомобиля, он отступил в сторону. Из машины легко выпорхнула его Маришка. Иван, крепко прижав жену, почувствовал такой родной и знакомый запах ее волос и духов.

Таксист, открыв багажник, терпеливо ожидал, пока пассажирка заберет свои вещи из машины.

– Мариша, может, пойдем, а то человек уже замерз нас ждать.

Вытащив тяжелую сумку и взвесив ее в руке, он сказал:

– Такое ощущение, что ты с собой весь праздничный стол привезла.

Она заулыбалась.

– Да нет, там ребятам на Новый Год от родных гостинцы. Ели дотащила, чуть не надорвалась.

Иван взял за руку жену, и они не спеша пошли в сторону общаги. Поднимаясь по ступенькам на этаж, они встретили несколько сослуживцев. Старослужащие, знавшие Марину, приветливо здоровались и расспрашивали, как обстановка в городе, молодые бросали заинтересованно-оценивающие взгляды. Открыв перед женой двери, Иван шутливо пригласил:

– Милости прошу к нашему шалашу. Гена стоял возле стола, на котором в поллитровой банке паровала свежезаваренная заварка и стояла тарелка с красиво разложенным на ней печеньем, гуманитарной помощью с Родины. Рядом на кровати сидел Андрей.

– Ну, наконец добралась! Вскочив, он распахнул объятия и полез обниматься.

– Но-но! Держите себя в руках, – остановил товарища Гена, схватив его за плечо. – Сначала старшие.

– Вы еще подеритесь здесь, – сказала Марина, обнимая сразу двоих и целуя их в щеки. Наконец, сняв сапоги и пуховик, она поставила сумку возле стола и достала из нее два пакета.

– Держите, это вам подарки из дома передали, – отдала она гостинцы стоящим рядом ребятам, которые с нетерпением, как маленькие дети, разрывая кульки, доставали подарки.

– А ты что стоишь возле дверей? Иди помогай, – позвала Марина мужа, склонившись над сумкой.

– На стол выставляй. Здесь мама колбаски домашней передала, а это холодец, я готовила, – доставая из сумки, вручала она ему завязанные в кульки судочки и баночки. Иван, распаковывая, выставлял разносолы на стол. Когда все было накрыто, он позвал:

– Прошу всех к столу, как говорится, «чем Бог послал».

Андрея дважды упрашивать не надо, отложив в сторону кожаные перчатки, гостинец из дома, он подсел к столу.

– Гена! – крикнул Иван, поворачиваясь к другу, и сразу умолк.

Товарищ сидел на кровати, держа в руках помятый альбомный листок. На его лице отражалась целая гамма чувств:

счастье, радость, растерянность, а в глазах стояли слезы.

– Вот дочка рисунок папе на Новый Год прислала, – с любовью сказал Гена, показывая детский рисунок, на котором нарисован дом, елка с игрушками и человечек, подписанный внизу корявым детским почерком «папа».

– Выросла уже, большая.

Порывисто встав, Гена вышел, хлопнув дверями. Андрей, вскочив, хотел догнать друга, но его за штанину поймала Марина.

– Не надо, пускай один побудет. Садись лучше за стол. В двери заглянул Миша Ахтыркин.

– Что это вы с Находько сделали? Пролетел, чуть не сбил меня.

Заметив Марину и накрытый стол, заулыбался.

– О, здравствуйте! С приездом.

– Заходи. Холодец будешь? – спросил Иван.

– Буду.

За столом в основном всех интересовали политические брожения в городе, какие новости. Марина отнекивалась, ссылаясь на занятость работой и детьми, объясняя, что новости узнает из вечернего выпуска. Друзья хвалили кулинарное мастерство жены Ивана и он видел, что ей это приятно, хотя она и отшучивалась, скромно пряча глаза. Немного еще поболтав, после позднего завтрака или раннего обеда Миша засобирался.

– Ладно, пойду я, еще сегодня хотел позаниматься. Леха обещал лапу подержать. Спасибо за все.

Хлопнув дверями, вышел в коридор. Андрей тоже начал одеваться.

– Пойду посмотрю, где там Гена.

– Скажи ему, что мы со стола не убираем, его ждем, – попросила Марина и стала собирать грязную посуду.

– Где у вас здесь рукомойник? – спросила она, держа в руках небольшую горку тарелок. Иван, поцеловав жену, осторожно забрал тарелки из ее рук.

– Я сам помою, отдыхай.

Вернувшись в комнату с помытой посудой, он увидел за столом Гену, который с безучастным лицом ел все, что ему клала в тарелку Марина. Глаза товарища были потухшими, а плечи безвольно обвисли, еще сильнее вытягивая его шею. Механически пережевывая пищу, он отрешенно смотрел в окно.

– Геш, да не расстраивайся ты так. Скоро домой поедем.

Находько встал из-за стола и посмотрел на Журбу так, что ему сразу же перехотелось дальше его успокаивать. Пошел и, не раздеваясь, завалился на кровать, лицом к стене.

– Что это с ним? – спросил Иван у жены.

– Переживает человек. Не трогай его, это пройдет. Быстро убрав со стола, он выставил все на балкон, где две синички, испуганные появлением человека, быстро вспорхнули на ближайшую ветку дерева, растущего напротив балкона и, пересвистываясь, внимательно следили черными бусинками глаз за происходящим.

– Может по Киеву погуляем? – предложила Марина.

– Давай!

Одевшись, они выскочили на улицу. Туман уже почти рассеялся, оставив после себя мокрый асфальт и капельки влаги, висящие на ветках. Срываясь, они так и норовили попасть тебе за шиворот. Марина взяла мужа под руку, и они прогулочным шагом пошли по аллее. Их настроение от встречи не омрачала даже сырая холодная погода. Поглаживая миниатюрную, нежную ручку жены, он ощутил, как уже немного подзабытое, теплое, родное чувство разливается в груди, заставляя сердце чаще биться. Видимо что-то ощутив своей женской интуицией, Марина подняла голову и, посмотрев на мужа снизу вверх, с озорством ему подмигнула. Испытав внезапный прилив нежности он, обняв, крепко поцеловал жену. Воспитанная в строгих правилах она смутилась.

– Вань, что ты делаешь, люди вокруг смотрят!

– Пусть смотрят, я ничего не украл, а целую любимую жену, которую уже два месяца не видел.

– Полтора, – поправила она его. – Пойдем, – потащила за локоть, загадочно улыбаясь своим мыслям.

Внезапно налетевший порыв ветра струсил с веток холодные капли осевшего тумана прямо на них, счастливо смеясь, они отскочили в сторону. Проходивший в это время возле них мужчина с высоко поднятым воротником черного кашемирового пальто, подозрительно взглянув, перешел на другую сторону аллеи и прибавил шаг.

– Видишь, мы с тобой уже людей пугаем, – весело хохоча, произнесла Марина. Заскочив по дороге в магазин и купив майонез и колбасы на оливье, они, довольные, вернулись обратно в общагу. Поднимаясь по лестнице, Иван приобнял жену.

– Нас с тобой пригласили вместе Новый Год встретить.

– Кто?

– Худяков Женька. К нему тоже жена приехала.

– А кто это? Я его знаю?

– Знаешь. Такой, невысокого роста, крепкий, черноволосый. Мы когда-то к тебе на работу заезжали вместе.

Видя непонимание в глазах Марины, Иван старался вспомнить какие-нибудь особенности.

– У него тогда еще телефон упал, мы батарею из него в траве искали. Помнишь?

– С носом такой? Помню. Конечно, сходим. Правда я вечернее платье не привезла, – рассмеялась она веселым, заливистым смехом.

– Ты у меня и в свитере красивая, – Иван увлек Марину дальше по лестнице.

В комнате товарищи собирались на службу. Гена уже немного успокоился, но еще, судя по виду, полностью не отошел от переживаний.

– Сейчас я быстренько оливье сделаю вам, с собой возьмете, и холодца. Все-таки сегодня Новый Год, – сказала Марина, быстро доставая из сумки заготовки и ссыпая их в миску.

– Вань, дай ложку!

Подав жене то, что она просила, он вышел в коридор. Достав телефон и набрав номер, сказал в трубку:

– Привет! Я с Мариной поговорил. Мы сегодня вечером у вас. Хорошо. Давай, пока.

Вернувшись назад, Иван застал одевающегося Гену около порога.

– Еще почти час до выезда. Куда ты собираешься?

– Пойду немного на улице постою, – ответил он. Журба увидел за спиной товарища жену, которая жестами показывала ему не трогать Находько.

– Хорошо, – отступил Иван в сторону. После того, как Гена вышел за двери, Андрей спросил:

– Интересно, он назад вернется или так и останется инопланетянином?

– Все будет нормально. Пару дней успокоится и будет такой как прежде, – успокоила Марина озадаченного Кольницкого.

– Держи! – передала она ему кулек с упакованными разносолами. – Поставь возле дверей, а то еще забудешь.

Через час Иван, провожая товарищей, стоял на улице.

– Не едешь? – спросил проходивший мимо Коля Линенко.

– Нет.

– Ну, тогда хорошо отметить.

– Вам тоже.

Журба проверил людей в автобусе и, уже выйдя из салона на улицу, сказал:

– Удачи всем. Встретимся в новом году.

– Целый год тебя не увидим, – улыбаясь, ответил Логвиненко. Молча Иван смотрел вслед удаляющейся колонне автобусов.

До Нового Года оставалось несколько секунд. Все замерли перед экраном телевизора, подняв бокалы, загадав желания,

ждали, когда стрелки часов сойдутся в наивысшей точке. Желание у всех одно – поскорее вернуться домой из этого дурдома.

– Ура! – закричали, чокаясь одноразовыми стаканчиками, счастливые этим моментом.

– Поздравляем с Новым годом! – крикнул Женя Худяков.

– И вас! – закричала счастливая Марина.

Все уселись за стол, который был накрыт в предбаннике, напротив телевизора. Несколько минут царило молчание, только слышно было, как цокают вилки о тарелки и в телевизоре поют артисты на праздничном концерте. За окном стоял грохот взрывающихся фейерверков и петард, слышались радостные крики. Народ гулял, стараясь хотя бы на несколько часов забыть о тяжелой жизни, которая с каждым днем становилась все тяжелее и тяжелее. Быстро перекусив, Марина вместе с Худяковыми побежали к окну, широко раскрыв створки, они смотрели на взлетающие салюты. Иван идти не захотел. Он сидел перед телевизором и размышлял.

Вот и 2014, интересно, каким он будет? Иногда ждешь новый год в надежде на лучшее, а через некоторое время после его наступления думаешь, лучше бы он и не наступал, ведь старый был гораздо лучше. Не хочется весь год висеть в Киеве, охраняя майдан, а может, после Нового Года по домам разбегутся или Янукович наконец, проявит характер и железной рукой наведет порядок. Народу в принципе большой разницы нет, кто на верху, ему главное стабильность и нормальный уровень жизни. Иван читал, что 70 % американцев даже не знают, кто у них президент и премьер, оно им не надо. Им надо ипотеку платить за дом и решить, на какую машину поменять свой трехгодичных пикапчик, у них куча бытовых проблем, а вы со своей политикой лезете. Вернувшись от окна, Марина предложила:

– На улице так классно! Пошли, погуляем! Выпив еще по бокалу шампанского, они начали одеваться. На улице погода была совсем не новогодняя, зато везде был праздник, в воздух взлетали фейерверки, люди смеялись, поздравляли друг друга с праздником. Марина схватила Ивана за руки и закружила.

– Вань, что ты такой грустный? Новый Год, давай веселиться.

Он улыбнулся в ответ.

– Как-то не по себе. Я здесь веселюсь, а пацаны на службе.

– Фу, какой ты скучный, не можешь без своей работы – дома работа, в гостях – работа. Надоело. Пойду к Худяковым, праздник же.

Марина, весело смеясь, упорхнула к друзьям, которые вместе с шумной компанией пускали салюты.

Жена уже не раз упрекала Ивана, что он живет на работе, но что поделать, если он любит свою работу и старается делать ее на совесть. Всегда находилось, чем заняться: уже вроде домой собрался, а тут выезд на задержание, ну как пропустить такое мероприятие. После ночного дежурства переоделся в гражданку, выходишь, а во дворе товарищи на полигон собираются, пострелять, и опять домой не попал. Сколько раз ночью просыпался от назойливо жужжащего телефона: «Тревога!» – одно слово из трубки, и, поцеловав жену и дочек, уходил в ночь. Любил он свою работу, некоторые скажут и любить то ее не за что, а он любил вопреки всему. Старался и подчиненным своим, у кого он наставником был, привить эту любовь, чтобы на работу ходили не за деньгами, а за душевным равновесием, домой уходили с чувством выполненного долга. В руке зазвонил телефон.

– Алло! Тебя тоже с наступившим!

Иван слышал, как в трубку звонившего ему Кольницкого, товарищи дружно кричат: «С Новым Годом!».

– Спасибо. Ты пацанов тоже поздравь от меня. Что у вас там, все нормально? Тихо?

– Нормально. Мы поляну прямо в Администрации Президента накрыли. Я еще ни разу Новый год так не отмечал, – хвастался Кольницкий.

– Представляешь, – восторженным голосом продолжал друг, – всем звоню с праздником поздравить и говорю: «Это вам из Администрации Президента Украины звонят», – засмеялся он.

– Ну, хорошо. Что, Марину позвать? Сейчас дам трубку.

– Марина! – громко позвал Иван. Раскрасневшаяся и смеющаяся жена, подбежав, взяла трубку и одними губами спросила: «Кто это?». Хитро улыбаясь, Иван пожал плечами. Жена, погрозив ему миниатюрным кулачком, произнесла в трубку:

– Да.

Поговорив пару минут, она отдала телефон. После разговора он немного успокоился, пропало чувство вины перед друзьями, понял – они там не скучают. Журба подошел к компании, где весело смеялась его жена. Он крепко обнял счастливую Марину.

С утра их разбудил стук в двери. Сонный Иван (гуляли почти до утра) побрел открывать двери. На пороге стоял улыбающийся Гена.

– Прошу прощения, что беспокою. Я на одну минуточку. – Он протиснулся возле стоящего перед дверьми товарища, поглядывая на него хитрыми глазами.

– Сейчас вещи брошу и сыр на балконе возьму.

– Можно? – тактично спросил он, стоя возле дверей в

комнату.

– Заходи, Гена, не стесняйся, – крикнула Марина, которая успела надеть длинный свитер мужа. – Мы уже встали. Надо собираться, у меня поезд в два часа.

– А ты куда собираешься? – поинтересовался Иван у Гены.

– Командир разрешил немного посидеть в честь праздника. Мы у Ахтыркина в комнате собираемся, – счастливо ответил друг. Настроение у Гены нормализовалось, он весело мурлыкал песню, собирая в кулек еду.

– Вань, пойдем, постоишь возле туалета. Я себя в порядок приведу, – позвала жена.

В общий туалет в коридоре приходилось ходить вдвоем. Пока Марина приводила себя в порядок, Иван стоял, как караульный, чтобы никто не зашел.

– Спасибо, – чмокнула его в губы жена.

– Как у вас, женщин, получается, зашла одна, а вышла совсем другая, – качая головой, удивленно спросил Иван, идя вслед за женой в комнату.

– Сейчас накрашусь и вообще в принцессу превращусь, – засмеялась она, доставая из сумочки парфюмерию и раскладывая ее на столе. Сделав макияж, Марина принялась накрывать на стол.

– Пойду к командиру схожу, попрошу отпустить на поезд тебя провести, – предупредил Иван уже у дверей.

– Угу. Только не долго, есть уже очень хочется, – попросила жена, жуя кусочек колбасы.

Командир вместе с офицерами тоже отмечал новый 2014 год.

– Разрешите? – несмело спросил Иван, предварительно постучав в дверь.

– А, Ваня. Заходи, присаживайся, – пригласил полковник, указывая рукой на свободное место возле Василькова.

– С Новым Годом, командир. Я на минутку. Разрешите мне съездить жену на поезд провести?

Полковник задумчиво посмотрел в окно, потом перевел взгляд на Ивана и произнес:

– За поздравление спасибо, а съездить никак не получится. Я бы тебя отпустил, но еще с раннего утра позвонили из министерства, предупредили быть в готовности выехать по первому звонку, поэтому никто из общаги ни ногой.

Увидев разочарование на лице бойца, поспешил успокоить.

– Я дам свою машину с водителем. Саша отвезет и посадит на поезд, а вы, если что, меня к себе в автобус возьмете?

– Конечно, командир, лучшее место вам уступим, – поспешил заверить полковника майор Барсуков.

– Ну, вот и договорились. Я позвоню Саше, скажу, на когда надо. Он отвезет. Что сделаешь, служба у нас такая, некогда и с родными побыть, – успокаивающе произнес командир.

– Давай, может чаю попьешь. Вот и конфеты шоколадные есть. Чего покрепче не предлагаю, ситуация напряженная, как на пороховой бочке сидим, – нахмурился командир.

– Да нет. Спасибо. Пойду к жене, ей скоро уезжать, хотелось еще немного вместе побыть.

– Так пускай остается еще на денек, – предложил командир.

– Нельзя, детей там и так на мою маму оставила, и на работу надо выходить.

Затолкав в багажник служебной машины ставшую в два раза меньше сумку, Иван обнял жену и, крепко прижав к себе, зашептал на ушко:

– Люблю я тебя, солнце.

Услышав его слова, она еще сильнее прижалась к его плечу.

– Дочкам скажи, маму пускай слушаются. Я думаю, скоро приедем. Не может же все это бесконечно продолжаться?

Журбе не хотелось отпускать прильнувшую к его плечу такую родную и любимую жену. Возле водительских дверей, привлекая их внимание, закашлял Саша. Достав телефон, Иван посмотрел на время.

– Надо ехать, а то на поезд опоздаешь, – сказал он нехотя отпустившей его Марине. Крепко поцеловав жену, помог ей сесть в машину. Сейчас, смотря, как удаляются габариты машины, он почувствовал, что из сердца вырвали большой кусок, оставив там теплиться маленький огонек надежды на скорую встречу. Они так мало проводят времени вместе, постоянно занятые какими-то проблемами, а жизнь не стоит на месте, летит вперед скоростным поездом, а за окнами мелькают года. Командировки, ночные смены и постоянная жизнь на работе не прибавляла семейного спокойствия, но именно в такие минуты, как сейчас, чувствуя щемящую боль в груди, Иван понимал, что любит свою жену больше всего на свете. Тяжело вздохнув и опустив голову, он побрел в общежитие – праздник закончился.

Глава 3

За окном проносился до боли знакомый пейзаж. Посадки с обмерзшими деревьями, раскачивающие на ветру голыми ветками, кусты, на которых, как новогодние игрушки, развешаны ветром разноцветные кульки. Черные перепаханные поля, а среди них весело зеленеющие, неприкрытые снегом озимые. Встречные косые струи дождя, подгоняемые сильным ветром, бились в лобовое стекло. Дворники, не останавливаясь ни на секунду, смахивали воду, позволяя Одасу за рулем видеть убегающий вдаль мокрый асфальт. «Беркут» ехал обратно в Киев. Позади оставалась счастливая неделя, проведенная дома, а впереди опять майдановский дурдом на неизвестный срок. В салоне стояла мрачная тишина, желания возвращаться назад ни у кого не было, только необходимость выполнения приказа собрала их всех вместе и засунула в этот автобус, увозящий все дальше и дальше от дома. Народ в салоне почти не поменялся, добавилось несколько новых лиц, вместо раненных и больных, которые сейчас лежали в госпитале или долечивались дома. Наиболее колоритной и выделяющейся новой личностью был Васига Роман. Двухметровая громадина с огромными руками и добродушным лицом, сидел на заднем сиденье и с растерянностью смотрел на все происходящее удивленными глазами. Рома пришел в подразделение меньше месяца назад и ему здесь все было в новинку. Парень он вроде не плохой, здоровьем не обижен и за словом в карман не лез. Правда с непривычки в новой обстановке немного терялся, но парень он был нормальный и в коллектив должен вписаться безболезненно. Рядом с ним уже умудренный опытом Американец помогал товарищу освоиться, негромко рассказывая про службу и давая советы.

Сидя на своем старом месте, Иван с тоской смотрел в боковое окно на проносящиеся встречные машины. Он вспоминал незаметно пролетевшую неделю дома. Сразу после приезда телефон у него не замолкал. За короткое время нужно было объездить родителей и родственников, он не видел их полтора месяца и очень по всем соскучился. Всех интересовало, что же происходит в столице, действительно ли все так, как показывают по телевизору. В гостях разговоры сводились к майдану и политической ситуации в стране. Иван, чтобы не пугать родных, отшучивался, поясняя свою неосведомленность сидением в автобусах или охраной Администрации Президента и, конечно же, он не принимал участия ни в каких столкновениях. Жене поначалу он не говорил, что скоро придется возвращаться в Киев,

но с приближением отъезда пришлось ее огорчить.

– Вань, может не поедешь? Уже и так куча болячек, еще неизвестно, что с головой, и врач говорил, нужно на обследование лечь.

Камень, попавший в голову Ивану на Банковой, бесследно не прошел. Тошнота полностью прекратилась дней через пять, а вот звон в голове так и остался. Врач-невропатолог, к которому он пошел на прием, ничего конкретно сказать не смог. Предложил лечь в больницу, обследоваться, но Иван отказался.

– Марин, доктор сказал, ничего страшного, можно и попозже обследоваться. Ну как я товарищам в глаза смотреть буду? Скажут, закосил.

– Не слушаешь ты меня, – покачивая головой, обижалась жена.

– Ты же знаешь, как говорят: «Послушай женщину и сделай все наоборот», – смеясь, отвечал Иван, обнимая ее и целуя…

Автобус влетел в глубокую выбоину, залитую водой, и всех находящихся в нем подбросило. Журба подпрыгнул на сиденье, выпав из воспоминаний.

– Поаккуратнее, Игорек, не дрова везешь, – раздраженно сделал замечание Гена. На яме он сполз с сиденья, где уютно лежал, и сейчас пытался примоститься обратно.

– Садись сам за руль, раз такой умный, – огрызнулся Одас. – Дорога водой залита, не видно ничего.

Гена уже не обращал внимания, так и не сумев удобно устроиться, как лежал перед этим, он сел напротив Ивана.

– Представляешь, мне сегодня жена заявила, что на развод подает. Я ей со своими командировками надоел. Говорит, дети папу только по фотографии помнят. Как думаешь, подаст или нет? – переживая за семью, поинтересовался он.

– Не подаст, не расстраивайся. Я позвоню Маринке, попрошу, пускай съездит, поговорит, успокоит. Ты пойми, ей одной тяжело с двумя детьми. У меня тоже, когда собирался, небольшой скандальчик вышел, не выдерживают нервы у наших жен. Позвони, поговори.

– Набирал. Трубку не берет.

– Ничего, немного отойдет, возьмет. Помнишь, командир говорил, что если какая проблема или помощь нужна, к нему обращаться. Попроси, чтобы жену с детьми на машине в садик отвезли, хотя бы раз. Ты, кстати, билеты взял в кукольный театр на четырнадцатое?

– Взял.

– Ну, вот и хорошо. Я попрошу, чтобы наши семьи служебной машиной забрали. Мелочи, а приятно!

Видя, что друг немного успокоился, Иван предложил:

– Давай чая попьем. Я из липы и чабреца дома заварил. Марина орехового печенья напекла.

– Одас, ты чаек будешь? – крикнул Иван водителю, наливая кипяток в кружку.

– Давай, только не много, – ответил водитель. Осторожно передав кружку, Журба толкнул Логвиненко, храпящего на весь автобус.

– Олежа, не храпи. Уже в Киеве слышно, что ты возвращаешься.

Гена улыбнулся.

– Вань, ты как думаешь, нас опять на Администрацию поставят?

– Командир говорил, что будем стоять там, где и были, а там посмотрим.

На Администрации Президента они пробудут несколько дней после приезда. Успеют встретить Старый Новый Год, а потом начнется веселая служба на Грушевского.

Даже плохая погода с мокрым снегом и слякотью не могла испортить настроение высаживающимся из автобуса спецназовцам.

– Становись!

Услышав команду, стоящие на улице милиционеры привычно стали формировать строй.

– Ну что, мужики, кто завтра в прорубь прыгать поедет? Есть смельчаки в Днепре окунуться? Где сам Владимир Русь крестил, – спросил командир, стоя перед строем.

– Да! – взревели «беркута» в один голос, так что в рамах затряслись стекла.

– Тогда завтра перед работой и заедем. Окунемся, а потом на службу. Тапки и полотенца с собой возьмите. Разойдись!

Настроение у всех было отличное. Власть вроде бы перестала давать заднюю и, наконец, показала зубы. Это уже радовало. Надоело, два месяца подряд мотаем сопли на кулак и играем в демократию. Саркис в интернете нашел, что Яник какие-то законы подписал, которые оппозиция и мировые СМИ назвали «диктаторскими». Если крик подняли, тогда видно стоящие законы подписал гарант Конституции, теперь еще бы работали.

Надо Саркиса расспросить, чем же Президент майдану на больной мозоль наступил.

В комнате, где они жили, Иван, увидел качающегося на стуле Сергея Саркисова, увлеченно рассказывающего Гене и Андрею очередную байку, вытащенную из Интернета.

– Серега! Ты так стул поломаешь, – сделал он замечание,

разуваясь.

– Ничего ему не будет, – заступился за товарища Гена.

Иван зашел в комнату, поставил кулек, в котором носил сменное белье и термос, подойдя сзади к продолжающему качаться на стуле другу, дернул его на себя и сразу подхватил падающего.

– Ой! Вань! Что ты делаешь?! – испуганно воскликнул Сергей, пытаясь руками схватиться за воздух.

– Я же просил не качаться на стуле, – примиряюще похлопав испугавшегося товарища по плечу, боец сел на кровать.

– Ты лучше скажи, читал уже в интернете про «диктаторские законы Януковича»?

– А, так их еще шестнадцатого числа подписали, уже два дня их все обсуждают.

– Видишь, а мы как всегда обо всем узнаем последними из сарафанного радио. Ну и что там интересного пишут?

– Сейчас прочитаю, – заторопился Саркисов, доставая из кармана свою гордость, смартфон «Самсунг». Он взял его в кредит накануне поездки в Киев и не упускал возможности похвастаться приобретением.

– Что там может быть интересного? – влез в разговор Гена.

– Ну не скажи, – Сергей, наконец, зашел в интернет на своем телефоне. – Вот, например, теперь за ношение масок и шлемов при проведении митинга – до 15 суток ареста. Движение в автоколоннах из более чем пяти машин без согласования с МВД карается штрафом от 40 до 50 необлагаемых минимумов доходов граждан или лишением прав на 1–2 года с изъятием транспортного средства.

– Нормальная тема, – влез в разговор Гена.

– Я вот где-то читал, что в Германии за маскировку лица во время массовых мероприятий до одного года могут впаять.

– Да подожди ты со своей Германией, дай разобраться, что у нас в стране происходит, – перебил Иван говорливого товарища.

– Серега, что хорошего напринимали наши избранники?

– Так. Ага, это непосредственно нас касается: за сбор конфиденциальной информации о сотрудниках правоохранительных органов штраф в размере от 200 до 400 необлагаемых минимумов доходов, исправительные работы на срок до одного года или арест на срок до шести месяцев.

– Это в гривнах получается где-то 3400–6800 гривен, – быстро пересчитал необлагаемые минимумы Гена.

– О, это нормально, теперь подумают, взламывать твою страничку в Контакте или не стоит, – присоединился к обсуждению Андрей, до этого молча слушавший товарищей.

– Что, дальше читать или не надо? – с обидой в голосе спросил Сергей.

– Читай! – чуть ли не хором ответили друзья.

– Так, где я остановился? А, вот. Внесли изменения в статью 345 Уголовного кодекса «Угроза или насилие в отношении работника правоохранительного органа», угроза жизни сотруднику правоохранительных органов, близким родственникам или членам его семьи наказывается ограничением свободы на срок от трех до семи лет. Усилили ответственность за групповое нарушение общественного порядка. Действия, которые приводят к грубому нарушению общественного порядка или нарушению работы транспорта, предприятия, учреждения либо организации, а также активное участие в таких действиях будут наказываться штрафом от 150 до 250 необлагаемых минимумов, арестом на срок до двух лет.

– Как-то слабенько, – заметил Гена.

– Да хоть как-то начали шевелиться, если бы пораньше такие законы приняли, может, и первого декабря не было, а может, и майдан не начался. Как в пословице говорится: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». У Батьки в Белоруссии не забалуешь: раз и на матрас, – засмеявшись, схохмил Андрей.

– Законов напринимали, а будут ли они работать, вот в чем вопрос? У нас в Украине знаете, какой пословицей постоянно пользуются: «Закон, что дышло, куда повернул туда и вышло», – разрушил радужные мечты друзей Иван.

– Ты, Журба, как всегда соответствуешь своей фамилии, – возмутился Гена.

– Умеешь прекрасное разрушить.

Саркисов подождал, пока товарищи поспорят, выскажут свое мнение и спросил:

– Уже не интересно?

– Интересно, интересно! Читай! – поспешил успокоить друга Андрей.

– Хорошо, слушайте. За публичные призывы к блокированию доступа к жилью граждан или зданиям грозит ограничение свободы до пяти лет или лишение свободы от двух до шести лет. За нарушение порядка организаций и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций предусматривается штраф от 100 до 200 необлагаемых налогом минимумов или административный арест на срок до 10 суток.

Закончив читать, Сергей замолчал. Друзья тоже сидели молча, обдумывая услышанное. В комнате было холодно, от сквозняка, тянувшего по ногам, шевелилась старая застиранная штора, прикрывающая балконную дверь. Гена, сидя на кровати,

подтянул ноги под себя.

– Бр-р, холодно в комнате, – вывел он всех из задумчивости.

– Может, чайку поставим? – предложил Иван, включая электрочайник в розетку.

– Хорошо бы. У меня и мед есть, – похвастал Андрей, доставая из сумки поллитровую банку меда и ставя ее на стол. Пока ставили чайник, Гена бродил по комнате, заглядывая в каждый угол, явно что-то пытаясь найти.

– Гена, что ищешь? – спросил Иван, заливая заварку кипятком.

– Полотенце ты мое не видел?

– Ты ж его на балкон вчера вывесил, чтобы вымерзло.

– О! Точно, спасибо за подсказку.

Бойцы расселись за столом и осторожно, стараясь не обжечь губы, сербали чай вприкусу с тянущимся за ложкой медом.

– Я завтра термос чая с утра заварю. У меня еще немного липы и мяты осталось. Как окунемся, сразу горяченького чайку, изнутри погреться.

– Эх, еще бы шашлычку с коньячком, – размечтался Гена. Он набрал полную ложку меда и постарался быстро донести ее до рта, но часть меда упала Ивану на спортивные штаны.

– Поаккуратней нельзя? – возмутился он, вскакивая со стула. – Теперь штаны нужно застирывать.

Милиционер уже надевал штаны с большим мокрым пятном, когда в коридоре раздался крик:

– Вань, телефон. Давай быстрее, командир звонит.

Заскочив в комнату, боец взял трубку.

– Слушаю, командир!

– Зайди.

– Есть!

Иван, одетый по-домашнему: в черной футболке и стареньких спортивных штанах, набросив сверху бушлат и надев ботинки, спустился к командиру, где уже была большая часть офицеров. Командир в форме сидел в углу напротив выхода, возле телевизора и что-то нервно записывал в своем ежедневнике. С приходом Ивана он, подняв голову, раздраженно спросил:

– Почему опаздываешь?

Не дожидаясь ответа от бойца, повернул голову к Силенкову, стоявшему возле него.

– Олег Викторович, все пришли? Силенков отрицательно покачал головой.

– Тогда звоните тем, кого нет! – на повышенных тонах поставил он задачу своему заместителю. Через несколько минут ожидания прибежали еще несколько человек.

– Если мы так будем собираться, как черепахи, то грош нам цена, такому спецназу. Я сейчас не хочу разбираться, кто и почему опоздал, но в следующий раз будете обижаться на себя. Что вы за офицеры? Какой пример подаете личному составу? Как вы можете командовать людьми, если сами все делаете через пень-колоду?

Все, опустив голову, молча ждали, когда полковник закончит свои гневные речи. Иван знал, надолго его не хватает. Командир по своей натуре был добрый и открытый человек и вспышки гнева у него долго не продолжались. Не любил он только, когда его прерывали во время гневных тирад. Тогда экзекуция могла затянуться еще на полчаса. Боец услышал, что интонации командира потеплели и голос стал не такой резкий. «Сейчас перейдет на личности, а потом успокоится», подумал Журба.

– Васильков? Вам весело? Я смотрю, вы улыбаетесь, – услышал вопросы командира Иван.

– Никак нет, – ответил капитан Васильков. Стоящий возле Журбы психолог Степан Бодренко одними губами сказал:

– Сейчас скажет: «Вам хоть говори, хоть кол на голове теши».

Полковник на некоторое время замолчал.

– Бесполезно вам что-то объяснять. Вам хоть говори, хоть кол на голове теши. Я говорю о серьезных вещах, а Журба с Бодренко стоят, улыбаются. О какой дисциплине здесь можно говорить? Ладно, доведете до милиционеров, завтра купание в Днепре отменяется. В шесть выезд и на ночь выставите по два человека на охрану автобусов. Водитель мой видел, как недалеко от техники какие-то подозрительные люди крутились. Ночью офицеры тоже выходите, проверяйте, чтобы ваши люди не спали на посту. Все, давайте по местам, уже поздно, а завтра рано вставать. Надеюсь, смены поделить сможете без моего участия?

Командир снова погрузился в свой ежедневник. Все потянулись на выход. Прямо возле комнаты поделили очередность дежурства и разошлись по комнатам. Ивану выпала очередь с четырех до шести. В комнате Саркиса уже не было, а Гена лежал поперек кровати, забросив ноги на стену, и читал красочный глянцевый журнал.

– Гена, ты что, йогой занялся? – опешил от увиденного милиционер.

– Нет, просто Серега вычитал в интернете, что при долгом сидении в автобусе нарушается кровообращение, чтобы его восстановить, нужно делать упражнение «березка». Вот я и решил совместить приятное с полезным: и березку сделаю и журнальчик почитаю, – поделился своим ноу-хау Находько с товарищем.

– Он тебе не посоветовал голой жопой на ежа садиться, для

улучшения кровообращения?

– Нет. Какие новости?

– Завтра купание отменяется. В шесть часов выезд.

– Вот те на! – Гена, положив журнал, повернувшись, сел на кровати. Андрей приподнял голову с подушки и спросил:

– Куда в такую рань едем?

– Не знаю. Командир не говорил, просто сказал в шесть выезд и все.

– Ну что за работа? Я уже все банные принадлежности собрал, а тут такой облом, – стал возмущаться Гена расстроенным голосом.

– Немного вас еще расстрою, – решил добить товарищей Иван. – Вы заступаете ночью на охрану автобусов. Могу дать на выбор с четырех до пяти или с пяти до шести.

– Лучше с пяти до шести, – сразу согласился Гена.

– А кого мы меняем?

– Логвиненко с Американцем. Сейчас им позвоню, обрадую, – сказал Иван, доставая телефон. Обзвонив товарищей и предупредив, что выезд в шесть, выслушав в трубке возмущения по поводу отмены купания в проруби, милиционер разделся и быстро залез под теплое одеяло.

– Гена, давай спать. Уже поздно, завтра рано вставать, – попросил Иван друга, продолжавшего листать глянцевый журнал.

– Спи, я тебе что, мешаю? – пробурчал товарищ, расстроенный последними известиями.

Убедившись, что друга уговаривать бесполезно, он повернулся к стенке.

– Свет хотя бы не забудь выключить, – предупредил Иван.

– Хорошо.

Сквозь сон Журба слышал, как товарищи собирались на пост. Когда они ушли, он провалился еще на пятнадцать минут в глубокий сон. Разбудил его громкий писк будильника. Быстро встав с кровати, умылся и, надев форму, вышел на улицу. Выйдя из тепла на холод, Иван поначалу даже не почувствовал мороза, но через некоторое время он напомнил о себе легким пощипыванием щек и кончика носа. На улице стояла тишина, только было слышно, как между автобусами кто-то ходит, поскрипывая на снегу. Окна в общаге, где квартировался «Беркут», постепенно загорались, бойцы просыпались и собирались на выезд. Иван зашел за автобус и навстречу ему с поднятым воротником и натянутой на глаза шапкой, растирая руки, вышел Андрей.

– А где второй? – задал вопрос Журба.

– В автобусе сидит. Зачем вдвоем мерзнуть, – начал

отстаивать друга Кольницкий.

– Дрыхнет, наверное, как всегда? В каком автобусе сидит?

– В этом, – указал Андрей пальцем на стоящую напротив машину. Иван разжал руками двери и увидел: прямо перед входом, удобно умостившись на сиденье, запрокинув голову с открытым ртом, мирно храпел Гена. От шума, когда открывались двери, он даже не пошевелился.

– Ты смотри, какой крепкий, детский сон. Андрюха, у тебя шишка есть?

– Нет. Не надо, Вань, еще удавится.

– А спать на посту надо? Давай хотя бы снежку ему в рот засунем, – сказал Иван, придерживая ногой одну створку дверей и набирая снега, чтобы слепить снежок.

– Вань, да не трогай ты его, – громко, стараясь разбудить товарища, сказал Андрей.

Гена, потревоженный громкими звуками, напоследок всхрапнул и, подняв голову, уставился на Ивана, стоящего перед ним.

– О, Ваня! Что, смена закончилась?

– У тебя, Гена, как в кино – монтаж: глаза закрыл – смена началась, глаза открыл – закончилась.

– Да я на пять минут погреться зашел.

– Мы с Андреем уже полчаса возле тебя, как слоны топаем, а ты и ухом не ведешь.

Ища поддержку своим словам, Иван повернулся к Кольницкому. Он стоял напротив и, улыбаясь, слушал спор товарищей. Увидев, что на него смотрят, пожал плечами, мол, разбирайтесь сами и пошел на другую сторону стоянки. Из дверей общежития, переговариваясь между собой, еще опухшие от сна выходили милиционеры.

– Схожу кулек заберу, пока не уехали, – сказал Гена, выбираясь на мороз.

– И мой захвати! С термосом, возле двери стоит, – крикнул вслед Иван, присаживаясь на холодное сиденье. В кабину, выдыхая клубы пара, ввалился Одас.

– Ух! Холодина какая на улице! – выдохнул он, зябко передергивая плечами. Сев за руль, попробовал завести двигатель. С третьей попытки мотор затарахтел, как-то неуверенно пару раз чихнул, а потом окончательно заглох. Водитель, подняв крышку, полез в грязные промасленные внутренности своего подопечного.

– Что, не заводится? – спросил Димон Карасев, тоже залезая в кабину и заглядывая через ковыряющегося Игоря под крышку.

– Сейчас заведется, – с уверенностью ответил голос Одаса. В

промерзшем за ночь автобусе было холоднее, чем на улице, поэтому Иван решил еще немного постоять. Возле машин, собравшись в кучку, курильщики дымили сигаретами, стараясь побыстрее получить утреннюю дозу никотина. Наконец возле Ивана автобус затрусился всем корпусом и, выбросив из выхлопной трубы облако черного дыма, затарахтел, присоединяясь к товарищам, которые уже несколько минут оглашали рычанием спящие улицы. Из общаги выскочил Гена.

– Держи! – передал кулек товарищу. Вслед за ним вышел Силенков.

– Все, выезжаем! – крикнул он стоящим на улице. Любители табачного дыма жадно делали последние затяжки и заскакивали в автобусы. Иван, встав, осмотрел салон и сидящих в нем бойцов.

– Игорек, доложи – у нас все, – попросил он водителя и, уже усаживаясь на место, добавил:

– Выключай свет.

Он откинулся на сиденье и с блаженством закрыл глаза. Пока доедем, можно еще спокойно с часик подремать. Через несколько минут открыл глаза и уставился в окно, не спалось. Разглядывая проносящиеся мимо фонарные столбы, Иван заметил, что едут они не в центр Киева, а куда-то на окраину.

– Что там за Сусанин впереди? – услышал он раздраженный возглас водителя. Повернувшись, посмотрел в лобовое стекло. Машина сопровождения, ярко сверкая в темноте синими маячками, перекрывала дорогу, а первый в колонне автобус, игнорируя правила дорожного движения, разворачивался в обратную сторону.

– Наверно не туда поехали? – спросил Иван.

– Думаю, поворот на развязке проскочили. Здесь такие неудачные развязки, если проморгал поворот, едешь пару километров, а потом назад возвращаешься, – пояснил Одас, при этом выкручивая руль, вслед за первым автобусом разворачиваясь назад через две сплошные. Машина сопровождения, заметив фары приближающегося автомобиля, включила сирену. В тишине резкий звук бил по ушам. Наконец вся колонна развернулась и снова понеслась по шоссе. Через некоторое время за окном пропали многоэтажные дома и яркие вывески магазинов, кафе, вдоль дороги мелькали частные дома.

– Мы что, за город выехали? – спросил Иван у водителя.

– По ходу, да. Куда-то за Киев едем, – ответил Игорек.

Дорога, по которой они ехали, была идеально ровная, как стекло, ни ям, ни выбоин, четкая белая разметка и чистенькие обочины. Возле указателя «Новые Петровцы» стояли несколько машин ГАИ. Их колонну остановили. Иван, увидев указатель,

вспомнил, что где-то здесь резиденция Януковича.

– Наверное, на Межигорье едем, – подтвердил его догадку Саркисов, который тоже смотрел в окно. Многие бойцы, услышав скандально известное название резиденции Президента, тоже начали вглядываться в окна. С двух сторон дороги, по которой ехали милиционеры, за высокими заборами стояли шикарные особняки.

– Да, сразу видно, здесь в основном бедняки собрались, – с иронией вынес свой вердикт Миша Ахтыркин.

Автобусы останавливались возле высокого, не меньше пяти метров, металлического забора, сделанного из темно-зеленого профнастила, сверху которого на них смотрели линзы видеокамер.

– И где Межигорье? Где особняк Януковича? – заинтересованно осматривая забор, спросил Гена.

– За этим забором, наверное, – предположил Одас.

Двери открылись и в салон быстро зашел Олег Викторович. Окинув взглядом внимательно смотрящих на него бойцов, сказал:

– Сидим в автобусах. Курить за автобус. По улице не шатаемся. Смотрите, здесь уволят на раз – два.

– Напугали ежа жопой, – сказал в след уже вышедшему Силенкову Миша.

Предупреждение все же подействовало, желающих выходить на улицу не было. За время своего нахождения в командировках бойцы уже настолько привыкли к автобусу, что это был их второй дом. Кто не перекусил с утра в общаге, объединялись и на задних сиденьиях накрывали стол, картежники готовились убивать время за игрой в «деберц». Возле Ивана Гена Находько, любитель поспать, перекрыв проход, вытянулся на два сидения, пользуясь тем, что сидящий возле него товарищ ушел играть в карты. Саркисов как всегда подвис в Интернете. Пока блуждали по Киеву и добирались до Межигорья, на улице уже рассвело. Погода сегодня была пасмурная, дул небольшой ветер, бросающий снежинки на стекло автобуса, откуда они, тая, каплями скатывались вниз, оставляя за собой мокрый след. Иван достал книгу и, прислонившись к окну, углубился в чтение. Через некоторое время строчки стали расплываться, теряя нить смысла, он почувствовал, что засыпает. Спрятав книгу, милиционер решил присоединиться к Гене и Олегу, беззаботно храпящим рядом с ним. Он уже начал отключаться от действительности, когда возникшая ссора среди игроков в карты вырвала его из царства Морфея.

– Потише нельзя? Люди спят, а вы орете, как обезьяны на ветках, – от души высказался разбуженный боец.

Скандалисты притихли, стараясь выяснять отношения тише. Журба прикрыл глаза и постарался снова уснуть, но в голову лезли разные мысли, отвлекая его от сна. Вчера звонила жена и рассказала, что ее сестра, живущая в Киеве, описывала ситуацию: дочка пришла из школы, учится она в начальных классах, и спрашивает: «А правда, что к нам скоро дядя Ваня придет и убьет нас? Мальчики в классе пугают – скоро „Беркут“ будет ходить по квартирам и всех убивать». Ребенка успокоили, объяснили, что «Беркут» никого не убивает, а защищает хороших людей от плохих бандитов. Это хорошо, что приезжая из Киева в гости к Ивану и его семье, они неоднократно ходили и в цирк, и в зоопарк, да и просто по парку гуляли. Он играл и дурачился с детьми, катал их на себе. Она знает, что дядя Ваня добрый, но как же быть с тысячами других детей и сотнями тысяч взрослых, которые формируют свое мнение из сюжетов лживого 5-го канала, пропитанного ненавистью и брызжущего злобой, или постоянно искажающего действительность «1 + 1», где «Беркут» – это кровавые палачи – опричники Януковича. Смотря телевизор, Иван в который раз убеждался: СМИ – четвертая власть, формирующая симпатии населения. Всего за два месяца из элитного подразделения МВД «Беркут» журналисты сформировали совсем обратное мнение. Еще совсем недавно эти же каналы показывали, как лихо спецназовцы заламывают распоясавшихся футбольных ультрас, устроивших массовую драку в центре города, или оттесняют и задерживают националистов из «Свободы», «УНСО», срывающих ордена и медали с ветеранов, пришедших на 9 мая. И вот уже в угоду политической конъюнктуре, совсем обратное, уже защитники угнетенного народа и борцы за свободу бросают камни и жгут милицию, а задержание хулиганов – это политические репрессии и удушение демократии. Кто вчера на экранах телевизоров были беспредельщики и бандиты, сегодня герои майдана, защитники революции. После всего негатива, выплеснутого журналистами на милицию, они рассказывают, что силовики их не любят, а как интересно можно уважать человека, только что вылившего тебе в лицо ведро помоев и как ни в чем не бывало, мило улыбаясь, протягивающего руку для рукопожатия. Поэтому и задают вопрос бойцы: «А вы с какого канала?», и узнав, что с 5-го или других ему подобных, отворачиваются, посылая корреспондентов куда подальше, если они не понимают, продолжая лезть в душу, обещают применить более радикальные меры, поигрывая дубинкой. Журналистам только этого и надо, готов новый сюжет о жестокости «Беркута». От размышлений Ивана опять отвлекли игроки в карты, они доиграли партию и сейчас, бурно обсуждая ход игры, выходили на улицу развеяться.

Иван, уставший от нахождения в автобусе, выскочил вслед за ними. Курильщики собрались в круг за автобусом и обсуждали особняки, стоящие прямо возле них.

– Если здесь такие дома, я представляю, какие хоромы у Януковича, – рассуждал Леха.

– Хотелось бы глянуть, хотя бы одним глазком, что охраняем, – поддержал его Андрей.

Не выдержав однообразного сидения в автобусе, почти все стояли на улице. В круг незаметно протиснулся Саркисов. Немного послушав обсуждения, тоже решил вставить свое слово.

– Знаете, я только что прочитал, здесь рядышком есть домик одного из лидеров майдана – Арсения Яценюка, из окон его дома прекрасно видно забор Януковича.

– Так может Яцык и майдан замутил, потому что вид из окна не нравится, – пошутил Гена.

– Да здесь, по-моему, вид везде одинаковый, видно только дом твоего соседа. Один особняк круче другого. И где они такие деньги зарабатывают? – поинтересовался Леха, заинтересованно рассматривая перед собой трехэтажный особняк из темно-зеленого облицовочного кирпича.

– На службе у народа, – с ухмылкой ответил Иван.

– А мы тогда почему в общагах и однокомнатных квартирах живем? – спросил с возмущением Миша Ахтыркин.

– По кочану, не задавай глупых вопросов, – резко ответил Иван.

– Серега, что ты там рассказывал про дом Яценюка? – сменил тему Журба.

– Пишут, что домик у Петровича небольшой, общей площадью, – он сделал паузу, – всего триста квадратов.

Гена присвистнул. Саркисов продолжал:

– В два этажа. Рядом с основным коттеджем – бассейн, сад с детской площадкой, в углу небольшой домик для гостей – сто двадцать квадратов, на въезде сторожка для охраны. Все это он сумел разместить всего на тридцати сотках земли, стоимость сотки от десяти до пятнадцати тысяч долларов. Кроме дома политик владеет двумя квартирами в Киеве и одной в Черновцах, общей площадью 342 квадратных метра.

Закончив читать, Саркисов спрятал от усиливающегося снега свой любимый телефон во внутренний карман. Падающий густой пушистый снег засыпал воротники и шапки милиционеров и его приходилось постоянно стряхивать.

– Сразу видно по тому, что Серега прочитал – за народ переживают люди бескорыстные. Толк будет, – засмеялся Американец.

Иван еще немного постоял, послушал, как переливают из пустого в порожнее, и забрался обратно в теплый автобус. На улице уже начало понемногу сереть. Возле особняков автоматически включалось внешнее освещение. Из окна автобуса были видны красиво подсвеченные дома, на некоторых все еще мигали новогодние гирлянды. Несколько высоких туй, выглядывающих из-за забора прямо напротив автобусного окна, обреченно опустили ветки под гнетом лежащих на них снежных сугробов. Ветер, играя снегом, резкими порывами сдувал его с забора, подымая плотные снежные облака и бросая их в окна угрюмо стоящих домов. Уже все вокруг было укрыто снежным покрывалом, белея своей первозданной чистотой. В автобус залез Одас, заглушив его, растирая замерзшие руки, предложил:

– Может, партейку, чтобы время быстрее пролетело?

Приняв молчание за знак согласия, начал сдавать карты. За окном совсем стемнело, изредка стоящие в стороне автобусы освещались яркими фарами дорогих иномарок, владельцы коттеджей после трудового дня спешили домой.

Часа через полтора в автобус ввалился весь в снегу капитан Васильков. Он обвел всех взглядом и спросил:

– Где Одас?

– Так вот он перед вами сидит, – указал пальцем на Игоря Гена.

Василек был весь какой-то возбужденный и немного растерянный.

– Давай, Игорек, заводи возыка, прогревай. Возможно, сейчас уезжать будем.

– Что его прогревать? Он теплый, только заглушил.

– Заводи, пусть работает.

– А что случилось? Смотрю и на улице оживление? – спросил у капитана Гена.

– Точно не скажу, но вроде на Грушевского какая-то заваруха началась. Командиру позвонили, сказали готовиться на выезд.

Так и не объяснив ситуацию, капитан выскочил в открытые двери.

– Саркис! – позвал Гена дремлющего на сидении товарища, очень ему хотелось узнать, что происходит на Грушевского.

– Что?

– Посмотри в телефоне, что там на Грушевского происходит.

– Может позже, я только задремал, – просящим голосом отнекивался Сергей.

– Давай не кочевряжься.

– Что, больше ни у кого телефонов нет?

– Есть, но у тебя быстрее получается.

– Серега, что ты как девочка ломаешься, – вставил свои пять копеек Одас, который только что завел автобус и перелазил в салон.

– Раздавай, – тут же обратился он к Лехе, тасующему колоду карт.

– Ни хрена себе! Идите сюда скорее! – позвал друзей Сергей, настроивший телефон.

Многие подошли, с интересом всматриваясь в экран. Игроки не пошевелились, продолжая игру.

– Идите посмотрите, что на Грушевского творится, – позвал игроков Американец, с любопытством заглядывающий через Серегино плечо.

– Ну, что мы там еще… – остановился на полуслове подошедший к сгрудившимся товарищам Леха и, выдержав паузу, добавил: – не видели. Вань, бросай все, иди быстрее.

Заинтригованный, Иван через плечо Сергея всматривался в небольшой экран телефона. На экране, как в голливудском блокбастере про зомби, творилось что-то невероятное. Обезумевшая толпа ритмично раскачивала один из автобусов, пытаясь его перевернуть, в то же время десятки радикалов выбивали стекла, громили и ломали технику силовиков, счастливо танцуя на крышах автобусов. Камера наплыла на Кличко, который что-то пытался объяснить протестующим. Народ, видимо не поняв словоблудия одного из своих лидеров, начал освистывать и в завершение, когда бывший боксер вспыхнул праведным гневом, его обдали из порошкового огнетушителя, от чего он стал похож на бледнолицего брата в окружении индейцев. Гена, увидев эти кадры, хохотал до слез, его еле успокоили.

– Выходим строиться, – раздалось с улицы.

Все высыпали на улицу и построились вдоль автобусов. Последним из автобуса вышел Находько.

– Вот это окончание карьеры и фейерверк из огнетушителя. Был же уважаемый боксер, а теперь… – приступ смеха опять скрутил бывшего почитателя боксерского таланта братьев Кличко.

– Так, успокоились!

Командир вышел вперед и строго посмотрел в сторону заливающегося смехом бойца, тот сразу сделал умное лицо и стал по стойке смирно.

– Много говорить не будем. Все, я думаю, и так в курсе, на Грушевского начались массовые беспорядки. Мы сейчас выдвигаемся туда. Защиту надеваем на ходу. Остальные задачи на месте. Все, по машинам!

Бойцы, весело переговариваясь, заскакивали в автобус.

Распаковывая экипировку, привычными движениями надевали ее на себя, те кто оделся, садились ближе к окну, чтобы не мешать остальным. В кабине Одас, закусив губу, рывками выкручивал руль, стараясь поскорее пристроиться в колонну. На въезде в Новые Петровцы с включенными маячками стояли гаишники, перекрывая дорогу, давали возможность без остановки проскочить перекресток автобусам со спецназом. В сопровождении ГАИ, набирая скорость, автобусы с «Беркутом», пронзая ночь дальним светом, неслись на помощь товарищам в Киев. В салоне все опять сгрудились возле Саркисова.

– Ну, давай включай! Быстрее! – слышались нетерпеливые возгласы.

Картинка была нечеткая, видео постоянно притормаживало, дробилось, но это не смущало бойцов, все увлеченно смотрели на экран. Из-за спины милиционеров неслось: «Отойдите назад! Ваши действия нарушают закон и порядок!», в ответ слышалось: «Ганьба! Ганьба!». Кто-то поджег милицейский автобус, и он запылал, с крыши объятого огнем автобуса прыгали обожженные фотокорреспонденты, которые залезли на него в погоне за хорошим кадром. На следующий день они станут жертвами милицейского произвола над журналистами. От горящего автобуса отхлынули в разные стороны милиционеры и митингующие. На другой стороне улицы протест уже перерос в рукопашную схватку. Силовики отбивались резиновыми дубинками, прикрываясь щитами, в ответ их лупили бейсбольными битами и палками.

– Слышь, Серега, это сейчас там такое происходит? – поинтересовался любопытный Ахтыркин.

– Да нет – это запись.

– Не, ну что за люди такие? – не выдержал Леха, глядя на экран.

– Когда у народа праздники православные, они вакханалию устраивают. Можно было хотя бы на Крещение не грешить. Ничего святого у этих беспредельщиков нет.

Автобусы начали замедлять ход. По рации прозвучал приказ: «По три человека к дверям, без команды не выходить. Возможны провокации». Услышав указание, все поднялись и столпились у дверей, готовые выскочить в любой момент. Адреналин гулял в крови.

– На задние двери идут: Ахтыркин – старший, Логвиненко и Васига. На передние – Находько – старший, Кольницкий и Каустович. Остальные в автобусе вместе со мной, ждут команды, – непререкаемым тоном распорядился Иван. Бойцы разочаровано садились на свои места. Названные Иваном

спецназовцы сгрудились у дверей, готовые выскочить на улицу в любую минуту. Автобус начал останавливаться, а потом резко набрал скорость. В окно Иван рассмотрел Ниву с широко открытыми дверями, перескочившую бордюр и бампером врезавшуюся в клумбу, убегающего вдаль водителя. Недалеко стоял второй легковой автомобиль, марку которого уже трудно было определить, создавалось впечатление, что его прожевал и выплюнул динозавр. Немного в стороне стояли несколько незнакомых Ивану беркутов.

– Автомайдан. Пытались нам дорогу перекрыть, – прокомментировала радиостанция голосом Барсукова увиденный пейзаж за окном.

– Наконец-то, хоть кто-то до них добрался, – злорадно поддержал Одас.

Автобусы, вновь набирая скорость, неслись дальше. Водители испуганно шарахались вправо, уступая дорогу спецназу.

– Возле метро «Арсенальная» притормаживаем. Журба, берешь десять человек и на правый фланг. Барсуков – твой левый фланг. Двигаетесь перед техникой, если что, обеспечиваете проезд, – через радиостанцию распорядился командир.

Иван распределил по пять человек на двери. Стоя возле дверей, бойцы с нетерпением ждали момента, когда, наконец, можно будет добраться до майдановцев. На перекрестке улиц Грушевского и Московской автобус притормозил. Иван и за ним десять человек выскочили и, построившись в колонну, побежали перед техникой. Справа около выхода из метро стояли человек тридцать с флагами Украины и Евросоюза, но агрессии они не проявляли. Видимо, с этой стороны команды «фас» не поступало. В Мариинском парке, где стояли палатки Антимайдана, было видно оживление: вдоль дороги стояли молодые парни с палками, по парку ходили патрули, все ожидали провокаций. Человек пятнадцать, стоящие возле выхода из парка с флагом «Партии регионов», приветливо помахали пробегающим спецназовцам рукой. Возле Кабмина, перекрывая дорогу, стояли несколько КрАЗов силовиков. Автобусы и машина сопровождения остановились перед преградой. Из машины вышел командир.

– Садитесь в машины, – сказал он немного запыхавшимся спецназовцам, а сам пошел договариваться о проезде. Снизу возле стадиона «Динамо» были видны отблески догорающей техники силовиков и слышно разрывы гранат и взрывпакетов. Огненными протуберанцами рассыпались фейерверки. В автобусе чувствовалось напряжение, оно невидимым сгустком энергии висело в воздухе, пропитывая все вокруг. Ивану были знакомы эти чувства, когда сердце испуганной птицей трепыхается в груди,

разгоняя кровь, насыщенную адреналином, каждая клеточка вибрирует в твоем организме, а нервы натянуты, как струна и вот-вот лопнут. Эмоции не находят выхода, бьются и клокочут внутри, иногда выплескиваются наружу – раздражением и грубостью к тем, кто рядом. Бойцы были, как взведенная пружина пистолета, готового к выстрелу и ожидающая только нажатия на спусковой крючок – команду. Все всматривались вперед, туда, где их товарищи столкнулись с ордами беспредельщиков, которые упиваясь своей безнаказанностью, жгли и громили все, что попадалось им под руку. Назвать это мирным митингом уже не поворачивался язык.

– Ну, давай, убирай свою колымагу. Дай проехать! – крикнул Ахтыркин солдату, стоявшему возле КрАЗа, закрывающего въезд.

– Не можу без наказу, – испуганно ответил срочник и быстро отвел глаза в сторону.

– Не можу, – передразнил его Миша. – Там твоих братанов по винтикам разбирают, а ты тут – без наказу.

Из-за машины выглянул офицер вэвэшников.

– Від'їжджай. Нехай заїдуть, – крикнул он солдату. Счастливый боец быстро прыгнул за руль автомобиля и освободил проезд. Автобусы аккуратно въехали в узкий проход. Чуть ниже Кабмина останавливались, пристраиваясь за уже стоящими.

– Выходим строиться, – последовала команда. Дважды ее повторять необходимости не было. Бойцы, толпясь в дверях, выскакивали и быстро становились в строй. Через несколько минут коробка «Беркута» двинулась вниз по Грушевского. Внизу они остановились возле таких же подразделений, с бессильной яростью наблюдая, как распоясавшиеся боевики громят и жгут технику силовиков, которую им отдали на откуп. Ряды милиции стояли в отдалении от техники, а площадка перед ними была засыпана кусками брусчатки, создавалось впечатление, что прошел каменный дождь. Автобус возле стадиона «Динамо» уже сгорел, а возле высотных зданий огонь из пылающего автобуса перекинулся на стоящий возле него ЗИЛ. Тени и блики от огня метались и прыгали по стенам, создавая причудливые формы, ползущий по зданию жирный черный дым, цепляясь за окна и балконы верхних этажей и немного повисев там, поднимался над городом дымным столбом пожара, пугая горожан. Команды «вперед» бойцам не поступало, поэтому приходилось стоять позади вэвэшников сторонними наблюдателями и молча скрипеть зубами в бессильной ярости. Иван, немного понаблюдав за происходящим беспределом, повернулся к стоящему возле него Карасеву.

– Ну, как, впечатляет? – спросил он, кивая головой в сторону горящих автобусов.

– Скорее шокирует – так, наверное, правильнее будет сказать, что чувствуешь. По телевизору таких эмоций это все не вызывает.

– Через телевизор ты простой статист, а здесь ты участник.

– Вань, знаешь, я, наверное, предпочел бы, чтобы с той стороны было побольше статистов и поменьше участников.

Бойцы весело засмеялись. Первоначальное напряжение понемногу спадало. Стоя в строю, милиционеры переговаривались между собой, с тоской смотря на догорающую технику и сходились во мнении, что сегодня майдан зачищать не будут. Там, на верху, опять чего-то испугавшись, начали искать компромиссы, тем самым разрешая здесь боевикам бесчинствовать и безнаказанно вытворять все, что им заблагорассудится. Командиров собрали на совещание и милиционеры, мающиеся в строю от безделья, пытались скоротать время в разговорах.

– Братан, а вы давно здесь?

Иван повернул голову на голос и увидел, что возле него Леха Каустович пытается завести разговор с коллегой из другого подразделения, стоящего возле них. Боец, к которому обращался Леха, никак не реагировал на его слова, продолжая безучастно смотреть на пылающую технику.

– Не трогай его. У него сегодня другу молотком руку перебили, здесь на Грушевского. Ему тоже нормально досталось, отказался в больницу ехать, – вмешался в разговор боец, стоящий перед молчаливым спецназовцем. Иван подошел к общающимся между собой «беркутам».

– Еще кто-то из ваших сегодня пострадал? – спросил он у бойца.

– Восемь человек в госпиталь забрали. Трое в тяжелом состоянии, еще одного майдановцы захватили, – делился информацией словоохотливый товарищ.

– Как захватили майдановцы? Вы что, назад отбить не могли? – возмутился Леха.

– Что ты на пацана напал, может и не смогли, – заступился Иван за бойца.

– Расскажи, как все произошло. Кстати меня Иваном зовут, – протянул он руку.

– Серега.

– Леха. – Каустович тоже пожал руку Сергея. Боец вздохнул, посмотрел на товарищей, стоящих рядом. Было видно, что рассказывать о произошедшем у него большого желания нет.

– Есть сигаретка? – спросил он.

– Держи, – Леха протянул «Винстон».

Серега сделал глубокую затяжку, с наслаждением выпустил дым и, придвинувшись поближе, нехотя, почти шепотом начал рассказ.

– Командир наш решил понтануться, когда митингующие полезли, приказал создать группы изъятия и выдергивать наиболее активных радикалов, не учел одного, что это не показуха по плану «Волна». Один раз нормально прошло, выскочили, пугнули, но никого не притащили. Командир сказал: «Нужны задержанные». Несколько бойцов увлеклись и погнались за майдановцами, влетели в засаду. Пока отбивались, пытаясь вырваться, одного трубой навернули и в толпу затащили. Остальных били чем попало: молотками, трубами, битами, это мы их резиновыми палками, еле вырвались. Товарищу его, – кивнул в сторону стоящего, как статуя бойца Сергей, – руку молотком перебили. Еще несколько человек брусчаткой побило, она здесь поначалу дождем сыпалась.

– Что же теперь с вашим братаном у этих отморозков будет? – спросил Леха.

– Его уже освободили, в госпитале лежит, черепно-мозговая, нос сломали и бедро шилом потыкали, – наконец высказался до этого стоявший как истукан боец.

– Ну, слава Богу, хоть живой, – облегченно выдохнул Леха.

– Говорят, Захарченко лично позвонил лидерам майдана и пообещал Дом профсоюзов, где пацана держали, по кирпичикам разобрать, если бойца не вернут, – негромко сообщил Серега.

– Ты понял, ублюдки, шилом пацана потыкали, – возмущался Иван.

Возле строя появился Силенков.

– Олег Викторович, что слышно? – задал кто-то вопрос из строя.

– Ничего. Уходим! Кругом!

Нестройной толпой милиционеры пошли назад в сторону Кабмина, по дороге к ним присоединился и командир. Поднявшись наверх, милиционеры зашли в парк и спустились на угол арки стадиона «Динамо». Здесь столкновения с радикалами не утихали ни на минуту. Прячась за сгоревшей техникой и за стенами арки, боевики старались подкрасться как можно ближе, чтобы бросить кусок брусчатки или бутылку с зажигательной смесью в стоящих плотной стеной вэвэшников. Им отвечали резиновыми пулями и газовыми гранатами, не давая возможности безнаказанно бить и калечить милиционеров. Иван вместе с товарищами поднялся на бугор, откуда открывался прекрасный вид на все происходящее. Камни сюда не долетали, а растущие

деревья прикрывали от прилетающих фейерверков, которые, застревая в ветках, падали на головы стоящим бойцам уже полупотухшими искрами. С холма было видно все, что происходило за сгоревшей техникой. Основная масса майдановцев стояла в отдалении, куда не долетали ни камни, ни резиновые пули, советами и криками поддержки помогали наиболее активным радикалам. Для тех же, кто с упоением бросал камни в милицию, все происходящее было игрой «в войнушку», только вместо пистолетов с пистонами и автоматов с мигающими лампочками, были бутылки с «коктейлями Молотова» и расколотая брусчатка. Не имея возможности прекратить «игры взрослых детей», бойцы с сожалением наблюдали, как радикалы выдумывали все новые и новые способы, стараясь подобраться поближе к шеренгам солдат и бросить камень или горящую бутылку. Каким безумным воем счастья оглашалась толпа, когда щиты вэвэшников вспыхивали от удачно брошенного огненного снаряда, и довольные радикалы прыгали, размахивая руками, обнимались, поздравляя друг друга. Создавалось впечатление, что они только что провели удачную атаку на ворота противника, забив очередной гол, а не покалечили восемнадцатилетнего парня, выполняющего свой долг, обрекая его не одни сутки стонать и мучиться от ожогов. Если бы не спецназовцы с помповыми ружьями, периодически отстреливающие резиновыми пулями наиболее наглых боевиков, давая им понять, что это не компьютерные игры и здесь все по-настоящему, и боль тоже, шеренги вэвэшников уже могли значительно поредеть. Поначалу бойцы, не выдержав, хватали камни или не разбившиеся бутылки с горючей смесью и бросали их в ответ, но скоро убедились, что из-за расстояния брошенные снаряды редко достигают цели, прекратили огрызаться. Иногда кто-то, не выдержав, выбежав за строй солдат, бросал несколько булыжников и торопился назад, опасаясь получить камнем.

– Сука, б…ть, не могу на это смотреть, – психанул Коля Линенко после очередного удачного броска одного из боевиков и радостных криков фанатов. Отдав бушлат Максиму Краховетскому, побежал вниз мстить за товарищей.

– Бестолковое занятие, – прокомментировал его поступок Иван, растирающий плечо. – Только плечо потянул. Они сейчас приспособились бутылки издалека бросать. На длинную палку прибивают обрезанную баклажку, один в нее кладет бутылку с зажженным фитилем, а другой бросает с помощью палки, – объяснял он новое изобретение активистов Гене, по дороге к небольшому костру, который бойцы развели недалеко от передовой.

– Их энергию, да в мирное русло, – пошутил, смеясь Гена. Он выставил ногу подошвой к огню.

– Берцы осенние, пальцев на ноге уже не чувствую, – ответил Находько на возмущенные взгляды товарищей.

Иван тоже протянул руки, ощущая, как приятное тепло от огня отогревает задубевшие пальцы. Места всем у небольшого костра не хватало, поэтому приходилось греться по очереди. Тот, кто немного оттаивал, отходил в сторону, уступая место товарищу.

– Может еще костер разжечь? – предложил Леха Каустович.

– Давай, а из чего? Мы здесь поблизости все палки пособирали. Дров нет, – разрушил идею Миша Ахтыркин.

– Пустите погреться, – к костру в грязных штанах, со скрюченными руками, протискивался Линенко. – Ух! Рук вообще не чувствую.

– А перчатки твои где? – поинтересовался Иван, он уже отогрелся, поэтому немного подвинулся, уступая кусочек места.

– Потерял где-то. Из кармана выпали, – беспечно ответил Николай, засовывая руки в огонь.

– Руки спалишь. Чем тогда камни кидать будешь?

– Не спалю. Ох, классно, начал пальцы чувствовать. Ай, блин! – вскрикнул Николай после того, как Миша подбросил веток в костер, подняв целый рой горячих искр, попавших на руки бойца.

– Ну, теперь точно знаем, что пальцы ты, Рыжий, себе не отморозил, раз кричишь, – с улыбкой поддел товарища Миша.

От тепла костра Ивана разморило, куда и делась злость и агрессия, которая была в нем совсем недавно. Нервное напряжение постепенно спадало, уступая место расслабленности и апатичности. Глаза начали слипаться, потянуло в сон. Набрав в пригоршни холодного снега, Иван протер лицо.

– Что, засыпаешь? – спросил Гена, широко зевая.

– Ага, что-то в сон клонит.

– У меня самого глаза слипаются. Уже можно и в автобус возвращаться, все равно бестолково стоим.

К костру, громко смеясь, подошли Американец вместе с Виталиком Красилюком – милиционером второй роты. Худой, жилистый, поджарый, как гончая, Виталик был в подразделении одним из лучших бегунов и не раз выступал за сборную УВД, завоевывая первые места. Худоба его была обманчива, в драке он был резкий и непредсказуемый, нанося хлесткие удары, сыпавшиеся на соперника один за другим, заставляли того уходить в глухую оборону, и уже не один противник поплатился, недооценив Красилюка. По жизни Виталик был веселый и

жизнерадостный оптимист, всегда находил что-то светлое в самых мрачных обстоятельствах жизни и верил в успех. Своим оптимизмом заряжал всех вокруг себя, а еще когда он выдавал перлы на суржике – смеси русского и украинского языков: «Я у клуби усе ганяв. Бью аж быкы рыгають», даже у самых суровых бойцов появлялась улыбка. На День милиции он получил долгожданного прапорщика, и новенькие звездочки блестели, отражая отблески огня.

– Что такие веселые? – поинтересовался Григорий Иванович, поворачиваясь к костру спиной.

– Мы тилькы шо таке бачылы, шо без смиху не роскажеш, – усмехаясь, ответил Виталик. Он протиснулся к костру и, наклонившись над ним, пытался отогреть лицо.

– Брови сейчас себе спалишь, будешь как Фантомас, – предупредил Коля.

Иван отошел от костра, уступая свое место озябшему Американцу, который, потирая руки, тянул их к жарким языкам пламени.

– Так что вы там увидели смешного? – задал вопрос Иван, рассматривая сверху дотлевающую и громко потрескивающую на морозе технику милиции. Красилюк растер теплыми, нагретыми у огня руками нос, и, улыбнувшись, заговорил.

– Стоялы мы за стелою, биля пацанов з ружамы. Оно ж интэрэсно подывытысь, що там робыться. Бачымо, пьять чоловик крадуться, трое йх щитамы прыкрывають. Пидийшлы до спалэного автобуса и давай кыдаты бутылкы з горючым, наши в ответку кынулы йм пару гранат, газку понюхаты. Ти розвэртаються и чхаючы, назад до побратымив побиглы, а позаду ных товарыщи камни кыдалы в милицию. Одын з побратымив выдно слабый був, каши мало йв, не докынув и гэлыком прямо миж глаз тому, що до свойх биг и зацидыв, вин аж ногы задрав.

– А чем между глаз заехал? – перебил, улыбаясь, Гена рассказчика.

– Гэлыком, – неуверенно ответил Виталик, подозревая подвох со стороны друзей.

– Камнем, – пояснил он.

Возле костра все заржали. Находько похлопал Красилюка по плечу.

– Ты извини, просто слово незнакомое, но прикольное. А дальше что было?

Немного смутившись Красилюк, подбирая русские слова, продолжил.

– Упал он и лежит, не шевелится, видно хорошо приложили, – и уже увлекшись, Виталя опять перешел на суржик.

– Ти шо без щытив буллы, под руки його пидхватылы и поволоклы до свойх, а на встречу вжэ бижать фотографы и медики. Нова жэртва «Беркуту» нарысовалась.

– Так они скоро друг друга перебьют. Нам и делать ничего не придется, только наблюдать. Ты как думаешь? – обратился к Красилюку Григорий Иванович.

Виталик сделал удивленное лицо, пожав правым плечом, согласился с офицером:

– Получается, шо так.

И, не выдержав, рассмеялся вместе со всеми. Часа через два, когда Иван уже начал чувствовать, что ему не помогает и костер, а Гена в своих ботинках на рыбьем меху выбивал чечетку, пришла смена. Ввалившись в теплый автобус, уставшие беркута, сняв экипировку, падали спать, про еду никто не вспоминал.

Ивана кто-то дергал, толкал, а он никак не мог проснуться, сон не отпускал его. С трудом разлепив глаза, увидел перед собой Одаса.

– Что?

– Командир по рации только что сказал, через десять минут построение на улице.

– Ага, хорошо, – ответил Журба пересохшими губами, опять засыпая. Его снова тормошили, трусили.

– Все, встал. Не дергай меня больше, – попросил он Игоря. Сонный он шел по салону, расталкивая спящих товарищей. Они ворчали, матерились, огрызались.

– Встаем, одеваемся. Через пять минут на улице, – распорядился Иван. С горем пополам все построились возле автобусов и пошли вниз к стоящим в шеренге солдатам. Здесь бойцы, опираясь на высокий парапет или фонарные столбы, стоя, как лошади, продолжали спать, их расталкивали товарищи и офицеры, не давая замерзнуть. Кто повыносливее, шли наблюдать за майдановцами, иногда бросали камни, отпугивая наиболее неугомонных. Сильный ветер, гулявший по Грушевского, заставлял поднимать воротники и натягивать поглубже шлемы и маски. Иван и не заметил, как на улице начало светать, потухли фонари на столбах, горевшие всю ночь. Со стороны Днепра свинцовое небо посветлело и очертания деревьев в парке стали более четкими.

– Смена! Уходим! – прозвучала долгожданная команда. Сверху от Кабмина спускались заспанные спецназовцы, с неохотой меняющие своих товарищей.

День пролетел незаметно и вот уже снова глубокая ночь. Боевиков стало гораздо меньше, а те, кто остался, поумнели и не бросаются вперед с криком «ура», стараясь докинуть горящую

бутылку до милиционеров, резиновые пули и газовые гранаты отбили у них охоту. Теперь наиболее неугомонные подкрадываются, прикрываясь щитами, и прячутся в сгоревших автобусах, вместе с ними туда лезут и журналисты, пытаясь получить живые кадры с «героями» майдана. Где их и находят резиновые пули спецназовцев, бьют по силуэтам, стараясь опередить целящегося в тебя из рогатки радикала, желающего засадить стальной шарик или новенькую блестящую гайку в зазевавшегося бойца.

– Забрало опусти, – посоветовал Гене неизвестный спецназовец, которого только что поменяли. – Из рогатки шариками стреляют.

Второй, стоящий около него, разжал руку, в которой блестели несколько шариков и гайки.

– У нас одному щеку насквозь пробили, шарик только выплюнул, – становясь в строй, рассказал милиционер. Гена, услышав слова бойца и увидев шарики, быстро захлопнул забрало и нервно посмотрел на стоящие перед ним сгоревшие автобусы.

В оконном проеме громко хлопала разорванными лохмотьями клеенка, оторванные от нее куски на полу шевелил сквозняк, зацепив их за ржавые швеллера и куски арматуры. Белыми проплешинами на сером бетонном полу выделялись снежные сугробы, наметенные через окна, глядящие пустыми глазницами в темноту. Резкий порыв ветра из черной дыры, где должна быть балконная дверь, чуть не сбил с ног Ивана, рассматривающего с помощью неяркого фонарика грязные следы на снегу.

– Идите сюда, – позвал он товарищей.

– Вот откуда они заходят.

Все собрались около Журбы, разглядывая свежие отпечатки обуви. Андрей, держась за стену, выглянул на улицу, прикрывая лицо от хлестких порывов ветра, исследовал следы, проходящие по узкому карнизу и скрывающиеся за углом здания.

– Надо до угла пройти, посмотреть, что да как, откуда приходят, – сказал Кольницкий, повернувшись к товарищам, стоящим около него.

– Ты что, больной, вниз восемь этажей. Там того карниза сантиметров тридцать – сорок, сорваться хочешь? – привел доводы Гришка Степаненко.

– А ты, Американец, если что, меня подстрахуешь, здесь метров пять до угла, – продолжал настаивать на своем Андрей.

– Команда была посмотреть, много ли майдановцев стоит против нас. Никто не говорил, что нужно найти место, откуда на стройку лазят радикалы, – ответил Иван. Высунувшись в оконный проем, он разглядывал раскинувшийся внизу пейзаж. Отсюда

было прекрасно все видно аж до Европейской площади. Внизу, как муравьи, копошились человеческие фигурки, их было немного, чуть больше сотни. В основном все стояли в отдалении от сгоревшей техники, только несколько наиболее упорных, прикрываясь щитами, пытались подобраться к шеренгам милиции. Иван сделал несколько снимков на свой старенький телефон. К окну подошли друзья, с интересом рассматривая шевелящиеся внизу фигурки.

– Да их там раз-два и обчелся. Мы их шапками закидаем, – увидев картину внизу, возбужденно высказался Андрей.

– Какое-то у тебя сегодня настроение боевое, – сказал Иван.

– Надоело уже сопли на кулак мотать, – со злостью ответил Андрей.

Иван пошел к лестнице.

– Все, пошли вниз, – позвал он толпящихся у окна друзей.

– Вань, может, посмотрим, куда следы ведут? Это же из этих окон в вэвэшников, что внизу стоят, бутылками с «коктейлями Молотова» бросали, а в следующий раз начнут кирпичи кидать или вон швеллер бросят. Они же отмороженные наглухо, – пояснил Андрей.

Иван остановился в нерешительности возле лестницы. Ему и самому было интересно, как радикалы перелазят из соседнего здания на стройку, но идти по карнизу было опасно. В конце-концов любопытство пересилило чувство опасности.

– Ладно, давай глянем. Только осторожно, чтобы не свалился.

Андрея дважды упрашивать не надо. Быстро сбросив бронежилет и бушлат, он отдал все Американцу и, выскользнув в балконный проем, быстро скрылся за углом. Американец, переживая за товарища, выглядывал на улицу, прикрывая рукой глаза от ветра, прислушивался, что происходит за углом. Внезапно кусок стены приподнялся и из образовавшегося проема показалось счастливо улыбающееся лицо Андрея.

– Здесь вход гипсокартонном закрыт. – Держите! – он просунул в проем доску, которую тут же подхватил Иван. На четвереньках, волоча за собой еще одну доску, протиснулся и Андрей.

– Больше лазить не будут. Я доски, по которым они переходили, позабирал, – похвалился Кольницкий.

– Тогда пошли, – распорядился Иван.

Перескакивая через две ступени, милиционеры неслись вниз. Позади всех Андрей, грохоча на всю стройку, тащил за собой трофейные доски.

– Брось ты их, – посоветовал Американец.

– Не брошу. Я из них лавочку сделаю, чтобы возле костра не

стоять, ответил Андрей, перехватывая свою ношу поудобнее. В дверях выходящих спецназовцев встречали несколько любопытных лиц вэвэшников, привлеченных грохотом Андреевых досок.

– Свои! Свои! – крикнул Иван, успокаивая встречающих их срочников. На улице стояла непривычная тишина. Солдаты, расслабленно опираясь на щиты, упертые в землю, стоя на деревянных поддонах, переговаривались между собой. Позади них горели несколько костров. Периодически несколько человек выходили из шеренги и, погревшись, возвращались назад. Выйдя из здания, бойцы пошли в сторону костра, где грелись их товарищи, а Иван поднялся по ступенькам на площадку перед Художественным музеем, где стоял куратор от МВД, который и попросил Ивана сходить на стройку.

– Ну что, получилось? – задал он вопрос Журбе.

– Так точно, – по-военному ответил Иван, протягивая телефон с фотографиями.

– Ага, спасибо! – поблагодарил куратор, перебрасывая снимки себе в телефон.

– Держи. Еще раз спасибо!

Он вернул телефон бойцу, который уже поглядывал на дорогу, где строились его товарищи, готовясь идти на отдых. Схватив телефон, Иван помчался становиться в строй.

Уже почти полдень, а намека на солнце так и не было, небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами. Только что проснувшись, Иван стоял на улице, делая зарядку. Шел небольшой снежок. После пропахшего запахом дыма и пота автобуса, в котором уже третий день жили спецназовцы, вдыхаемый чистый морозный воздух приносил райское наслаждение.

– Все строимся, пошли вниз.

Услышав эту до боли знакомую команду, звучавшую каждые два часа на протяжении всего времени, что они находились здесь, Иван на автопилоте встал в строй.

– Когда уйдем, открой двери. Проветри автобус, – попросил он Одаса, ковыряющегося во внутренностях своего механического друга.

– Там Саркисов с температурой сидит.

– Скажешь ему, пускай в соседнем автобусе полчасика посидит, уже дышать нечем, – крикнул он Игорьку, уже из уходящего строя.

Внизу Ивана и товарищей ждало очередное потрясение. Перед строем солдат, прикрывающихся щитами, стояли толпы гражданских, фотографирующихся на фоне вэвэшников, «Беркута»

и вступающих в политические дебаты с милицией. Журба вслед за бойцами по самодельной лестнице вскарабкался на холм, где, столпившись, ожидали своей очереди спуститься вниз отстоявшие свою смену коллеги.

– Не понял, сегодня что, на Грушевского день открытых дверей? – поинтересовался Иван у стоящего возле него Василькова, который тоже с удивлением рассматривал снующих перед милицией гражданских.

– Не знаю. Два часа назад, когда уходили, здесь никого не было, – ответил капитан.

– Смотрите, как в театре на представление пришли, – указывая на крышу арки стадиона «Динамо», обратил внимание товарищей Андрей Кольницкий. На крышу митингующие затащили лавочку, огородив ее от ветра, и теперь расселись на ней, с интересом наблюдая за происходящим. Постояв на бугре и посмотрев на все вокруг, Иван повернулся к Гене, стоящему у него за спиной.

– Пойду, послушаю, о чем болтают. Позовешь если что, – попросил он товарища.

Журба подошел к забору, где двое пожилых майдановцев, судя по говору явно из Западной Украины, одетые в старенькие пуховики, держась за прутья ограды, пытались агитировать трех вэвэшников, стоящих напротив. Говорил один из них, второй, натянув поглубже на голову кепку-бандерку, хмуря брови, молча рассматривал солдат. Двое срочников стояли молча, слушая диалог своего товарища с митингующими.

– Хлопці, ну за кого ви тут стоїте? – услышал Иван елейный голос агитатора. – За того зека, що народ обдирає?

– Мы здесь стоим за легитимную власть, избранную народом Украины.

Старший сержант, который отвечал своим противникам, явно был не из робкого десятка и за словом в карман не лез.

– Так ось він народ, перед вами стоїть. Це ви проти свого народу? Той, який ви захищати повинні.

Иван слышал, что речь западенцев была хорошо отрепетирована и испробована уже не на одном милиционере. Эти же слова он слышал на Кабмине в конце ноября, там тоже, как демоны искусители, агитаторы пытались посеять зерна сомнения в умы бойцов.

– Народ, за который мы здесь стоим, сейчас в шахтах и на заводах трудится, честно свою зарплату зарабатывает, а не приехал на майдан за длинным рублем или от нечего делать в ментов камни покидать.

В разговор вмешался второй западенец, до этого смотревший

исподлобья и молча слушавший разговор. Сверкая фанатичным блеском в глазах и брызжа слюной, он не говорил, а выкрикивал слова, выплевывая их в сторону солдата.

– Да про що з ними говорити!? Ти бачиш, як їм офіцери мозок промили! Це такі ж бандити, як і Янукович з його бандою! Тобі за наші гроші зарплату платять, а ти, собака, проти нас стоїш!

От такого резкого перехода к агрессии старший сержант, до этого разговаривающий с майдановцами не повышая голоса, растерялся и, смутившись, замолчал. На помощь ему пришел Иван.

– Собаку твоя мать родила, а деньги свои оставь себе, мне государство платит.

Он видел, что от его слов активист скривился, как от зубной боли и уже открыл рот, чтобы ответить, но его опередил более уравновешенный товарищ.

– Так, а воно звідкіля ті гроші бере, з нас, простих громадян, які податки платять.

– Ну как вы можете налоги платить, если не работаете, а на майдане стоите, или вы их платите из тех денег, что вам за сценой раздают? – улыбаясь, продолжал спорить Иван.

Активисты от слов Журбы онемели, и вдруг фанатично настроенный агитатор в бандерке плюнул в сторону милиции и попал на щит одному из вэвэшников.

– Ах вы суки! – проговорил тот, сделав шаг вперед, и замахнулся палкой.

Агитаторы не стали ждать развязки, резво сбежали вниз, подальше от забора и, уже стоя внизу, выкрикивали ругательства в адрес милиции и «Беркута». Иван сложил рупором руки и, пристроив их ко рту, крикнул в сторону сквернословящих майдановцев:

– Русский солдат – убивай командиров и комиссаров-жидов, бросай оружие и переходи к нам! Мы обещаем тебе горячий чай и наше радушие! Мы эти слова уже слышали семьдесят лет назад!

Не слушая маты, которые кричали ему вслед разочарованные агитаторы, пошел к товарищам. Здесь тоже были увлечены «плакальщиками», как между собой милиционеры называли агитирующих их митингующих. Громкий, резкий голос, иногда срывающийся на крик, пожилой женщины, идущей вдоль шеренги вэвэшников, привлек внимание Ивана и товарищей. Она, хватаясь руками за щиты, голосила:

– Що ж ви, синочки, і нас палками лупцюватимете, як отих діточок на майдані. В вас мабуть і мати є, і батько, це вони вас навчили дітей та старих бити?

Солдаты отворачивались от нее, ничего не отвечая. Эту

женщину лет пятидесяти с уставшим помятым лицом и мешками под глазами, растрепанными волосами, торчащими из-под красивого сиреневого платка с украинским орнаментом, многие видели уже не первый раз. Ее визгливый голос уже слышался и возле Кабмина перед тем, как радикалы начали таскать «Беркут» за шлемы и брызгать в лицо газом; на Банковой на следующий день после неудачного штурма Администрации Президента, и здесь на Грушевского она уже успела отметиться на Крещение, когда жгли технику силовиков. Поэтому зная эту «сердобольную», вэвэшники особого расположения к ней не высказывали, а просто отворачивались, игнорируя ее.

– Когда уже эта смена закончится. Чувствуешь себя, как на выставке, – с досадой в голосе высказался Костя Серков, отворачиваясь от очередного фотографа, пытающегося его сфотографировать.

– Еще полчаса стоять, – успокоил его Леха Каустович, посмотрев на часы.

– Нравится тебе Евросоюз, собирай вещи и уезжай, тебя здесь никто не держит. В стране и так бездельников хватает, без тебя.

Громкий скандал незнакомого спецназовца с одним из майдановцев привлек к себе внимание не только «Беркута», но и журналистов, охотящихся в толпе за горячими сенсациями. Как акулы, реагирующие на резкие звуки, корреспонденты, повернув головы и вытянув шеи, высматривали источник шума.

– Слышь, мужик, шел бы ты отсюда. У тебя своя правда, а у меня своя. Я и мои товарищи присягу давали, так что перевертышей ты среди нас не найдешь. Иди дальше свою крамолу сей, среди «Беркута» перебежчиков нет.

Увидев, как защелкали затворами фотоаппаратов журналисты, боец постарался затеряться среди товарищей, чтобы завтра не оказаться на первых полосах газет.

– Все, уходим, – дернул за руку внимательно наблюдавшего за происходящим Ивана Американец.

Опять спустившись по неустойчивой лестнице вниз на Грушевского, под прицелами телекамер, как звезды сцены, бойцы возвращались к машинам.

Настроение сегодня у Ивана отсутствовало напрочь, да и какое может быть настроение, когда с самого утра тебе уже спалили брови и обожгли лицо и теперь приходилось ходить забрызганным «Пантенолом», с капюшоном на голове. Левое опухшее веко приподнималось с трудом и приходилось смотреть через маленькую щелочку.

А начиналось все довольно неплохо. Бойцы только что отстояли свою смену и рассаживались в теплых автобусах,

готовясь немного отдохнуть перед новой сменой. На улице шел небольшой снежок, укрывая белым покрывалом всю грязь, что оставили после себя люди.

– Ген, ты в столовую пойдешь? – позвал Иван.

– Наверное, схожу. Сейчас выйду.

Иван вышел на улицу, где морозный воздух приятно холодил лицо. Потянувшись всем телом, он крикнул в открытую дверь:

– Ну что, пошли?

И не дожидаясь друга, пошел в сторону столовой. Журба не успел далеко отойти, когда его догнал Находько.

– Подожди, там еще человек шесть с нами идут. Мимо товарищей пронеслись вэвэшники со щитами, следом за ними бежал небольшой отряд «Беркута».

– Наверное, что-то случилось, – сказал Гена, провожая взглядом пробегающих милиционеров. Иван остановил одного из солдат.

– Что случилось? Куда бежите? – быстро задавал он вопросы.

– Наши вроде в наступление пошли! – протараторил вэвэшник и понеся вниз догонять товарищей.

– Слышал?

– Ага!

Не сговариваясь, товарищи побежали к автобусу. В салоне царила суета.

– Где вы бродите? – с порога вопросом встретил их Григорий Иванович. Он был уже полностью одет, со шлемом на голове.

– Одевайтесь и на улицу.

Надев броню, Иван искал по карманам маску. Заглянув в автобус, Силенков подогнал милиционера:

– Одного тебя все ждем! Выходи на улицу. Журба надел на голову шлем и выскочил из автобуса.

– Что ты копаешься? Давай в строй падай, – встретил опаздывающего бойца Григорий Иванович.

Протиснувшись в строю к переминающемуся с ноги на ногу Гене, Иван спросил:

– Ты моей маски не видел?

– А где ты ее оставлял?

– Да на сидении лежала, сохла.

– Может, кто вместо своей схватил?

– Может. Надо будет на месте поспрашивать. Командир, слушая радиостанцию, покусывал губу и нервно ходил перед строем. Его нервное поведение явно передавалось бойцам. Одни поправляли налокотники, перестегивали липучки, другие пристраивали на голове более удобно шлемы, третьи тихо переговаривались между собой, с тревогой поглядывая в сторону,

откуда слышались взрывы и раздавались крики.

– Командир, когда мы уже вниз пойдем? Надо товарищам помочь, – раздавались выкрики из строя. Остальные бойцы одобрительно поддержали товарища, строй загудел.

– Пойдем. Команды для нас не дают. Видно, пока сами справляются, – успокаивал милиционеров командир.

– Опять без сладкого останемся, – трагическим голосом сказал кто-то из строя. Все засмеялись. Напряжение немного спало. Минут через двадцать безрезультатного ожидания командир пожалел уставших бойцов и распорядился:

– Садимся по машинам и ждем команду. Экипировку не снимаем. Из автобусов не выходим.

Распорядившись, командир быстрым шагом пошел к машине. В автобусе разговоры велись только про наступление, гадали, пойдут на майдан или нет. Иван, заглядывая во все углы, искал свою маску.

– Это не она? – Ахтыркин показывал грязную, затоптанную тряпочку черного цвета. Журба взял в руки то, что еще совсем недавно было его маской. Отряхнув ее от грязи, он осмотрел свою вещь, по ней прошлось явно не меньше взвода.

– Наверное, упала. Ничего, постираешь и можно носить, – утешал товарища с улыбкой Гена.

– Наверное, кто-то у меня на сиденье печенюшки искал и маску на пол сбросил, – ответил Иван, с подозрением посмотрев на товарища, который с аппетитом уминал галетное печенье.

Находько сделал лицо невинного младенца и, отрицательно покачав головой, нарисовал пальцем крест на животе, показывая, что это чистая правда.

– Ладно, – буркнул Иван.

– Потом постираем.

– Выходим строиться, – приказал незнакомый голос по рации, назвав позывной их подразделения.

Нестройной толпой «Беркут» поднялся на холм. Здесь снова начались баталии, в милицию летели камни и горящие бутылки. Бойцы с «Фортами» сразу заняли позиции у забора стадиона «Динамо», стреляя резиновой картечью, скорее для острастки, сдерживая зарвавшихся националистов. Вэвэшники, уперев щиты в решетки забора, прикрывали товарищей от летящих камней и стальных шариков. Радикалов, стреляющих из рогаток, значительно прибавилось. Вошедшие в азарт боевики, чувствуя свою безнаказанность, кое-где стреляли из травматических пистолетов и уже не одна резиновая пуля, смачно чавкая, врезалась в щиты милиции. Свою безнаказанность радикалам было от чего ощущать: патроны с резиновыми пулями у

силовиков заканчивались, а новых почему-то не подвозили, приходилось стрелять резиновой картечью, которая эффективна на расстоянии не более пяти метров, а так близко радикалы подходили редко. Газовые гранаты, что вчера подвезли, могли взорваться прямо в руке и бойцы опасались их бросать. Иван вчера стал невольным свидетелем, как один из бойцов пытался бросить гранату из новой партии. Когда он размахнулся, вырвав кольцо, граната разлетелась у него в руках, оглушив еще двух человек, стоящих около него, а милиционера с травмой глаза и разорванными пальцами срочно увезла «скорая». После этого и еще нескольких подобных инцидентов желающих бросать новые гранаты существенно поубавилось. Пользуясь тем, что ответный огонь со стороны милиции ослаб, боевики лезли отовсюду, усиливая безнаказанный натиск.

Приподняв запотевшее забрало, Иван высунулся из-за щита вэвэшника посмотреть окружающую обстановку. Вдруг горящая бутылка, разбившись о щит, бросила клубок пламени и горящие брызги прямо ему в лицо, обжигая кожу и опаливая брови и ресницы. Закричав, он отпрянул назад, заметив убегающего долговязого радикала в темно-синей куртке, бросившего бутылку. Подскочивший пожарник обдал из порошкового огнетушителя всех, кто находился около горевшего щита, сбивая огонь. Иван пытался снять шлем, но никак не мог справиться с застежкой.

– Дай я, – услышал он голос Гены, который ловко расстегнув замок, стащил с товарища шлем. Аккуратно струсив порошок, он, подняв за подбородок лицо друга, внимательно осмотрел его. Один глаз у Ивана не открывался, запечатанный обгоревшей ресницей, осмоленные брови со спекшимися волосами, присыпанные порошком, казались седыми, ярким пятном выделялся красный ожог на лице.

– Да вроде не сильно, а вообще неплохо ты выглянул, – вынес свой категорический вердикт Гена.

– Что, печет? – с сочувствием спросил он у товарища, который обтер брови и, обмяв обгоревшую ресницу, пытался раскрыть глаз.

– Даже не пойму, как-то интуитивно немного успел отвернуться. Повезло. Но эту суку, которая бутылку кинула, я хорошо запомнил. Найду – убью! – с ненавистью сказал Иван, кривясь от боли.

– Глаз целый. Иди к автобусу, там фельдшер посмотрит, – отправил бойца Олег Викторович.

Стоявшие вокруг Ивана товарищи с сочувствием смотрели на него, ведь на его месте мог оказаться любой. Набросив на голову капюшон и взяв в руки шлем, спецназовец побрел к автобусам.

Лицо нестерпимо жгло, особенно левый глаз.

– Если поймаете такого длинного пи…ра в темно-синей куртке, мне оставьте. Хочу с ним поговорить, – попросил Журба, повернувшись к стоящим товарищам.

Возле автобусов он быстро нашел фельдшера, разговаривающего по телефону.

– О господи! Где это тебя так угораздило? – воскликнул медик, увидев лицо бойца.

– Как в том анекдоте получилось: «И зачем я туда полез? Я и читать то не умею».

Быстро попрощавшись с абонентом на другой стороне трубки, медик обратился к Ивану:

– Пошли, нужно обработать. Где же это ты так влип?

– Там, возле забора, – односложно ответил он. Обтерев лицо мокрым бинтом и забрызгав «Пантенолом», медик посмотрел на сбитую руку милиционера.

– Кого это ты бил? – спросил он, прижигая йодом ссадины на руке.

– Еще никого. Наверное, об щит разбил, не знаю, даже не заметил, – ответил боец.

– Пойди в автобус, посиди, – посоветовал фельдшер.

– Потом посижу. Спасибо!

Сняв бушлат, Иван хорошенько его вытрусил, снова надел, натянул на голову капюшон. Забросив в автобус шлем, он пошел к товарищам. Левое веко припухло и глаз плохо открывался. Журбе приходилось постоянно выглядывать из-под низко надвинутого капюшона, чтобы не врезаться в идущих навстречу людей.

В автобусе он сбросил капюшон с головы и завалился на сиденье.

– Вань, больно? – участливо спросил Одас, который был уже в курсе произошедшего с Журбой.

– Игорек, отвали. Нет, не больно. Больно будет тому, кто это сделал, – сказал он, прикрывая глаза.

– Есть будешь? – поинтересовался у товарища Гена.

– Нет.

– Может, чайку с бутербродами?

– Да отвалите вы от меня! Дайте человеку спокойно полежать! – сгоряча выкрикнул Иван.

– Все-все, успокойся.

Журба лежал и думал про себя: «Как же уже все достало – это топтание на одном месте, непонятно, когда закончится. Сколько можно уже в этом Киеве сидеть?». Громко зазвонил телефон в кармане бушлата.

– Да! – раздраженно гаркнул он в трубку. – А, извини. Привет. Да что-то настроения сегодня нет. Конечно, Мариша у меня все хорошо.

Боец притих, выслушивая новости из дома.

– Спасибо, – поблагодарил он жену за переданные приветы от родственников. Желания разговаривать не было никакого. Пекло обожженное лицо, и мимика приносила дополнительные мучения.

– Дорогая, я сейчас немного занят, давай тебе попозже перезвоню, – сказал Иван, избегая дальнейшего общения. Закрыв глаза и расслабленно вытянувшись на сиденье, ему хотелось спокойно полежать, чтобы никто не трогал, но разве это возможно в коммуналке – автобусе.

– Ой, извини, – попросил прощения Леха Каустович, зацепивший Ивана за ногу.

– Вань, сильно тебя обожгло? – с участием спрашивал Андрей Кольницкий, внимательно рассматривая лицо друга.

– Твою мать! – ругнулся Журба, встал и вышел на улицу. Здесь, надвинув поглубже капюшон, прогулочным шагом, не спеша он пошел в сторону парка. Погуляв минут двадцать и немного успокоив расшалившиеся нервы, он вернулся назад к стоянке автобусов. Здесь опять был переполох, бойцы выскакивали из автобусов и быстро становились в строй, офицеры, бегая от машины к машине, поторапливали своих подчиненных. Боец тоже надел бронежилет и побежал строиться.

– Журба, можешь остаться, – сказал командир.

– Разрешите, я со всеми.

Иван не любил, когда к нему проявляли сострадание или жалели его.

– Как хочешь. Только вперед не вылезай, а то камнем еще по башке получишь.

– Есть кого благодарить, – пробубнил Иван и выразительно посмотрел на Гену.

– Ты мне свою маску до второго пришествия вспоминать будешь. Я же не специально, – оправдывался Гена.

Иван хотел еще что-то сказать, но колонны зашевелились и пошли вниз. Возле баррикад все бурлило и клокотало. Силовики выстраивали фигуры «высшего пилотажа»: «черепаху», «заборы», «монолиты», прикрывая себя и товарищей от летящих камней, которые выбивали милиционеров одного за другим. Бойцы, у которых не было щитов, растаскивали баррикаду под прикрытием своих коллег. За спинами спецназовцев разрывался мегафон, пытаясь вразумить протестующих: «Громадяни, ви грубо порушуєте закон. Ваші дії носять антигромадський характер»,

повторял он раз за разом. Никто из майдановцев не обращал внимания на его бубнеж, продолжая заниматься своими делами. Иван и его товарищи бросились на помощь бойцам, растаскивающим баррикаду. Боец тащил очередной мешок с мусором, когда небольшой камень, отскочив от щита срочника, уже на излете стукнул его сзади по плечу. Думая, что его кто-то зовет, Журба повернулся, но позади него никого не было. Опустив вниз глаза, он увидел валяющийся кусок брусчатки. «В следующий раз может и в голову прилететь», подумал Иван. Каменный дождь со стороны радикалов быстро превращался в ливень, находя все новые и новые жертвы среди милиционеров. Силовики начали просачиваться между сгоревшими автобусами, разливаясь широким потоком с другой стороны. С каждой минутой сверху по Грушевского подходили отряды милиции. Иван вперед сильно не вылезал, наученный сегодняшним горьким опытом. Стоя позади товарищей, он высматривал среди скачущих радикалов своего «должника», бросившего горящую бутылку. Несколько раз он видел его долговязую фигуру в темно-синей куртке, мелькающую среди наиболее активных радикалов, но пока добраться туда возможности не было. Боевики, видя нерешительность милиции, которая стояла в обороне, закрываясь щитами, и не предпринимала никаких действий, осмелели. Уже некоторые из особо безбашенных подбегали почти к самой «черепахе», построенной силовиками, и старались камнем попасть в щель между щитами. Ощущая свою безнаказанность и подхваченные общим настроением толпы, к бросающим камни боевикам присоединялись люди, до этого стоявшие в стороне. Журбе было видно, как худощавая девчушка с подругами на пике эйфории вседозволенности, счастливо смеясь, бросала, покачиваясь при каждом броске, тяжелые куски брусчатки в сторону милиции. Камни летели недалеко, но это не смущало малолетних глупых активисток, было весело, а завтра в школе можно похвастаться перед одноклассниками участием в революции. Через несколько минут, устав, подружки отошли в сторону, уступив место более профессиональным метателям камней.

– Вперед! – выкрикнул кто-то в строю силовиков долгожданную команду.

Это было, как горящий фитиль, поднесенный к бочке с порохом. Устав быть «мальчиками для битья», бойцы сначала неуверенно, а потом все больше ускоряясь, побежали вперед. Сухо защелкали помповые ружья, выплевывая град резиновой картечи и создавая психологический эффект. До этого храбро бросавшие камни в пассивно стоящих бойцов, храбрецы, обгоняя друг друга,

бежали в сторону Европейской площади. Среди них еще попадались безумцы, кричащие: «Стоїмо! Стоїмо!», но увидев накатывающий вал силовиков, бросались догонять своих товарищей. «Беркут», обремененный щитами и опасаясь попасть под случайно брошенный камень, наступал не быстро, поэтому митингующие в основном успевали убегать. Оставались только те, кто, согревшись спиртным, уже не мог бежать, путаясь в ногах, и пробегавшие мимо силовики, обработав их палками, тащили в автозак, все еще веря в то, что задержанные понесут наказание. Правда, попадались некоторые неадекватные активисты, считающие, что в одиночку они смогут остановить, вызванную ими лавину, но после первого удара палкой осознавали ошибочность своей самоуверенности. Жестокость порождала жестокость, зло неизбежно порождало зло. Иван бежал в середине наступающих, оступаясь в заснеженные ямы, оставшиеся от выбитой митингующими брусчатки, успевал замечать исписанные стены зданий и валяющийся везде мусор и битые бутылки. Недалеко от него кто-то из старших чинов «Беркута», приставив к уху рацию, кричал: «Всем назад! Всем назад!», но чаша терпения бойцов была переполнена и на выкрики почти никто не обращал внимания, продолжая гнать радикалов. Добежав до гостиницы «Дніпро» силовики останавливались и, не зная, что делать, топтались на месте, оглядываясь друг на друга.

– Всем назад! – крикнул высокий крепкий спецназовец с рацией. Милиционеры стали пятиться назад. Отступлением и неуверенностью милиции сразу воспользовались боевики. Воспрянув духом, они хватали все, что попадалось под руку, и бросали в спецназ. Прикрываясь щитами, ряды силовиков начали отходить назад. Журба вместе с товарищами тоже возвращался назад на исходные позиции, выполняя приказ Силенкова, идущего вместе с бойцами. Проходя возле кучи шин, из которых митингующие строили свои баррикады, каждый милиционер подхватывал колесо и тащил его подальше, понимая, что через некоторое время оно может стать для него непреодолимым препятствием. На сгоревшем автобусе стояли несколько корреспондентов, щелкая затворами фотоаппаратов. Иван поглубже натянул капюшон. Бросив на большую кучу мусора колесо, он смотрел на вновь разгорающийся бой. Радикалы, пользуясь бездействием милиции, решили взять реванш, опять в бойцов, прячущихся за щитами, полетели камни, кое-где в толпе боевиков слышались выстрелы. Вверх потянулись пока еще робкие столбы черного дыма от разгорающихся колес, подожженных митингующими. Стоящий возле Ивана капитан Васильков задумчиво, с сожалением в голосе сказал:

– Ты знаешь, мне кажется, что сегодня мы перешли свой Рубикон. Мы ненавидим майдан, а он ненавидит нас. И это уже не та ненависть, которая, как только что раздутый огонек, вспыхивает, чтобы тут же погаснуть под чувством вины или сострадания. Это ненависть, которая разгорается в груди ярким пламенем, раздуваемая сильными порывами ветра агрессии с противоположной стороны, затмевающая иногда красной пеленой безумия все чувства, даже инстинкт самосохранения.

Иван из-под капюшона посмотрел на капитана по-новому, как вроде видел в первый раз.

– Ну, вы даете, Владислав Васильевич. Не знал, что у вас есть поэтическая жилка.

– Да это когда-то в газете прочитал и запомнилось, – улыбаясь, ответил Васильков. – Кстати, ты своего обидчика нашел? – поинтересовался он.

– Да нет, быстро бегает, но надежда есть, – ответил Иван, махнув головой в сторону разгорающегося противостояния.

Не выдержав каменного дождя, милиционеры снова пошли вперед, догоняя и от души «благодаря» радикалов за синяки и ссадины, оставленные их снарядами. Мимо стоящих беркутов, поддерживая под руки, провели молодого вэвэшника с окровавленным лицом, а через несколько минут прошел спецназовец, баюкая опухшую, безвольно повисшую руку. Вверху «скорые», воя сиренами, сменяли одну за другой, увозя раненых милиционеров. Несколько вэвэшников тащили перепуганных, грязных радикалов, которые еще несколько минут назад с таким упоением бросали в них камни, а сейчас размазывали кровавые сопли по лицу. Силовики, разгонявшие боевиков, возвращались назад, выстраиваясь в боевые порядки. Перед шеренгами милиции начали подниматься угольно черные столбы дыма от быстро разгорающихся шин.

– Ну, вот и чистый воздух пошел из Галичины, – сказал Андрей, кивнув головой в сторону заслонившей небо черной тучи.

От Кабмина спускались свежие колонны вэвэшников, вместе с ними пришел и командир с майором Барсуковым.

– Олег Викторович, уводите людей к автобусам, а мы здесь с Константином Викторовичем еще постоим, – отдал команду полковник.

Силенков во главе нестройно растянувшейся толпы «Беркута» пошел наверх. В автобусах уставшие бойцы, сняв экипировку, валились на сидения. Иван снял броню и вышел на улицу, разыскивая фельдшера. Его он нашел возле одной из «скорых», где он помогал бинтовать голову еще совсем юному, безусому

срочнику, по лицу которого были размазаны кровь и слезы. Увидев Ивана, медик спросил:

– Что, лицо обработать?

– Да, если можно, – попросил боец. Внимательно осмотрев лицо, фельдшер вынес вердикт:

– Нормально, веко уже лучше, опухоль немного спала, сильных ожогов нет, думаю, дня четыре-пять и будешь как новенький. Руку еще раз йодом помазать? – спросил он, обработав лицо.

– Спасибо. Не надо.

Иван пошел обратно к автобусу.

– Вань! – окликнул его стоящий около микроавтобуса с открытыми задними дверями Чиж Мирослав. Он, счастливо улыбаясь, жевал печенье, запивая его чаем.

– Чай будешь с печеньем? Пацаны угощают, – кивнул он в сторону стоявших около него парней в милицейской форме.

Чиж – милиционер второй роты, в «Беркуте» служил уже давно и как говорят: «Пенсия его была уже не за горами». Имея высшее образование, Мирослав старшим прапорщиком ходил не первый год и сколько ему ни предлагали стать офицером, всегда отказывался. Веселый и заводной характер Мирослава товарищам нравился, хотя иногда он мог их и по-дружески поддеть. Чиж просто болел бодибилдингом, он упорно ходил в спортзал, гремя там железом, глотал протеин и витамины и подолгу стоя перед зеркалом, любовался бугрящимися мышцами, особенно ему доставляло удовольствие, когда кто-то одобрял его накачанную фигуру.

– Смотрю, Мирослав, ты скромностью не отличаешься. Это ж солдатам чай привезли, – сказал Иван.

– А что тут скромничать, дают – бери, бьют – беги, – заразительно засмеялся Чиж.

– Кстати я им печенья принес, так что все по-честному.

Ивану уже протягивали парующий кипятком одноразовый стаканчик с чаем.

– Держи печенье, – поделился из своих запасов Мирослав.

– Спасибо! – поблагодарил милиционеров Иван. Он отошел немного в сторону, чтобы не мешать подходившим солдатам, и стал возле Чижа.

– Вань, задержанных в автозак грузят, пошли, посмотришь, твоего обидчика нет? – позвал проходящий мимо товарищ.

Журба бросил в мусор недопитый стакан с чаем и пошел вниз, он все еще не терял надежды найти своего утреннего обидчика. Возле автозака стоял какой-то голый мужик в грязных чунях. Иван подошел поближе, чтобы рассмотреть показавшееся

ему знакомым лицо. Он узнал этого радикала, ведь это он в тулупе и папахе на голове не раз за прошедшие дни мелькал на баррикадах. Помнил, как он радовался вместе со всеми, потрясая своим ледорубом, когда очередной камень, брошенный его друзьями, находил свою жертву, как захваченный всеобщей эйфорией бросал в милицию бутылки с «коктейлями Молотова». Сейчас он подрастерял свой пыл, стоял, сгорбившись, возле милиционера.

– Держи, – отдал он задержанному ледоруб, видя тщетные попытки конвойного это сделать. Хотелось еще что-то добавить, но взглянув в глаза, как у испуганной, забитой собаки и услышав исходящее от него амбре перегара и давно не мытого человеческого тела, мысленно махнул рукой. Постояв еще пару минут, Иван пошел назад к автобусу. По дороге вспомнился вчерашний разговор с пожилым митингующим, все-таки как отличаются люди друг от друга. Мужчина лет сорока пяти, опрятно, но не богато одетый, спокойный, уравновешенный, сразу привлек внимание Журбы. Он не орал лозунги и речовки, спокойно ходил вдоль шеренги милиционеров, пытаясь завести разговор. Искал себе собеседника. Солдаты, уже привыкшие к любителям поболтать, молча его игнорировали, не реагируя на попытки привлечь внимание. Времени у Ивана было много, еще почти вся смена впереди, почему бы и не поговорить. Он привлек внимание мужчины, и они где-то около получаса спорили, отстаивая каждый свою точку зрения. Из этого разговора Журба сделал вывод, что если правительство, которое выберет народ после отставки Януковича, не оправдает их надежд и чаяний, то люди опять выйдут на майдан.

– Так это вечный майдан получится, – удивлено возразил Иван собеседнику.

– Да нет, власть будет бояться и станет работать для людей, а мы будем контролировать ее, – безапелляционно заявил мужчина.

– Вас сколько сейчас здесь в Киеве, ну сто тысяч. Ты что думаешь, после прихода нового правительства не наберется тысяч двести граждан, которых оно не устраивает? Вот тебе и новый майдан и так до бесконечности.

Иван понял, спорить с собеседником бесполезно. Этот идеалист был уверен, что во всем виноват Янукович, он не дает расцвести народному счастью. Переубедить его было почти невозможно. Аргументы, что лидеры оппозиции уже были в правительстве и ничего не изменили, натыкались на ответ: «Им не дали возможности раскрыть свои таланты». В конце концов, Иван сдался.

– Ладно, сколько людей, столько и мнений, – пошел он на

попятную.

– Иван! Иван! – выдернул из воспоминаний голос Кольницкого.

– Что? – недовольно спросил Журба.

– Ну, ты и завис. Я тебя со второго раза только докричался.

– Молодец. Что случилось? – не очень любезно поинтересовался Иван.

– Фрола «скорая» увезла.

– Ранили?

– Нет. Дыма надышался. Без сознания забрали.

– Как же это он умудрился?

– Да он и еще трое полезли горящие шины тушить без противогазов, а ветер дым к земле прижал, их и накрыло. Фрола и товарища его без сознания выволокли, а остальные проблевались немного. В «скорой» им капельницы поставили, сказали, жить будут.

– Ничего, и за это ответят, – сказал Иван, задумчиво смотря на черный жирный столб дыма, в который врезались серебряные струи воды – пожарных гидрантов.

Задумчиво сидя перед стеклом автобуса, на половину покрытым льдом, рассматривал в небольшое окошко, которое Иван вытаял рукой, проходящих мимо строем солдат со щитами. Он размышлял – если бы он вел дневник то, наверное, записал в него: 27 января 2014 года жуткий холод, градусник опускается до –15–17 ˚С, Автобус уже весь промерз и даже постоянно дующие теплым воздухом печки не могут его нагреть, тепло вылетает в многочисленные щели. Позавчера Кольницкий, уставший, заснул с закатанной маской на голове, опершись на окно, а когда проснулся, маска примерзла к стеклу, пришлось ее аккуратно выковыривать ножом. Днем пасмурно и солнце не выходит даже на короткое время, так что греться можно только возле бочек, в которых круглосуточно поддерживали огонь, подкидывая сырые дрова. Если бы солнце вышло, мы бы его все равно не увидели, потому что над нами постоянно висит черный дым от горящих покрышек. Этот дым достал не только «Беркут», на балконах верхних этажей дома, на который постоянно идет дым, вывесили баннер: «Здесь тоже живут люди», но майдановцев это мало интересует. Черные провалы сгоревших окон второго этажа осуждающе смотрят на позиции митингующих, на первом этаже стоят разбитые витрины полностью выгоревшего и разграбленного бутика. Во время пожара боевики забрасывали пожарных камнями и бутылками с горючей смесью, не давая им приблизится к подожженному магазину. Ивану вместе с товарищами, чья смена совпала с приездом пожарной машины,

пришлось щитами закрывать МЧСников, которые не давали разгореться огню. После этого подразделение не досчиталось еще восьми человек, их увезли «скорые», а Иван несколько дней мазал мазью, которую дал фельдшер, синяки и кровоподтеки на ногах, оставленные камнями. Ожоги на лице уже прошли, о них напоминают только зудящие красные пятна. Со стороны радикалов постоянно заботятся, чтобы огонь не погас, подбрасывая в него новые и новые колеса, а для большей ядовитости дыма костры поливают раствором селитры. Стоим по два часа позади солдат внутренних войск, нам полегче, мы стоим возле бочек, а ребята впереди в шеренге прыгают с одной ноги на другую, как пингвины в Антарктиде. От усталости и постоянного недосыпа засыпаешь стоя, особенно под утро. Сегодня над бочкой заснул Морячок и чуть не упал в костер, хорошо Каустович успел в последний момент схватить за бушлат и дернул назад. Коля долго матерился, тряся обожженной рукой, и возмущался за прожженный на рукаве бушлат. Ему посоветовали сильно не переживать, форма почти у всех была прожженная от искр, летящих из костра. Сидеть возле бочки нельзя, можно замерзнуть, постоянно нужно крутиться – только впереди нагрелся, спина уже замерзла, нужно поворачиваться спиной, так и крутишься все время, как курица на гриле, выглядывая, не идет ли смена. После того как поменяют, до автобусов топать минут пятнадцать вверх по Грушевского, скользя по льду. Автобусы поставили к Кабмину, чтобы в салоне было поменьше едкого вонючего дыма и жирной копоти от покрышек. От усталости наступает какая-то апатия и безразличие, становится все равно, лишь бы дойти до автобуса и поспать. Раньше были споры, обсуждения возникающих политических ситуаций, перспектив и дальнейшего развития событий в Киеве и в Украине, теперь всем все до лампочки. Сейчас по салону слышны редкие разговоры и постоянно чахоточный кашель. Есть тоже не хочется. Многие из пацанов в столовую не ходят, чтобы сэкономить время на отдых. Открывают тушенку, которую подогревают на автобусной печке, режут колбасу, сыр и по-быстрому поев, валятся спать. По пути, когда возвращаемся от баррикад к автобусам, многие забегают в фаст-фуд, так называют помещение на втором этаже дома по Грушевского, где срочники делают бутерброды с салом и колбасой, можно попить горячего растворимого кофе или чая. Откуда берется все это изобилие, вопросы никто не задает, просто привозит днем микроавтобус, есть и хорошо. У солдат можно попросить пару пятилитровых баклажек воды, которые пацаны тащат в автобус: с водой напряженка. Вечером дают по одной пол-литровой бутылке на человека вместе с сухпаем, поэтому каждый

автобус старается взять где-нибудь про запас, чтобы не пить из крана. Вчера днем выпал белый пушистый снег, а через полчаса он уже стал черный от копоти, падающей с неба. Наверное, так выглядели жители Помпеи, когда из Везувия начал сыпаться пепел на город. Мы все похожи на бомжей, которые вылезли из своей норы, грязные, одежда засаленная и вонючая. Умываясь в столовой горячей водой, тщательно по нескольку раз мылишь лицо, но гарь въедается в кожу, впитываясь в поры, и вымыть ее невозможно. Красные, воспаленные глаза, как накрашенные тенями, и «беркута» смеются:

– Девки бешеные деньги платят за тени, а тут вот бесплатно и еще суперстойкие, не смываются, нужно рецепт запатентовать.

Дым постоянно тянет в нашу сторону, наверное, потому, что от стадиона «Динамо» Грушевского уходит вверх, а теплый воздух по законам физики поднимается вверх. Майдановцы успокоились, камни и «коктейли Молотова» кидают только ночью, стараясь подобраться поближе вдоль домов и прячась в сожженных автобусах, стреляют фейерверками. Вчера один из салютов залетел в строй, где стоял Иван, и взорвался. Один из разлетевшихся в разные стороны выстрелов попал бойцу в ногу, ощущение было такое, что тебя ударили кнутом, а синяк на месте попадания приобрел лиловый оттенок. Он еще долго прыгал и матерился, посылая проклятья в адрес протестующих. Сегодня обещали первый раз отвезти на базу, выкупаться, может, удастся и постирать. Надоело мыться в туалете Кабмина, стоя над унитазом и поливая себе из баклажки, и в рукомойнике стирать нижнее белье, развешивая его на поручнях в автобусе. Спасибо сердобольным гражданам, которые приносят нам и носки, и домашние консервации, и печенье и конфеты. Понемногу бои на Грушевского стихают, устанавливается зыбкий мир.

Весело смеющихся и обсуждающих что-то бойцов отвлек голос фельдшера.

– Журбу не видели? Не могу ему на телефон дозвониться.

– Там, в автобусе сидит, – смеясь, ответил один из милиционеров и тут же закашлялся.

– Горло болит, – откашлявшись, пожаловался он фельдшеру.

– На вот «септефрил», рассасывай три раза в день, – поднимаясь в открытые двери автобуса, медик передал милиционеру таблетки.

– Журба, ты к врачу в поликлинику едешь?

– Да, да, уже выхожу, – ответил Иван, выходя на свежий воздух и зябко кутаясь в бушлат. Кашлял он уже давно, с неделю, а вчера поднялась температура и начался озноб. Фельдшер сказал:

– Нужно съездить в поликлинику, сделать флюорографию.

«Я еще долго продержался», думал Иван. Многие из его товарищей лежали в госпитале с ангиной или воспалением легких. Некоторые с температурой отлеживались в общаге. Подразделение таяло, как снег в жару. Почти все, кто остался в автобусе, кашляли и чихали, сплошной лазарет. Сквозняки в автобусах, постоянные стрессы и воздух, пропитанный дымом затухающих и потом опять разжигаемых шин, не способствовали укреплению здоровья.

– Пойдем, командир машину дал, чтобы по улицам не ходили. Не могу к тебе дозвониться, нет связи. Я двоих оставил возле машины и пошел тебя звать. Давай быстрее, – уже на ходу выговаривал бойцу фельдшер.

Ивана знобило; он поднял воротник и старался втянуть голову в плечи. Хотелось забиться где-нибудь в теплое спокойное место, чтобы тебя никто не трогал. Общаться ни с кем не хотелось.

– Отключил, батарею экономлю, – ответил он односложно, желая, чтобы от него поскорее отстали.

Возле машины, болтая с водителем, ждали два милиционера.

– Привет, мужики, – за руку со всеми поздоровался Иван.

– Ну что, все собрались? Поехали, – предложил водитель командира, – только повязки наденьте, а то если я заболею, кто командира возить будет?

– Да он сам отлично ездит, – засмеялся Голиков Максим, – а ты пока отдохнешь от трудов ратных.

Голиков был из третьего автобуса. Маленький крепыш, с веселым лицом, фанатично преданный спорту и культу здоровья. Он даже в мороз выходил на улицу в футболке заниматься. Позавчера прилетевший камень разорвал ему руку. Поначалу думал, пройдет, помазал йодом, перебинтовал, но рука сильно опухла. Пришлось ехать в поликлинику. Второй товарищ по несчастью постоянно смотрел в окно и ни с кем не разговаривал. Анатолий Дрошенко ехал лечить палец. Вчера у него была красная сыпь, но врач успокоил, что это всего лишь аллергия. Сегодня палец заболел в суставе. Но это все были отговорки – товарищи уже понимали, что Толик просто «косит», стараясь уехать домой. Он сломался – это было видно по его потухшим глазам и безразличию к происходящему. Анатолий изыскивал любую возможность, чтобы остаться в автобусе или общаге. В его внутреннем стержне уже появилась трещина и теперь с каждым днем она увеличивалась, грозя его переломить. И тогда человек может потухнуть, как еле тлеющий уголек, или совершать неадекватные поступки. В механике есть наука – сопромат –

определение прочности, жесткости и устойчивости материалов конструкции к нагрузкам. Но еще никто не придумал, как рассчитать предел допустимости моральных и физических нагрузок, при превышении которых внутренний дух человека – его стержень, ломается и что-то в нем незримо изменяется. Он теряет желание действовать, сопротивляться, бороться, расслабляется и просто плывет по течению с безразличием, разъедаемый невидимой ржавчиной сомнений и отговорок, жалостью к себе и безучастностью к окружающим. Через четыре дня командир отправит Анатолия Дрошенко домой, а кому-то вместо него из более-менее спокойного города придется ехать в этот ад. Еще через два месяца Анатолий уйдет на пенсию по состоянию здоровья и, бряцая медалями, будет рассказывать о своем героическом прошлом.

На улицу Пылыпа Орлыка, где находилась поликлиника МВД, с Грушевского доехали быстро. Иван вышел из машины и удивленно остановился. Это был совсем другой мир. Чистый белый снег, не покрытый черными хлопьями гари. Люди, спокойно спешащие по своим делам вполне дружелюбны, только смотрят на четверых грязных, засаленных бойцов удивленно и испуганно, стараются перейти на другую сторону улицы. Наверное, я бы тоже так сделал, если бы увидел людей, только что вылезших из преисподней, другого нереального мира, который видишь только по телевизору и все, что там показывают, кажется фантастикой. Удивление вызывает и поведение грязных парней в камуфляжных куртках с надписью «Беркут» на спине, они не стараются избивать мирных граждан, втаптывать их в землю, как показывают по телевизору. Просто стоят и удивленно смотрят по сторонам. Иван взял в руку снег, понюхал его, потом лизнул – настоящий. За десять дней, проведенных на Грушевского, он уже отвык от чистых, не почерневших от сажи улиц, от спокойной, размеренной жизни обычного человека. Уже стало обыденным: люди, кидающие в тебя камни, товарищи, горящие от разбившихся бутылок с «коктейлем Молотова», лунный пейзаж постапокалиптического мира, раскаленные бочки от круглосуточно поддерживаемого в них огня. В поликлинике, куда зашли бойцы вместе с фельдшером, посетители удивленно осматривали их с ног до головы. Их грязные пропахшие дымом куртки в гардеробной повесили в дальний угол.

– Наверно и нас сейчас где-нибудь в угол засунут, – пробубнил Голиков, смотря, с каким выражением лица взяла его куртку гардеробщица. Но его слова не подтвердились. Сначала они зашли в туалет; после Грушевского все было непривычно: душистое жидкое мыло и ветродуйка с теплым воздухом, чистый

унитаз, на котором нет следов грязных ботинок, и белый бачок, не залапанный черными от сажи руками.

– Я бы здесь и жить остался, – пошутил Иван, отмывая горячей водой лицо и шею от копоти. Чисто вымытые, с новенькими карточками, бойцы разбежались по врачам.

Иван сидел напротив терапевта, который внимательно рассматривал его флюорографию.

– В легких нет хрипов, снимок чистый, но дыхание тяжелое. Бронхит. Вам надо полежать и теплое питье, – порекомендовал доктор, что-то записывая в карточке. Журба усмехнулся своему неизвестному отражению в зеркале, висящем за спиной врача. На него смотрело совсем незнакомое лицо – красные, воспаленные глаза с черными кругами, непонятно – или от недосыпания, или от сажи, висящей постоянно в воздухе, впавшие щеки с трехдневной щетиной, резко очерченный нос. Можно прямо из кабинета на съемочную площадку, кино про каторжан снимать.

– И не надо ухмыляться. Здоровье ни за какие деньги не купишь, – сделал замечание медик, истолковав улыбку милиционера по-своему.

– Спасибо доктор, – поблагодарил Иван, выходя из кабинета. Достав телефон, он набрал номер фельдшера.

– Вань, ты в поликлинике побудь. Мы Макса в госпиталь повезли, – быстро протараторив слова, медик отключился.

– Хорошо, – ответил Журба в трубку, из которой уже раздавались гудки.

Спустившись вниз, в холле он забрал свою куртку, сиротливо висевшую в углу, и, усевшись на стул, рассматривал посетителей поликлиники. Интересно было видеть женщин в легких норковых полушубках, на высоких каблуках, громко цокающих по полу. Интеллигентного вида мужчина в длинном пальто с портфелем в руках, спешащий по своим делам. Все это было как-то чуждо ему, в то время, когда его товарищи глотают дым покрышек и падают под градом камней, здесь спокойная, тихая, сытая жизнь. Наверное, так же себя чувствуют солдаты, вернувшиеся с войны, попадая в мирное время, они не могут понять его. Входные двери открылись и на пороге возникла более понятная Ивану картина. Пятеро вэвэшников, такие же, как и он грязные, зашли в вестибюль поликлиники, удивленно осматриваясь по сторонам. Иван их понимал.

– Стойте здесь, – сказала им немолодая женщина, которая их привела, а сама пошла наверх.

– Можно? – спросил один из срочников, указывая на пустой стул около Ивана. Возле Журбы никто не рисковал садиться что, учитывая исходящий от него запах гари и внешний вид, не

удивительно.

– Конечно, садись.

Остальные товарищи сидящего возле Ивана солдата собрались у окна, что-то негромко обсуждая между собой. Вэвэшник, сидевший рядом, молча достал телефон и просматривал фотографии. Руки у него были грязные, сбитые на косточках, с черной окантовкой вокруг ногтей. Судя по его внешнему виду, за спинами товарищей не прячется. Периодически то один, то другой солдат захлебывался громким кашлем, выворачивающим все внутренности.

– Ребята! Сдаем куртки, поднимаемся! – негромко крикнула женщина, сопровождавшая солдат. Дружной стайкой они проскочили к гардеробу, сдавая куртки, после чего, построившись, пошли вверх по ступенькам. Иван откинулся на спинку стула и расслабленно закрыл глаза. Спокойная, умиротворяющая обстановка расслабляла. Нервное напряжение прошедших дней отпускало. Он даже немного задремал. В кармане раздался звонок телефона.

– Выходи! Мы уже подъехали, – позвал фельдшер. Назад возвращались уже без Голикова. Дрошенко все так же отрешенно смотрел в окно. Иван уже знал со слов фельдшера, что Анатолию поставили диагноз – вывих, посоветовали мазать мазью, чем он был очень расстроен.

– Что с Максом? – спросил Иван.

– В госпитале немного полежит, – ответил водитель. Возле окна тяжело вздохнул Дрошенко.

– Почистят, зашьют руку, будет как новенький, – улыбаясь, поддержал водителя фельдшер. Проехав перекрывающих дорогу возле Кабмина вэвэшников, заехали на территорию, где стояли автобусы «Беркута». Иван вышел из машины и в груди неприятно защемило. Так захотелось обратно, где чистый снег, а в воздухе не летают хлопья сажи, нет постоянного грохота – туда, где живут обычные люди. Настроение сразу пропало, исчезло ощущение какого-то праздника в душе. Поблагодарив фельдшера и водителя, боец молча пошел в автобус, кутаясь в свою грязную куртку.

Грохот по крыше автобуса мешал хоть немного подремать после смены. Казалось, что кто-то большими пригоршнями сверху сыпет горох на крышу автобуса, бросая то меньше, то больше. На улице шел дождь вперемешку с ледяной крупой и резкие порывы ветра бросали его, гремя по железной крыше и окнам. Лишний раз выходить на улицу никто не рисковал. Сегодня Иван чувствовал себя гораздо лучше. Температуры, которая держалась четыре дня подряд, уже не было дня два, и сухой лающий кашель,

разрывающий грудь и горло, понемногу стал проходить. Легче стало после того, как он два дня провалялся на базе, глотая пригоршнями таблетки и запивая их микстурой, которую дал фельдшер. Когда Иван вернулся назад на Грушевского, то с удивлением заметил, что возле баррикад стало спокойнее. Установилось негласное перемирие; радикалы не трогают нас, а мы не трогаем их, на том и порешили. После того как противостояние успокоилось, зазор между сменами сделали не два часа, а четыре и теперь можно спокойно отдохнуть и заняться своими делами. Через день в ночь отпускали на базу, в общежитие, где можно помыться и постирать вещи, выспаться, вытянувшись во весь рост на кровати. Иван никогда не думал, что спать на кровати такое блаженство, но после автобуса он это понял. Журба ногой задел Гену, который, мучаясь от грохота, вздыхал и ворочался на сидении. Он открыл глаза и сразу спросил:

– Пошли в столовую, в Кабмине по пирожному с чаем слопаем? Что-то сладенького захотелось.

Журба посмотрел в окно. Дождь вроде немного утих.

– Погода мерзкая, не хочется и выходить лишний раз В животе предательски заурчало.

– В принципе – если пробежаться, давай сходим, – согласился Иван.

– Пойдешь в столовку в Кабмин? – поинтересовался Гена у Одаса.

– Пойду. Там не дорого? – заволновался Игорек.

– В таких заведениях дорого не бывает. Притом, мы много набирать не будем – по пирожному и чаек, – успокоил его Гена.

– Тогда пошли. Печку выключить или пусть дует? – поинтересовался у остающихся в автобусе товарищей Игорь.

– Пускай дует, – крикнули ему в ответ.

– Пар костей не ломит, – сказал пословицей Саркис, как всегда зависший в своем телефоне.

На улице было сыро, мелкий дождь и ветер быстро выдувал тепло. Под ногами был сплошной лед, и друзья, стараясь не упасть, осторожно поплыли к высоким дверям Кабмина. Во дворе все было посыпано солью, можно было идти, не боясь поскользнуться. Быстро проскочив двор, не привлекая лишнего внимания, милиционеры зашли в столовую.

– Смотри! Кое-кто уже жирует, – сказал Гена, показывая в сторону Каустовича и еще нескольких бойцов, сидящих за столиком. Увидев друзей, Леха заулыбался и приветливо помахал им рукой. Очереди не было, поэтому быстро выбрав, кто что хотел и, оплатив на кассе, милиционеры уселись за стол, застеленный

белоснежной скатертью. Гена, запихиваясь пирожным, с полным ртом сказал:

– Вкуснотища. Я, наверное, схожу еще одно пироженко возьму.

– Возьми, возьми, маленький. Улыбающийся Одас, не скромничая, рассматривал девушку, сидящую за соседним столиком. Она, смущаясь под беззастенчивыми взглядами Игорька, краснея, быстро доедала салат.

– Игорь! – стукнул по ноге Иван. – Ты в ней сейчас дырку прожжешь. Нас из-за тебя сюда пускать перестанут.

– Я любуюсь красотой, – громко, так, чтобы слышала девушка, сказал Одас.

– Куда они денутся. Пускать не будут. Кто еще их черствые пирожные есть будет, как не он? – полушепотом добавил Игорь, кивая головой в сторону подошедшего к столу Находько.

– Хорошие пирожные, – стал на защиту Гена, ставя на стол тарелку с бисквитами.

– Ты же сказал одно? – улыбаясь, обратил внимание на непомерный аппетит друга Иван.

– Не смог удержаться. Вот это я еще не пробовал. Женщина на кассе сказала, очень вкусное.

– Быстро разжиреешь, если будешь столько сладкого есть, – предупредил Одас.

– Позанимаюсь в спортзале лишние полчасика и все калории вылетят, – беспечно ответил Гена.

Объект наблюдения Одаса быстро допила сок и, схватив сумочку, выскочила из столовой.

– Эх, ушла, – расстроено сказал Игорь. Посидев еще минут десять, подождав, пока Гена доест, милиционеры вышли из столовой. Сзади их догнал Каустович.

– Вы к автобусам? Гена кивнул головой.

Уже спускаясь вниз в сторону выхода из Кабмина, Журба заметил знакомое лицо, промелькнувшее навстречу.

– Подожди, – остановил товарищей Иван.

– Что там такое? – спросил у друга Леха Каустович.

– Это только что возле нас Царев прошел?

– Вроде бы он. А что?

Иван развернулся и устремился вслед за депутатом.

– Олег Анатольевич, я извиняюсь, можно Вас отвлечь на минуточку?

Народный избранник остановился, повернулся к «беркуту», с удивлением поднял брови. Журба подошел ближе и, смотря прямо в глаза Цареву, сказал:

– Олег Анатольевич, мы с ребятами Вас очень уважаем за

вашу принципиальную позицию, которую вы не меняете, несмотря ни на что, и прямолинейность. Вы не боитесь высказывать прямо в лицо оппонентам свое мнение.

Сзади к Ивану подтянулись товарищи.

– Вы в Раде принимайте правильные законы, а мы здесь их будем претворять в жизнь, – вставил свои «пять копеек» Леха.

– Договорились. – Царев протянул большую, крепкую, мужскую ладонь, которую Иван крепко пожал.

– Спасибо, ребята, вам за вашу работу, – с улыбкой поблагодарил депутат. Покрасневший боец смущенно ответил:

– Да не за что.

Из-за спины милиционера пожать руку потянулись и остальные бойцы. Пожимая каждому руку, Царев повторял:

– Спасибо, ребята.

– Ладно, пошли, – позвал товарищей Иван.

– До свидания, Олег Анатольевич.

– Удачи, мужики. Держитесь.

Довольные милиционеры, весело переговариваясь, пошли в сторону выхода из Кабмина. Перед выходом возле турникета Иван свернул в сторону.

– Вы идите, а я еще в туалет заскочу, – предупредил он товарищей.

Возвращаясь из Кабмина, Иван подошел к товарищам, стоящим за автобусом. Бойцы как раз обсуждали вместе с друзьями из Львовского «Беркута» версии дальнейшего развития ситуации на Украине и на майдане. Взгляд Журбы привлек Николай Линенко, который стоял в стороне от всех и нервно курил. Лицо его было бледным, а потухший взгляд скользил по колоннам и окнам здания напротив, ни на чем конкретно не останавливаясь. Создавалось впечатление, что милиционер находится в прострации и мысли его где-то далеко.

– Ген, ты не знаешь, что с нашим Морячком твориться? Уже второй день ходит как в воду опущенный, – обратился с тревогой в голосе к другу Иван.

– Ну, ты даешь! Вань, ты что, не слышал? В интернет кто-то выбросил информацию, что Колян участвовал в задержании активистов на Грушевского. Откуда вытянули имя, фамилию, год рождения – непонятно. Даже адрес узнали. У жены взломали страничку в «Одноклассниках». Пишут, что если муж не уволится из «Беркута», спалят вместе с квартирой. У них частный дом на три семьи, так соседка, когда узнала про угрозы, прибежала и жене Морячка закатила скандал: «Тебя палить будут и мы вместе с тобой сгорим». Жена вся в слезах давай Коле названивать. Он позвонил отцу, тот егерем работает. Батя взял ружье и ночует у

невестки с внуком. Жена сына в садик не водит, боится на улицу выходить. Батя ходит скупиться в магазин. Коля за семью переживает, звонит им постоянно.

– Да, я б теж хвилювався. Диви які падлюки, жінок та дітей залякують, курви, – возмутился львовский спецназовец. Он и не знал, что их ожидает буквально через месяц. Потом после приезда с майдана Иван, созваниваясь с друзьями, узнал, что возвращающихся из Киева бойцов львовского «Беркута» встречали радикалы всех мастей с заложниками из числа семей спецназовцев. Вытаскивая из автобусов и избивая офицеров и сержантов, погнали их на сцену, где угрозами заставили просить прощения и стать на колени, снимая все это на видеокамеру. В толпе перед сценой под охраной боевиков стояли дочери, жены, матери и смотрели, как издеваются над их отцами, мужьями, сыновьями и молча глотали слезы. Но это все будет потом, а сейчас все переживали за Линенко.

– Может, командира попросить, чтобы отпустил Колю домой? Пусть семью в безопасное место перевезет пока все не разрулится, – выдвинул пришедшую в голову идею Ахтыркин.

– Уже командир дал добро, завтра поедет, а сегодня он позвонил начальнику УВД, поставят возле дома наряд пэпээшников, – пояснил всезнающий Гена.

– Может, деньгами братану скинемся? – выдвинул идею Саркис.

– Правильно! По полтинничку. Ему и на дорогу, и семье на первое время будет, – поддержал друга Кольницкий.

– А это идея. Вот ты, Андрюха, и займись общественно полезным делом. Обойдешь автобусы и объяснишь мужикам, на какое благое дело надо денег сдать. В третьем автобусе попросишь Бодренко Семена, пусть с Колей по душам поговорит, успокоит парня. Если ему нужен помощник психолога, у Одаса пускай возьмет. У него всегда на всякий случай фляга коньяка в сумке лежит.

– Хлопці, якщо від нас яка допомога потрібна, то ви кажіть, не соромтесь. Як то кажуть, чим зможемо допоможемо, – предложил свою помощь высокий прапорщик из Львова.

– Да нет, Олесь, спасибо большое, мы с этим вопросом как-нибудь сами справимся, – поблагодарил друга Иван.

– Нашим хлопцям теж есемески приходили з погрозами. Потім хлопці вирахували, яка падло з управління кадрів телефони віддала майданівцям. Добре йому пику натовкли, він ще грошей дав, щоб тим, чиї він телефони передав, нові стартові пакети купити, – Олесь говорил на украинском языке, но все собравшиеся его прекрасно понимали, хотя сами разговаривали

на привычном им русском.

– Ментовка – это отличная копилка для хранения тайн и секретов, похожа на дуршлаг, из которого все вытекает. Я не удивлюсь, если наши данные уже есть в интернете, – возмущенно чеканя слова, выразил свое мнение Ахтыркин.

– Я в инете читал, – начал Саркис, – создаются специальные группы мониторинга, которые вычисляют персональные данные силовиков; потом через адресное бюро устанавливают адреса и эту информацию выкладывают на своих сайтах и в социальных сетях. В начале января на одном из сайтов опубликовали данные на полторы тысячи «Беркутов» и список постоянно пополняют.

– Вот черт, а куда власть смотрит? Есть же в милиции подразделения по борьбе с киберпреступностью. Пускай заблокируют этот сайт, привлекут владельцев к ответственности, – от возмущения лицо Гены покраснело.

– Я, мабуть, вже піду до своїх, бо вже замерз, як вовкулака у лісі, – посиневшими губами сказал Олесь. – Оце того тижня видали берци на «риб'ячому хутрі», на вулиці через півгодини ноги льодом вкриваються. Ну все, до побачення.

– Давай, пока! Забегай, как время будет, – попрощались с товарищем бойцы.

После холода продрогших милиционеров разморило в теплом автобусе. Только Гена все не мог успокоиться. Он позвонил жене и начал давать ей указания:

– Поудаляй все фотки из контактов, на которых я есть, и поменяй фамилию на своей страничке. Да нет, ничего страшного не случилось; просто пришел приказ из главка убрать все фотографии и закрыть странички в соцсетях. Да нет, тебе не надо страничку закрывать, просто поменяй фамилию. Ну, какую? Впиши Геворгиян, как у нашего соседа. Я не думаю, что ты дурочка. Напиши свою девичью. Ладно, я пошел, а то у нас построение. Все делай, как я сказал! Обнимаю! – уже на повышенных тонах быстро попрощался Гена.

Иван, развалившись на сиденье, наблюдал за товарищем из-под прищуренных глаз, ехидно улыбаясь.

– Ген, ты зачем это сейчас сделал? – тихим вкрадчивым голосом поинтересовался Иван.

– Что сделал? – опешил от непонятного вопроса товарищ.

– Ты расшевелил пчелиный рой, – с лицом, как у Шерлока Холмса, который объясняет Ватсону элементарные вещи, просветил друга Иван. – Нет ничего страшнее в жизни, чем неудовлетворенное женское любопытство. Сейчас твоя жена позвонит моей и спросит, поменяла она фамилию или нет. Передаст твой с ней разговор. После чего моя жена станет

названивать мне с вопросом – почему я ей ничего не говорю, и она все должна узнавать от других людей.

– Ладно, Экюль Пуаро, скоро наша смена, может в фаст-фуд сходим? – пригласил, улыбаясь Гена.

– Холодно на улице, может, тушенки откроем, – начал отнекиваться Иван.

– Тушенка – это НЗ, пусть еще у меня под сидушкой полежит. Она не испортится, лучше бутербродов с горячим чаем поедим, – надевая бушлат, пояснил ситуацию Ахтырский.

– Эх, уговорили. Только, Мишань, набери Силенкова, скажи, что мы сразу придем туда, где стоять будем. Так что сразу все надеваем и шлемы берем с собой. Коль, пойдем, перекусим, – позвал с собой друга Иван.

– Да что-то не хочется, аппетита нет, – флегматично ответил Николай.

– Пойдем, а то послезавтра домой приедешь, жену с сыном сил обнять не будет. Не переживай, там батя, наряд ментов, никто не сунется, – успокаивал друга Гена. Уже на выходе в дверях у Ивана зазвонил телефон. На дисплее светилось «любимая».

– Ну что я говорил? – показал он телефон Гене. – Оперативненько! Да, солнце, вот собрались перекусить перед службой. Что? Плохо слышно. Гены жена собралась фамилию менять? Да если бы я был женой этого обалдуя, давно бы сменил фамилию.

Все, кто шел рядом с Иваном, заржали, а Гена, покачивая головой из стороны в сторону, погрозил товарищу кулаком.

– Просто пятый внебрачный сын нашего Казановы – Геннадия, недавно узнал, что фамилия его отца Находько, и теперь он ищет своего нерадивого папашу в интернете. Вот он и шифруется.

Все вокруг Ивана уже плакали от смеха. Смеялся даже Николай. Только Гена стал красный как рак.

– Я ему говорил, – продолжал веселить публику Иван, – что если сынок напишет в «Жди меня», то придется нашего друга везти под конвоем, перевязанного большим красным бантом.

– Балабол! – не выдержав, засмеялся Гена.

– О, у дураков мысли сходятся. Только что так меня назвала жена, – ничуть не обижаясь, сквозь смех уточнил Иван. Немного отстав от коллектива Журба, прикрыв рукой трубку, чтобы не было слышно, серьезным тоном сказал:

– Да шучу я, – и кратко обрисовал ситуацию, произошедшую с Колей.

– Ты тоже поудаляй все ненужное в интернете. Ладно, буду в маске и спать ложиться. Все, пока. Целую!

Иван догнал весело смеющихся товарищей, уже входящих в

ворота гостеприимного дома.

После службы, как всегда, автобусы осторожно парковались возле общаги, подсвечивая себе фарами, Бойцы, не дожидаясь, когда автобус остановится, выпрыгивали из открытых дверей, стараясь не попасть в подмерзшие лужи.

– Общее построение! – услышал Иван голос зам. командира. Командир построил всех под фонарем, который мертвенно-бледным светом освещал уставшие лица бойцов. Медленно проходя вдоль шеренг, полковник пристальным взглядом всматривался в своих подчиненных, на которых плясали причудливые тени от дрожащего на ветру фонаря. По лицам стоящих в строю хлестал мокрый снег с дождем, заставляя прятать мокрые лица в воротники, натягивать шапки поглубже на глаза. Капюшонов на бушлатах уже почти ни у кого не было. Их поотрывали в многочисленных столкновениях с майдановцами. Мерзкая погода и внезапное построение стоящим радости не прибавляли. Резко остановившись перед строем, командир повернулся к стоящему за его спиной Василькову и спросил:

– Сегодня у нас какое число, не помнишь?

– Двенадцатое, товарищ полковник, – поспешно ответил Василек.

– С этими проблемами вообще уже в днях потерялся, – негромко проговорил командир. Снова повернувшись к милиционерам, он строго посмотрел на строй. Все замерли, гадая, что сейчас скажет командир.

– Долго вас не задержу, – начал он. – На улице не месяц май. Мы с вами за эти два с половиной месяца много чего пережили, поэтому скрывать то, что касается непосредственно вас, не имею права и не хочу.

Выдержав небольшую паузу, продолжил:

– Буду откровенным, сегодня на меня выходили люди из оппозиции, предлагали деньги, скажу вам, деньги немаленькие, если мы с вами завтра уедем домой. То есть, как они говорят, перейдем на сторону народа, – закончив говорить, полковник остановился и пристально стал всматриваться в глаза бойцов, при этом играя желваками. В строю установилась гробовая тишина. Ребята поглядывали друг на друга, в глазах стоял немой вопрос: «Что делать»? Где-то в середине строя раздался голос, полный гнева и обиды:

– Да пошли они на х…, за кого эти сволочи нас принимают!

Тут же Иван услышал голос Карася.

– Мы за тридцать серебряников не продаемся!

И сразу над строем возник недовольный гул, все обсуждали новость, многие возмущались, но желания получить деньги никто

не высказывал. Командир, немного послушав и понаблюдав за гудящим как растревоженный пчелиный рой строем, дал высказать свое мнение и, видя, что выражающие свои эмоции подчиненные начинают устраивать балаган, пресек разговоры.

– Все успокоились! Тишина, я сказал! Приученные к дисциплине все сразу успокоились и в строю установилась тишина. Только вверху стучали обмерзшие ветки деревьев, раскачиваемые ветром. Уже никто не обращал внимания на противный дождь, все внимательно смотрели на командира, жадно ловили каждое его слово, слушая, что он скажет.

– Мне очень приятно, – начал говорить полковник, – что я возглавляю подразделение не трусливых Иуд, готовых за бабки продать свою честь и совесть, а настоящих бойцов, знающих, что такое долг и верность присяге. Я горжусь тем, что в строю среди вас не услышал мнения взять деньги и, бросив все, уехать. Тем людям, которые передали мне предложение насчет денег, я четко ответил:

– В Киев мы приехали по распоряжению министра МВД и только он может отдать команду вернуться назад. «Беркут» за деньги не купить! И я вижу, что у каждого из вас есть чувство собственного достоинства. Вы честно выполните свой долг!

– Да!!! Да!!! Да!!! – взревел строй.

– Командир, веди нас на майдан, мы их голыми руками порвем. Зубами грызть будем, – раздавались выкрики из строя.

– Ну, тише, тише, раздухарились, – успокоил разыгравшиеся страсти командир. – Я вам все это рассказал не для того, чтобы вы где попало языками полоскали, а чтобы вы поняли – я вам доверяю и вы меня не подведите.

– Командир, чего мы ждем, почему до сих пор не зачистили майдан? – раздался голос с конца строя. Сразу его подхватили еще несколько голосов.

– Когда уже они там, наверху, в большую политику наиграются? Домой уже пора ехать. Сидим в этом Киеве как дураки, уже весна скоро.

– А ну замолкли! – оборвал выкрики полковник.

– Будет приказ, разгоним. Ведете себя как банда анархистов. Политика нас не касается. Мы выполняем приказы. Разойдись!

Настроение командира сразу испортилось.

Глава 4

Утром 18 февраля, собираясь на службу, мы и не предполагали, что сегодня день, когда история начнет трещать, согнутая деньгами олигархов и западных стран, желанием некоторых политиков, не взирая ни на что, дорваться до власти и ввергнуть Украину в анархию и хаос, уничтожив при этом тысячи жизней, поломав миллионы судеб. Никто из нас даже не мог предположить, как этот день закончится.

Как всегда, проверили людей, доложили по рации, и автобусы поехали на Грушевского. По дороге, впадая в дрему, пытаясь урвать еще хотя бы полчаса сна, Иван лежал на двух сиденьях, стараясь сохранить равновесие, когда автобус вскакивал в яму или резко тормозил на светофорах. Людей в автобусах осталось немного, поэтому можно было прилечь и вытянуть ноги. Иван отключился и проснулся, когда автобус парковался, заскакивая на бордюр. По радиостанции раздался голос командира:

– Через час одеваемся и находимся возле автобусов.

– Что там у нас сегодня намечается? Какие новости? А ну просвети нас, Саркисов, – попросил Гена.

– Да ничего сверх важного. А, вот нашел: сегодня оппозиция будет ставить на голосование возврат к Конституции в редакции 2004 года.

– И что это значит? – спросил Андрей Кольницкий.

Сергей на некоторое время замолчал, просматривая сайты на своем чудо-телефоне.

– Слушаете? – поинтересовался он, посмотрев на товарищей.

– Давай уже читай. Устроил ликбез в автобусе. Сейчас телефон отберем и сами прочитаем, – начал заводиться Миша Ахтыркин.

– Ладно, сейчас расскажу, – примиряюще заверил друзей Сергей. – Во-первых: полномочия Президента ограничиваются, а Парламенту даются более широкие полномочия в формировании правительства. Во-вторых, создание коалиционного правительства – устойчивого большинства Правительства.

– Саркис, я что-то из твоего чтения ничего не понял. У меня высшее образование по специальности «преподаватель физического воспитания», а не «политолог». Ты более доходчиво пояснить можешь, что хорошего в этой новой – старой Конституции, – раздраженно попросил Леха Каустович.

– Парламент в течение месяца после своего избрания должен сформировать коалицию и в течение 60 дней Кабмин, а если не сформирует, Президент имеет право распустить Верховную Раду.

Следующее: все министры будут подчиняться парламентскому большинству и премьеру, кроме министров силового блока. Президент вносит на утверждение в Раду кандидатуру генпрокурора, но уволить его может только с согласия Верховной Рады. Ну, а сейчас Президент подает кандидатуру премьера, за которую голосует Рада, указом Президента назначаются министры, которые подчиняются ему и премьеру. Вносит кандидатуру генерального прокурора на утверждение в Раду, но может его уволить своим указом. Президент своим указом назначает глав местных администраций. Вот в принципе и основные отличия двух Конституций, – закончил пояснять с помощью своего телефона Саркисов.

– Мы уже все это проходили. Для народа ничего не поменяется. Конституция, которую предлагает оппозиция, уже была при Ющенко. Как следствие, противостояние двух ветвей власти, политический кризис 2007 года. Мы тогда еще под Конституционным Судом стояли, а регионалы и оранжевые людей привозили. Контингент там стоял такой, как сейчас на майдане, только флаги были другие и радикалов не было, – вспомнил Гена события своей молодости.

– Короче, понятно, почему майдан за Конституцию 2004 года. Если ее примут, они без работы не останутся. Депутаты в Верховной Раде перегрызутся, Президент их разгоняет, вот и работа. Только лозунги и флаги меняй. Нормальный бизнес, – сделал свои выводы Ахтыркин.

– Я думаю, что большая половина людей из тех, кто сегодня придет на пикет под Верховную Раду, не то что не знает отличий одной Конституции от другой, но даже не интересуется этим. Для них все равно, какая форма правления: президентская или парламентская, у них другая форма стимуляции. Помнишь, на Грушевского вэвэшники блокнот у задержанного нашли, в котором таблица была, а напротив фамилий цифры записаны за каждый день. Поначалу 100, потом 200, а напротив некоторых фамилий цифры 300 и 350, вы думаете, это он учет артериального давления у активистов вел? Кто лучше за новую Конституцию борется, тому больше дивиденды, остальным что останется. Так это был всего лишь десятник самообороны! Кто платит, тот и музыку заказывает, – высказав свою точку зрения, Иван встал, потянулся и продолжил: – Надоела эта политика, грязное это дело. Пойду на улице постою. Сегодня хорошо, дыма нет и солнышко иногда выглядывает.

– Подожди Вань, я тоже с тобой выйду проветриться.

На улице было по-весеннему тепло, лед около автобусов растаял, и между брусчаткой текли ручейки. Из автобуса

выскочил Саркисов. Мимо стоящих милиционеров, разбрызгивая мокрый снег, проехал бульдозер, за ним следом оранжевый КамАЗ коммунальщиков.

– Сходим, посмотрим, что внизу творится? – предложил Сергей.

– Можно. Только разрешение спроси. Вон Силенков возле машины сопровождения стоит, курит, – кивнул головой Журба в сторону зам. командира.

– Таможня дает добро! Только сказал, чтобы защиту на себя надели, – сообщил запыхавшийся Саркисов.

– Ну, тогда пошли, – сказал боец.

Иван, Гена и еще несколько бойцов стояли возле «Газели» с громкоговорителем и смотрели, как бульдозер коммунальщиков сгребает лед и мусор по Грушевского и грузит его на оранжевые КамАЗы, которые стараются побыстрее уехать с неспокойной улицы. Лед был твердый, утрамбованный солдатскими ботинками, перемешанный с мусором и вмерзшими поддонами. Поэтому небольшой бульдозер упирался, пробуксовывал, выбрасывая из трубы клубы черного дыма, но все равно делал свою работу. Старичку было явно тяжело. На скосе, где все было превращено в грязь спускающимися и поднимающимися бойцами, лазили два парня в ярко-оранжевых жилетах, собирая и сбрасывая вниз дощечки с творчеством «Беркута» и вэвэшников. Внизу еще один коммунальщик собирал их и забрасывал в ковш бульдозера.

– Может, снимут? Смотри, уже бульдозеры мусор убирают, сегодня баррикады разберут. Может в Раде договорятся по нормальному. Должен когда-нибудь здравый смысл, наконец, наших нардепов посетить? – Гена потянул носом воздух, улыбнулся и продолжил: – Уже весна скоро. У нас в колхозе, у деда, сейчас технику к посевной готовят. Я до армии в тракторной бригаде работал, механиком. Хотя днем и солнце светит, а в цеху, где трактора делали, холодно. Буржуйку днем и ночью топят. На ней чайничек вскипятим. Как закипит, Маратович, это наш бригадир, прямо в чайник липы, мяты и веточек малины, вишни бросит, эх, такой запах по всему цеху идет. Сядешь возле буржуйки, чтобы потеплее было, и горячий чаек из старой алюминиевой кружки сербаешь, обжигая губы, и мед из трехлитровой банки деревянной ложкой с обгрызенным концом ешь. Помню, губы печет, кривишься, а Маратыч учит: «Ты, как сербаешь, до кружки губами не дотрагивайся – пообжигаешь».

Весь свой рассказ Гена сопровождал жестами, показывая, как пил чай и ел ложкой мед, при этом мечтательно улыбаясь.

– Ох, и горазд ты, Геша, рассказывать, уже слюни катятся, пойдем наверх, в палатку, там конечно таких вкусняшей нет, но

чайку горяченького с бутербродом перекусим.

Наверху возле палатки пришлось немного постоять, подождать, пока все докурили.

– Смотрите, майдановцы зашевелились, со щитами перед вэвэшниками строятся, – громкими словами обратил внимание на происходящее Сергей Саркисов.

Все с интересом рассматривали маневры радикалов, которые вновь распалили потухшие колеса, снова черный дым войны стал подниматься вверх. Со стороны милиции все пришло в движение. Вэвэшники стали стучать по щитам, противники ответили им тем же. Забегали солдаты, усиливая шеренги и выстраивая новые. На улице стоял грохот. Коммунальщики, увидев, что дело пахнет керосином, быстро догрузили КамАЗ и уехали. Шеренги майдановцев выстроились перед солдатами и замерли, позади них поднимался густой черный дым от горящих покрышек, ложась на головы борцов за свободу. Через некоторое время покрышки потушили.

– Что, не нравится свежий львовский воздух? Мы им почти месяц дышали, – злорадствовал Саркисов.

– Наверное, переживают, что их баррикады разбирать будут, поэтому и всполошились.

– Пошли лучше чайку попьем, – позвал товарищей Иван.

В палатке было тепло, приятно пахло колбасой и чаем. Бойцы взяли по паре бутербродов, чай и отошли в сторону. Бойцы не успели еще прожевать по бутерброду, как в палатку заскочил Степаненко. Окинув взглядом находящихся внутри, он увидев Ивана с товарищами и крикнул им:

– Быстрее, там уже все наши построились, вас ищут!

Иван вместе с бойцами выскочил из палатки, где они пили горячий солдатский чай. Техники, убирающей Грушевского, уже не было. Внизу все так же стояли шеренги вэвэшников и майдановцев. Иван и все остальные побежали вслед за Американцем.

– Что, по рации не могли вызвать? – на ходу задал вопрос Иван.

– Так нельзя, приказ: в эфире полное радиомолчание. Тебе на мобильный звонили, а он в автобусе на зарядке, – ответил Американец.

Перед автобусами их ждал недовольный Григорий Иванович.

– Ну, где вы ходите? Командир уже к Раде ушел, там какая-то заваруха начинается. Правосеки и свободовцы подходят, хотят к Верховной Раде пройти.

Иван заскочил в автобус, схватил телефон, перчатки, из мешка достал баклажку воды, засунув ее под бронежилет. Встал в

строй и колонна из двадцати человек во главе с Иванычем быстро пошла в сторону разрывов и поднимающегося вверх столба дыма.

Они глухо застряли на этом перекрестке и уже топчутся здесь минут двадцать, никак не могут двинуться вперед. Несколько раз пытались наступать, но камни и «коктейли Молотова», летящие с двух сторон, сводили на нет все попытки. Радикалы уже научились пользоваться щитами и, прикрывая ими друг друга, давали возможность тем, кто сзади, бросать камни и бутылки с зажигательной смесью. Внезапно впереди среди майдановцев возникло какое-то волнение. Сначала один, за ним второй и вот уже вся толпа бросилась бежать в Крепостной переулок, позади них начали мелькать шлемы и черная форма вэвэшников.

– Вперед!

Эта команда бросила лавину «Беркута» на прикрывающихся щитами радикалов. Иван бежал одним из первых. По щиту сидящего на колене боевика он перескочил за спины ошеломленным обороняющимся, еще не успевшим ничего понять. Прямо перед Журбой стоял радикал в камуфляже с велосипедным шлемом на голове и, дико вращая выпученными глазами, что-то орал. Увидев материализовавшегося перед ним «беркута», он, поперхнувшись криком, махнул саперной лопаткой, блеснувшей на солнце остро отточенным краем. Страха не было, мощная доза адреналина и злость заставляла тело работать быстро и четко, как на тренировках. Иван отклонился назад и острый край рассек ткань бронежилета, царапая лист металла. Тут же кулак бойца врезался в лицо радикала. Сзади подбегали товарищи, сбивая с ног боевиков и подавляя сопротивление. Журба тоже добавил для острастки и, подхватив валяющийся щит, брошенный убегающими радикалами, побежал вперед. Сопротивления уже не было, еще несколько минут назад храбро обороняющиеся активисты бежали испуганным стадом, сбивая друг друга с ног, в сторону Грушевского. Сзади, не давая им остановиться – «Беркут» и внутренние войска. К стенам зданий прижимались кучки не успевших сбежать радикалов. Они стояли грязные, оборванные, окровавленные, моргающие от страха. Бросали палки, биты, поднимали руки – так высоко, как могли. Растерянные, подавленные, пережившие тяжелый психологический шок. Это были не те храбрецы, бросающие издалека камни – жалкая толпа, сдающаяся на милость победителя.

– Страшно, суки? – подскочил к ним Ахтыркин, улыбаясь своей фирменной улыбкой людоеда.

– Да! Да! – закивали перепуганные майдановцы. Жалости к тем, кто еще несколько минут назад пытался тебя покалечить или убить, кто с удовольствием бросал камни и бутылки с «коктейлем

Молотова», увеча твоих товарищей, Иван не испытывал никакой. Более молодые коллеги обгоняли его, он, уже пыхтя, перешел на шаг. Старика, поднимающего велосипед, Журба заметил сразу. Переступив через валяющегося боевика в армейской каске, скрюченного и жалобно скулящего, Иван отвлекся, а когда поднял голову, увидел деда. Он явно здесь был посторонний, смотрел на все происходящее удивленно-испуганными глазами, на щеке у него была ссадина с запекшейся кровью.

– Возьмите! – Иван протянул старику чистую тряпочку, вытащенную только что из валяющегося рядом рюкзака.

– Спасибо, – дед вытер вспотевший лоб, а потом стер кровь со щеки.

– Что же вам дома не сидится в такое время? – задал вопрос боец, помогая вешать сумку на руль велосипеда. Старенькая «Украина» с облезлой краской, наверное, была одногодкой старика.

– Да вот к знакомому заехал, – ответил он, сплевывая на дорогу.

– Давай, батя, уезжай домой и сегодня на улицу лучше не выходи, – сказал Иван уже вслед уходящему старику, ведущему за руль свой старенький велосипед.

Журба не спеша пошел дальше, переворачивая ногой стоящие бутылки с горючей смесью. Внезапно из-за угла, с натугой ревя двигателем, вылетел грузовик. Виляя из стороны в сторону, он несся на шеренги вэвэшников, стоявшие на перекрестке. Они, как стая мелкой рыбешки, спасающейся от хищника, разлетелись в разные стороны, выскакивая из-под колес обезумевшего водителя, и тут же бросались к кабине, пытаясь остановить сумасшедшего. Они бросали камни и били радикала палками, но боевик за рулем, находясь в наркотической эйфории, не обращал внимания на такие мелочи. Сбив несколько нерасторопных срочников, которые, замешкавшись, не успели в общей сутолоке увернуться, ГАЗон развернулся и полетел назад, виляя из стороны в сторону. Вместе со всеми Иван хватал камни, в избытке валяющиеся на дороге, и бросал их в машину с камикадзе, криком предупреждая товарищей. Выскочив на дорогу вслед за пролетевшим грузовиком, он с ужасом увидел, что обезумевший водитель мчится на пытающегося приподняться с асфальта протестующего. Как в замедленной съемке Иван видит: железный бампер проносится над человеком, и тут же колеса машины, подпрыгнув на теле, переехали его. Человека, на которого наехал многотонный грузовик, выгнуло дугой, и тело моментально обмякло, превращаясь в безвольную тряпичную куклу. Журба заорал еще громче, пытаясь привлечь внимание следующей

жертвы на пути грузовика-убийцы. Следующий был Фаринин Артем – милиционер подразделения, где служил Иван. Он поднял голову и в последний момент, увидев катящееся на него чудовище, сделал спасительный шаг назад. Железный бампер врезался в спецназовца, отбрасывая его в сторону. Иван, потрясенный только что разыгравшейся на глазах трагедией, бежал со всех ног к разбросанным телам. С разных сторон спешили милиционеры, а из Дома офицеров торопились медики майдана с носилками. Склонившись над первым пострадавшим, Журба увидел остекленевший взгляд немигающих глаз, смотревших без эмоций в голубое солнечное небо Киева, а под его головой расплывалось вязкое красное пятно. Подскочивший врач, взглянув на тело, обреченно покачал головой. Иван посмотрел в сторону, где на носилки укладывали спецназовца в полубессознательном состоянии. Милиционеры подхватили носилки с раненным и бросились к скорой. Бойцы, разозленные всем происходящим, выскочили на Грушевского вслед за сумасшедшим грузовиком. Вдалеке стоял обездвиженный ГАЗон с открытыми дверями, а возле него суетились вэвэшники. Все остановились на перекрестке.

– Смотрите, еще одна падла!

Крик привлек внимание к нескольким человеческим фигурам, быстро спешащим по пешеходной дорожке вдоль Мариинского парка в сторону метро «Арсенальная». Иван узнал одного из идущих. Вжав голову в плечи, быстрым шагом напротив спецназовцев пытался проскочить один из виновников всего сейчас происходящего Олег Тягнибок. Возле него, судя по поведению, крутились охранники. Стоящие силовики взревели криками негодования, в сторону Тягнибока полетели несколько камней. Увидев, что их заметили, лидер «Свободы» бросился бежать, вслед за ним устремились спецназовцы.

– Стоять! – властный голос командира остановил разгоряченную толпу милиционеров.

– Я сказал стоять!

Повторный окрик остановил тех, кто с первого раза не захотел услышать команду и продолжал преследование. Спасшийся оппозиционер, испуганно оглядываясь, вместе с охраной убегал все дальше и дальше.

– Становись!

Привыкшие выполнять команды бойцы быстро построились.

– Ты смотри, какие хорошие спортсмены! – крикнул кто-то из строя.

– Динамо бежит! – поддержал первого второй голос.

К строю подходили все новые и новые бойцы, подошли и те,

кто нес Фаринина на носилках.

– Ну что, как он там? – посыпались вопросы.

– Нормально. Врачи сказали, ничего страшного, жить будет, – успокоили они товарищей.

– Внимание!

Все затихли, повернувшись к командиру.

– Шагом марш!

Не в ногу все побрели по Крепостному переулку.

Идя по Институтской, Иван рассматривал последствия революции «гидности». Разбитые автомобили, выбитые стекла в окнах и сорванные с петель двери подъездов, горы мусора и заполненные водой ямы, оставшиеся от выбитой брусчатки. Подразделение, ускоряя шаг, подходило к перекрестку Институтской и Шелковичной, откуда неслись разрывы и поднимались столбы черного дыма. Здесь с переменным успехом бились за перекресток силовики с «Правым сектором» и «Самообороной». «Скорые» с включенными мигалками отъезжали одна за другой, увозя раненых милиционеров.

– Давай быстрее! Кто со щитами, вперед! – кричал какой-то генерал в черной кожаной куртке и папахе.

– Вперед! Вперед! – подгонял полковник в форме «Беркута», хватая бойцов за форму и буквально вбрасывая в строй.

Передние шеренги уже были почти на середине перекрестка. Прикрываясь щитами, силовики шли сразу за водометом. Камни сыпались, стуча по щитам и находя все новые и новые жертвы. Ноги запутывались в целых кучах мусора, а мокрые камни выскальзывали из-под ног. Приходилось одним глазом смотреть под ноги, а вторым в отверстия в щите, опасаясь получить камнем в лицо. Едущий впереди водомет остановился, продолжая поливать водой пылающие покрышки, и начал пятиться назад. Вместе с ним стали отходить передние шеренги силовиков. В строю произошла неразбериха: задние еще шли вперед, а передние уже отступали назад, подгоняемые усилившимся камнепадом со стороны воодушевленных видом отступающих милиционеров боевиков. Иван не понял, как он попал в переднюю шеренгу.

– Твою мать! – воскликнул вэвэшник, стоящий возле Журбы. Его щит, вырванный из рук, громко грохоча, упал на асфальт под ноги.

– Чуть руку не оторвало!

Он быстро подхватил валяющийся щит и, прикрываясь ним, воскликнул:

– Ну не хрена себе! В щите светилась дырка диаметром с палец.

– Хорошо, что сзади никого не было, – сказал Иван.

– Они из пушки по нам, что ли, стреляют? – удивленно спросил солдат.

– Пуля из ружья охотничьего, – произнес кто-то в строю.

Нервно всматриваясь в толпу и постоянно ожидая выстрела, строй силовиков начал пятиться назад в два раза быстрее.

Напившись воды, Иван расслабленно сидел на грязном бордюре. От усталости предательски дрожали ноги, а сердце пыталось выломать ребра и выскочить из груди. Тяжело дыша, он, наконец, более-менее спокойно мог осмотреться. Яркое, по-весеннему уже теплое солнце заливало все вокруг нежным светом, и так приятно было греться в его лучах. Если закрыть глаза и отрешиться от взрывов и криков, несшихся со стороны перекрестка, казалось, что и нет этого кошмара, а сидишь на лавочке возле дома, ожидая, когда из подъезда выйдет жена с дочками. Иван открыл глаза, возвращаясь в жуткую реальность. Водомет со спущенным колесом, стоящий недалеко от бойца, обступили несколько человек, рассматривая дырки в корпусе, из которых тонкими струйками вытекала вода. На мокрых бордюрах, подложив щиты, сидели уставшие, грязные и злые милиционеры, пользуясь мгновениями передышки. Во рту опять пересохло, и Иван встал с холодного камня поискать воды. Сердце перестало гупать в груди, как барабан рок-музыкантов, и жить стало веселее, несмотря на происходящее вокруг. С водой у силовиков было тяжело. Иван нашел пустую баклажку и подошел к вырванным дверям подъезда. Подъезд был проходной, с той стороны был виден двор. Возле выхода его чуть не сбили несколько «беркутов», несущие носилки, на которых болталось окровавленное тело в камуфляжной форме. Боец посторонился, пропуская раненного. Поначалу он не узнал того, кто лежал на носилках. Окровавленное лицо, с которого свисают лохмотья кожи, с уголка рта тянулась кровавая слюна, неестественно вывернутый сломанный нос и немного надорванное веко, в уголке был виден белеющий глаз. На голове кожа была сорвана вместе с волосами. Создавалось впечатление, что с бойца снимали скальп. Иван заметил знакомый камуфляж и, присмотревшись, ахнул:

– Васильков!? Владислав Васильевич! Он схватил его за руку.

– Братан, ты нам только мешаешь. Знаешь его? – поинтересовался один из несущих носилки. Поверх камуфлированного бушлата у него была надета безрукавка с синим крестом на спине – медик.

– Передохнем? – спросил боец слева, весь в грязи вперемешку с кровью. Они поставили носилки и раненный застонал, пытаясь подняться.

– Лежи, лежи. Все нормально, – успокоил его фельдшер.

– Что с ним произошло? – задал вопрос Иван стоящему возле него милиционеру.

– Во дворе они напоролись на радикалов. Мы, когда подскочили, один отбивался, а этого человек шесть месили всем, что под рукой было. Нас как увидели, разбежались.

– Никого не догнали?

Милиционер отрицательно покачал головой.

– Как его фамилия, имя и отчество? – поинтересовался медик, указывая глазами на раненного. В руках он держал блокнот и ручку.

– Васильков Владислав Васильевич, командир роты, капитан, – быстро выпалил Иван. От волнения он забыл, что Васильков еще пока заместитель командира роты.

– Воды, – разбитыми губами попросил раненный.

– Сейчас. Понесли! – отдал команду фельдшер, пряча блокнот в карман и подхватывая носилки.

Иван вспомнил, что ошарашенный увиденным, забыл даже спросить о самочувствии товарища.

– Как он? – крикнул он вслед удаляющимся бойцам. Последний неопределенно пожал плечами.

Васильков выжил. Ему наложили четырнадцать швов, самый короткий из которых был пять сантиметров. Из Киева он самостоятельно с другими такими же раненными добирался домой. Скрываясь от своеволия боевиков, опьяненных своей безнаказанностью, одетый в спортивные штаны, свитер и тапочки из больницы, пересаживаясь с одного автобуса на другой, он ехал домой два дня. Раны зажили, оставив на теле шрамы, но более глубокие шрамы остались в душе.

Постояв еще немного, смотря вслед раненному, расстроенный происходящим Иван прошел через подъезд и оказался в тихом, спокойном дворике. Он, наученный рассказом, с настороженностью осмотрелся. Радикалов вроде не было, недалеко стояли несколько человек с видеокамерой, в оранжевых касках на голове – журналисты. Увидев бойца, один из них навел на него камеру. Журба отрицательно помахал головой, прикрывшись щитом. Второй что-то сказал ему, и камера опустилась вниз. Спецназовец настойчиво постучал в окно на первом этаже. В окно выглянул пожилой мужчина. Милиционер поднял пустую баклажку, показывая жестами, что хочет пить. Мужчина отрицательно покачал головой и задернул штору. Безрезультатно постучав еще в несколько окон, боец возле подъезда увидел старушку, сидящую на лавочке.

– Здравствуйте! Вы из этого подъезда? – поинтересовался

Иван.

– Что, водички набрать? – спросила бабушка, увидев в руках милиционера пустую бутылку.

– Ага.

Старушка, кряхтя, поднялась с лавочки и постучала в окно. Из окна высунулся молодой парень в майке.

– Тарасик, набери води хлопцеві, – передала она бутылку.

– Там біля дверей ще одна стоїть, ти її теж набери, – уже в пустое открытое окно кухни крикнула бабушка.

– Что же это творится? – задала она вопрос Ивану, кивая в сторону столба дыма и взрывов на Институтской. Он в ответ пожал плечами. Выглянув из окна, Тарас передал бойцу две полных баклажки. Милиционер не смог удержаться и приник к горлышку одной из них. Он жадно глотал воду, проливая драгоценные капли на бронежилет, блестевший пластиной там, где прошлась саперная лопатка радикала.

– Спасибо! – поблагодарил он старушку.

– Хай бог вам допомагає, – перекрестила она бойца. Подхватив бутылки, Иван, гремя щитом, побежал обратно. Выскочив на Институтскую, он увидел, что командир строит их подразделение. Боец быстро встал в строй и к нему сразу потянулись жадные руки.

– Дай водички попить, – просили товарищи.

Он отдал начатую бутылку Гене, а вторую, не глядя, всунул в чьи-то руки.

– Куда собираемся? – задал вопрос Иван.

– Пойдем в обход, зайдем с другой стороны, – ответил Гена, передавая дальше баклажку с водой.

Нестройной толпой спецназовцы пошли назад по Институтской и свернули на Липскую. По дороге Иван рассказал товарищам про Василькова и увидел на их лицах мрачную решимость отомстить за него, руки крепче сжали палки и щиты. Чем дальше они уходили от Институтской, тем меньше все напоминало про столкновения. Мирная жизнь, чисто и свежо, правда, количество машин возле подъездов уменьшилось, владельцы поубирали своих железных коней, наученные горьким опытом других. Выйдя на Шелковичную, «Беркут» быстро пошел в сторону Институтской. Навстречу им попадались небольшие отряды вооруженных радикалов, которые при виде силовиков бросались бежать, пре дупреждая товарищей громкими криками: «Беркут идет! Беркут!». Спецназовцы перешли на легкий бег, вперед выдвигались те, у кого были щиты. На перекрестке их уже ждали, предупрежденные бегущими впереди глашатаями. В щиты полетели камни, разбились несколько бутылок с «коктейлями

Молотова». В ответ полетели остатки гранат и раздались выстрелы помповых ружей. Не давая радикалам опомниться, «Беркут» пошел врукопашную. Иван врезался в ряды обороняющихся одним из первых, махая палкой и раздавая «приветы от Василькова» налево и направо. Над свалкой дерущихся стоял крик, стон и маты. По Институтской вперед пошли ряды силовиков. Вэвэшники шли в бой, громко стуча по щитам, создавая дополнительный психологический эффект. В рукопашной, как всегда, победа досталась «Беркуту», и сломленные боевики, бросая щиты и палки, бросились бежать. Бойцы догоняли их, сбивали на асфальт. Иван тоже побежал вперед, его немного покачивало и мучила одышка. Он во время боя успел получить битой по шлему от одного из боевиков, о чем тот несколько раз пожалел. Журба еще помнил его удивленные глаза, когда он увидел рукоятку тонфы, летящую ему в лицо. Бежать приходилось через силу, нельзя останавливаться и дать закрепиться радикалам на новом месте, надо гнать их до самого майдана. Постепенно Иван начал задыхаться и с бега перешел на быстрый шаг. Мимо пробегали молодые крепкие вэвэшники, с оскаленной головой тигра на шевроне.

– «Тигры», вперед! – закричал Журба, подбадривая бойцов. В ответ услышал рев нескольких десяток глоток: – Ура!

На перекрестке Институтской и Садовой стояли сгоревшие КамАЗы, перекрывающие дорогу на Верховную Раду. Они одни из первых испытали на себе все прелести «мирного» митинга. Здесь внутренние войска первыми приняли на себя удар разгоряченных молодцов «Правого сектора» и «Самообороны». Под ногами валялись раздавленные шлемы и куски формы. Иван остановился и поднял оторванный у кого-то погон с майорской звездой, валяющийся в грязи, спрятал его в карман под бронежилет и побежал дальше. Справа промелькнули разбитые окна красивого здания Национального банка Украины. «Вперед! Вперед!», пульсировала в голове мысль. Возле баррикады, примыкающей к выходу из метро «Крещатик», было столпотворение и давка. Обезумевшая толпа народа лезла через баррикаду, а в основном митингующие пытались протиснуться в узкий проход. Давка возле него была ожесточенная, более сильные отталкивали слабых, сбивая их с ног и затаптывая. Люди кричали, ругались, выли, стонали, проклиная все вокруг. С противоположной стороны летели камни, не выбирая свои жертвы, попадая как в милиционеров, так и в толпящихся протестующих.

– Стоять! Стоять! – офицеры останавливали разгоряченных погоней бойцов, давая возможность рассосаться человеческой массе.

Каменный дождь со стороны радикалов значительно усилился, опомнившиеся боевики хотели отомстить за свое недавнее паническое бегство, бросали камни с все нарастающим темпом. Если милиционеры прикрывались щитами, то люди были беззащитны. Бойцы понимали, что наступление нельзя останавливать. Сейчас радикалы закрепятся на баррикаде и их опять придется выбивать, теряя товарищей.

– Давай сюда! – крикнул Каустович и первым бросился к выходу из метро, за ним побежали все остальные. Огромные панорамные стекла были выбиты и скрипели под ногами. Иван поскользнулся на стеклах, валяющихся под ногами, и вслед за товарищами заскочил внутрь входного павильона метро. Прячущиеся здесь радикалы бросились бежать вниз по ступенькам неработающего эскалатора. Возле поручней эскалатора остались стоять два растерянных милиционера-метрополитеновца и женщина в форменной одежде киевского метро. Летящий камень ударил в плечо одного из стоящих милиционеров, и они вместе с сотрудницей метрополитена заскочили в одну из комнат, захлопнув за собой дверь. Бросив несколько газовых гранат в сторону боевиков, прикрываясь щитами, силовики пошли вперед. Иван услышал, как возле уха взвизгнула пуля и сразу донесся звук выстрела.

– Стреляют! – заорал кто-то сзади.

– Вперед! Ура!

Силовики бросились на боевиков, стараясь максимально сблизиться, по своим, может, не будут стрелять. Опять завязалась рукопашная. Отбиваясь от наседавших на него двоих боевиков, Иван видел, как повалили на землю вырвавшихся вперед вэвэшников. Их били всем, чем попало, смешивая тела с грязью. Тут же несколько «беркутов» налетели на радикалов, спасая товарищей, которые уже не шевелились. Не выдержав напора мстящих за боль товарищей спецназовцев, радикалы побежали, пощады не было. В узком проходе еще давились протестующие, а через баррикаду уже лезли солдаты, поначалу сбиваемые с нее камнями. Но счастливчики, которым удалось перескочить на другую сторону, уже закреплялись, прикрывая других. Несколько радикалов, окруженные силовиками, обреченно поднимали руки.

– На колени! – рявкнул им кто-то. Они безропотно становились на колени. Внезапно один из силовиков, подскочив к стоящему на коленях боевику, сорвал с его лица маску. Иван увидел лицо молодого парня, с мутными глазами, в которых отсутствовали зрачки, на губах застыла кайфующая улыбка. Боец, стащивший с парня маску, приподнял лицо стоящего на коленях и, посмотрев на него, сказал:

– Под кайфом, пи… р! Только вмазался, падло!

Второй милиционер поднял клапан нагрудного кармана камуфлированной куртки, надетой на радикале. Оттуда выглядывали несколько инсулиновых шприцов. Выдернув один из них, боец подсунул шприц под нос продолжающему улыбаться парню. Иван рассмотрел, что шприц был заполнен светло-желтой жидкостью.

– Что это, сука? – услышал Иван из-за спины рокочущий бас Логвиненко. Радикал молчал.

– Заставить тебя сожрать их? – с угрозой в голосе задал вопрос боец, держащий шприц.

– Винт, – не скромничая, ответил боевик. Логвиненко оторвал карман вместе со шприцами и начал их топтать ногами.

– Ублюдки вонючие!

Не дожидаясь окончания всего происходящего, Иван пошел по Институтской. Милиционеры неоднократно приводили радикалов, по виду находящихся под наркотой, находили умело маскируемые проколы от иглы, но наркотики он увидел сегодня впервые. Теперь понятно, откуда у боевиков презрение к боли и неуемная энергия, бьющая через край. Они когда-то на Грушевского спорили, под наркотой или нет стоящий на крыше сгоревшего милицейского автобуса молодой парень, пять часов подряд, в мороз, монотонно стучавший железкой по пустой бочке. Как-то все стало обыденно: боль, кровь и даже смерть. Взгляд наткнулся на два накрытых тела боевиков, скончавшихся в безумной давке. Человеческое стадо, в которое превратились убегающие митингующие, каждый сам за себя, даже не заметили потерявших сознание людей, затоптали их.

Внизу Институтской слышны разрывы и одиночные выстрелы, там снова шел бой. Еще издалека Иван увидел жаркое побоище возле Октябрьского дворца. Здесь боевики плотно наседали на вэвэшников, а те, проваливая строй, отходили. В образовавшиеся бреши вламывались радикалы, внося сумятицу и неразбериху в шеренги милиционеров. Иван перехватил поудобнее щит и бросился на помощь обороняющимся. По ступенькам с Институтской уже поднимались спецназовцы. Перегруппировавшись, силовики опять пошли в атаку, дожимая последний очаг сопротивления майдана. Радикалы, прячась за колоннами и прикрываясь щитами, бросали камни, медленно отходя назад. С «Беркутом», в отличие от вэвэшников, в рукопашную вступать они не рисковали. Еще немного и боевики бросились вниз по склону, разбегаясь в разные стороны. Остатки сопротивляющихся, прижатые к стенам Октябрьского дворца, поднимали руки.

– Стой! Стой! – раздавались крики, останавливая тех, кто бросился преследовать убегающих боевиков.

В воздухе летало неприятное слово: «перемирие».

– Пошли, командир строит, – позвал проходящий мимо Саркисов.

На площадке перед дворцом стягивались с разных сторон, строились остатки подразделения. Грязные, уставшие спецназовцы становились в нестройную толпу перед своим командиром. Он, видя состояние бойцов, терпеливо ожидал чуть в стороне, разговаривая с оставшимися в строю офицерами. Наконец все собрались, переговариваясь между собой, обсуждали сегодняшние события.

– Офицеры, проверьте личный состав, – громко, чтобы все слышали, сказал полковник. После проверки выяснилось, что не всем посчастливилось дойти до майдана, остальные на ногах держались из последних сил от усталости. Командир встал перед строем и с сочувствием осмотрел свое войско: грязные, обгорелые, побитые, но настроение у всех боевое, обреченности в глазах нет, только усталость.

– Сейчас Президент поставил оппозиции ультиматум: «время до восемнадцати ноль-ноль, очистить майдан, если нет, мы его зачищаем». В строю раздались разочарованные возгласы.

– Уже было перемирие. Потом не знали, как с ними справиться!

– Они сейчас укрепятся, мы их хрен выкурим!

– Дожимать нужно до конца!

Бойцы начали стучать по щитам, несогласные с предложенной альтернативой. Не понимая, что происходит, к ним присоединились вэвэшники, и громкий металлический грохот поднялся над центром Киева. Испуганные все нарастающей волной шума, со сцены майдана неслись призывы: «„Беркут“, не виконуйте злочинні накази!», «Міліція з народом». В ответ им из мегафона милицейской «Газели» неслось: «Громадяни – наближення до працівників міліції ближче ніж на три метри буде розглядатись, як спроба посягання на життя міліціонерів». Священники, стоящие между двумя враждующими сторонами, начали креститься, громко читая молитвы. Командир поднял руку, призывая подчиненных успокоиться. Постепенно грохот умолк.

– Далеко друг от друга не отходим. Всем находиться здесь.

Было видно, что командир был раздражен выходкой своих подчиненных. Он, что-то обсуждая, отошел в сторону с Силенковым. Милиционеры стали расходиться. Ивану было интересно посмотреть на майдан и, несмотря на усталость, он

пошел на пешеходный мост, где уже толпились милиционеры. Ничего впечатляющего он не увидел. Площадь была заставлена палатками, от армейских до туристических, над некоторыми курился дымок топившихся в них буржуек. Слева поднимался густой столб дыма, там что-то горело. Из дыма иногда выглядывала печально известная новогодняя елка, из-за которой все и началось. Валялся мусор, доски, камни, рваные пакеты и еще всякий хлам. Ниже по Институтской стояли ряды радикалов со щитами, на многих были нарисованы красные кресты. Все это было похоже на монголо-татарский лагерь, стоящий под стенами осажденного города. Где здесь величественность и красота майдана он не понял. Идя от моста, он встретил Карасева. Этот пройдоха уже где-то раздобыл целый кулек носков.

– Где это ты уже носками разжился? – поинтересовался Иван.

– Да вон «Газель» стоит, их там полно. Митингующих одевали, нам один задержанный сдал, – указал рукой Димон в сторону нескольких машин, около которых суетились вэвэшники.

– Там что хочешь есть. Носков мешка три, перчатки. Даже вот что есть, – похвастался он пачкой каких-то цветных упаковок с надписью на английском языке.

– Что это? – полюбопытствовал Иван.

– Прикольные штучки. Ломаешь их и в перчатки засовываешь, восемь часов руки в тепле, – просветил товарища Карась.

– Дай носков пары три, не жмись. Воды там нет?

– Нет, – ответил Дима, доставая из кулька носки и отдавая Ивану.

– Жалко. Жрать хочется и воды. Спасибо! – поблагодарил Журба. Он тут же сел на щит и, сняв ботинки, выбросил старые носки и натянул на ногу новые. Они выгодно отличались от тех, что выдавали им; хлопчатобумажная ткань приятно прилегала к ноге, а махра внутри носка создавала комфорт.

– Где это ты носочками разжился? – поинтересовался Гена.

– Карась поделился. Держи! – Иван передал одну пару другу, пряча остальные во внутренний карман куртки.

– Я тебе тоже кое-что принес. Вот. – Гена положил в руки другу новенький бронежилет и сверху туристический коврик – каремат.

– Ух ты, где взял?

Схватив обновку, боец снял свой старый, потрепанный, с торчащей из дырки пластиной и примерил новый.

– Пацаны поделились, где-то склад правосеков надыбали. У тебя броня скоро развалится, а здесь новенькая. Носи.

– Спасибо, – поблагодарил друга Иван, рассматривая обновку.

– Спасибо много, а должен будешь, – засмеялся Находько.

– Ты же знаешь, я кому должен, всем прощаю, – ответил, улыбаясь, Журба.

– Эх, еще бы водички и жизнь удалась, – мечтательно добавил он.

– Нет проблем. – Гена исчез и через минуту появился с пятилитровой баклажкой воды.

– Ну, просто фокусник, – с уважением в голосе проговорил Журба, беря бутылку из рук друга.

– Фирма веников не вяжет, даром денег не берет. Гена взял валяющийся недалеко щит и, постелив на него каремат, улегся рядом с товарищем. Друзья лежали рядом и глядели в голубое небо, по которому медленно плыли белые облака.

– Ты знаешь, сегодня побывав в этом пекле, лежу здесь и понимаю: за все годы независимости мы так нормально и не жили. Как только начинает более-менее что-то налаживаться, так какие-то революции, митинги. Ну чего людям спокойно не живется. Самое плохое, нет уверенности в завтрашнем дне, живем одним днем, а хочется стабильности, – размышлял вслух Иван.

– Дожмем сегодня майдан, я думаю, на верху должны сделать выводы, наконец навести порядок с этими оппозиционерами. Уже, думаю, поняли откуда ветер дует, – поддержал друга Гена.

Друзья замолчали, любуясь небом. Если смотреть только вверх и отрешиться от всего, вроде и нет ничего, ни майдана, ни взаимной ненависти. Со стороны Крещатика раздался взрыв, подчеркивая призрачность их иллюзий.

Возле Журбы, вскрикнув, упал солдат. Схватившись за ногу, он приговаривал:

– Суки, попали! Суки, попали!

Иван положил рядом щит и, нагнувшись к вэвэшнику, отстегнул ремешок и снял шлем. На Ивана смотрели испуганные глаза, в которых стояли слезы, мальчишеское лицо было в черной копоти с чистыми бороздками там, где стекал пот. От боли боец скрипел зубами. Взглянув на Ивана, он сказал:

– Суки, попали! Дядь, мне ногу не отрежут?

– Не сцы, не отрежут. Дай посмотрю, что там у тебя.

Журба видел, как через пальцы, зажимающие рану, течет кровь. С силой разжав руки раненного, спецназовец распорол ножом штанину. Все бедро было залито кровью. Входное отверстие диаметром было с палец и из него обильно текла кровь, выходного отверстия не было.

– Ничего страшного, пацан, царапина, – сказал Иван, прикладывая к ране пачку одноразовых носовых платков, взглянул на солдата.

– До свадьбы заживет.

Лицо парня было неестественно бледным, видно сказывалась кровопотеря.

– У кого есть жгут и ИП? – крикнул Журба.

Ответом было молчание. Обрезав лямку от сумки противогаза, как мог выше раны наложил жгут, но кровь не останавливалась. Подняв глаза, увидел перепуганные лица вэвэшников, которые смотрели на все происходящее.

– Что смотрите? – заорал на них Иван. – Ты, ты и ты, – ткнул он пальцем, – поднимайте его и кладите на щит, понесем наверх к «скорой».

Пока раненного укладывали на щит, Иван поссал себе на руку и большим пальцем прижал отверстие от огнестрельной раны, пытаясь остановить кровь. От боли раненный вскрикнул и попытался вырвать ногу.

– Спокойно! Тише, тише! – успокаивал Иван. Свободной рукой схватив край щита, Иван отдал команду:

– Подняли!

Около себя он увидел Лапатого в разодранном и обгоревшем бушлате.

– Скажешь комбату, я раненного к «скорым» на Институтской понес, скоро буду.

И уже обращаясь к солдатам:

– Вперед, бегом!

Они побежали. Бегущий впереди вэвэшник выкрикивал: «Раненный! Раненный!». На Институтской возле водомета стояла «скорая». Подбежав к ней, Иван крикнул:

– Врача! У нас огнестрел.

Из «скорой» выскочил седой доктор в белом халате.

– Давай быстро на носилки и в машину! Сегодня уже восьмой с огнестрельным ранением. Как фамилия и имя раненного, сколько полных лет? – спросил врач у Ивана, залезая внутрь машины.

– Не знаю, посмотрите документы по карманам.

– Поехали, – крикнул доктор водителю. «Скорая», включив мигалки, понеслась по улице, распугивая дремавших бойцов и пробуждая заснувших жителей квартала громкой сиреной. Журба подхватил щит, снегом немного стер кровь и побежал обратно к своим. С вершины холма Иван увидел, что на ступеньках «Беркут» спустился до середины пролета и все ещё топчутся на месте. Передние ряды, выставив щиты, спрятались за них, остальные, присев, укрылись за товарищами. Продвижение вперед застопорилось. Все боялись идти вниз: можно нарваться на пулю. Журба тоже быстро сбежал по ступенькам и, прижавшись плечом к товарищу, прикрылся щитом и устало оперся на него шлемом,

не замечая, что вымазывается еще не засохшей кровью раненного. Видя, что бойцы не решаются продолжать наступление, командир подбежал к строю.

– Давайте, быстро спускаемся вниз, мы наверху как на ладони. Перестреляют как куропаток, – поднимал засевших бойцов полковник.

Между фонарными столбами были натянуты тросы, которые мешали спускаться вниз, бойцы в них путались и падали. Этим пользовались стрелки с майдана. Иван видел, как рядом дернулся щит, пробитый пулей, и боец, вскрикнув, упал на гранит. Его тут же подхватили и понесли наверх. Упавший щит с дыркой от пули подхватил товарищ. Все испуганно присели, прикрываясь щитами, хотя и понимали, что против пуль они бесполезны, но создавалась иллюзия защиты. В середине строя кричал командир:

– Быстрее вниз, всех перестреляют.

Строй вскакивал, пробираясь в паутине тросов шел вперед, опять испуганно замирал, когда вскрикивал раненный, и поднятый криками офицеров продолжал движение. Так, наверное, в Великую Отечественную штрафники бежали на фашистские пулеметы, падали, пытаясь укрыться за кочками и в воронках, и подгоняемые своими командирами опять бросались вперед на окопы врага.

Внизу всех ждал неприятный сюрприз: металлические щиты-парапеты для сдерживания толпы, оставленные милицией еще с начала майдана, были скручены между собой тросом, по верху брошена колючая проволока. Под прикрытием стрелков с «Фортами» и светошумовых гранат несколько спецназовцев попытались раздвинуть щиты.

– Бесполезно, командир! Они связаны намертво, без болгарки не раздвинем, – сказал Лапатый. Возле него, вскрикнув, схватился за руку боец «Беркута».

– Жеку ранили! – раздался крик. Раненного потащили наверх, остальные присели, прячась за парапетами. В щиты врезались несколько фейерверков, рассыпаясь огненными кометами и взрываясь под ногами.

– Из толпы стреляют, – прокричал кто-то позади Ивана.

– Бросайте газовые гранаты и камни, сбивайте им прицел. Щиты сверху на колючку и по ним перелазим. Вперед! Вперед! Не стоим! – скомандовал полковник.

– Ура. аа!!!

Бросив на колючку щит, Иван, раздирая руки и одежду, перевалился на другую сторону. Почувствовал удар в руку, через мгновение еще один в шлем. Но в кровь уже выплеснулась ударная доза адреналина. Не ощущая боли, боец бежал к

колоннам. Прикрываясь колоннами здания, бойцы продвигались вперед. Забрало на шлеме было поднято. Если боец его опускал, то через минуту оно запотевало, и он ничего не видел. Один из наступающих выглянул из-за колонны и тут же, получив камень, схватился за лицо. Сквозь пальцы потекла кровь, капая на грязную плитку. Гранат у Ивана уже не было, поэтому он собирал на гранитном полу брусчатку и, прикрываясь щитом, бросал ее обратно. Об колонну разбилась бутылка. Облитая горючей жидкостью мраморная плитка колонны горела желто-сине-красным пламенем. Брызги попали на щит и на многострадальные ботинки милиционера. Он быстро сбил мелкие горящие капли.

Уже ничто не могло удержать «Беркут». Разрубив где-то найденным топором стягивающий металлические щиты трос, как набирающая силу в половодье река «гнева и ненависти», проскальзывали бойцы в образовавшуюся брешь и, прикрываясь щитами, растекались навстречу радикалам. Видя, что сейчас бурный поток возмездия снесет их, герои майдана бросали щиты, палки и, сбивая друг друга, бежали в узкий проход, пытаясь побыстрее выбраться на Крещатик. Иван вместе со всеми бил палкой по ненавистным спинам, придавая им ускорение. Он ненавидел их за раненого Саркиса, за обожженного вэвэшника, за то, что только что чуть не спалили его самого.

– С-суки! Су-у-у-ки! – выл милиционер.

– Сволочи! Суки! – ревели рядом товарищи. От этого воя радикалы, скуля и пихаясь, лезли через свои баррикады, сваливаясь вниз с другой стороны. Они прекрасно понимали – пощады не будет. Иван, увлеченный погоней, выскочил вслед за убегающими на Крещатик. Под ногами тут же разбилось несколько «коктейлей Молотова», асфальт и ноги запылали.

– Назад отходите, быстрее! – закричали сзади. Град камней забарабанил по щиту, ботинки горели, но тушить их времени не было. Прикрывая щитом себя и товарищей, оглядываясь, бойцы пятились назад. Впереди бесновалась толпа, жаждущая крови. Раздалось несколько выстрелов, слева, громко вскрикнув, упал боец. Рукой он попал в горящую жидкость и заорал еще громче, тряся горящей рукой. Подскочивший друг схватил орущего бойца за плечи и потащил к своим. Иван, щитом прикрывая ребят, отходил назад. Над майданом со сцены, усиленное колонками, неслось: «Київ, вставай! Київ, вставай!» Прикрывая отход, сзади бросили несколько газовых гранат. Боевики отхлынули назад, спасаясь от едкого дыма, и милиционеры быстро заскочили в узкий проход, затаскивая раненного. Ударили тугие струи порошковых огнетушителей, сбивая пламя с горящих бойцов.

Иван устало упал на порог здания. Возле него раненному забрызгали руку пантенолом и, забинтовав плечо, повели наверх. Радикалы опомнились и камни стали перелетать через заграждение. Слева, со стороны Институтской, тоже полетели камни. Перелетая через палатки, они прыгали по плитке, рикошетили от щитов и колонн, за которыми прятались бойцы. Несколько прилетевших горящих бутылок подожгли палатку. Раздуваемый ветром огонь начал быстро разгораться, с ревом перескакивая на деревянные баррикады. Иван, стоя за колонной, уже чувствовал жар полыхающего огня. Сзади раздалась команда: «Отходим назад!». Журба высунулся из-за щита осмотреться. Он и не заметил, как под забрало влетел камень. Ослепительная вспышка боли сначала дезориентировала бойца, заставив присесть и схватиться рукой за лицо, выронив палку. Первая мысль была – пуля, но тут же пришло осознание, что это всего лишь камень. Иван языком попробовал зубы, «кажись, все на месте». Сплюнув полный рот крови, он аккуратно пальцами снял нижнюю губу с пробивших ее зубов. Верхняя губа, опухая, наползала на нос. Кровь не останавливалась и ее приходилось постоянно сплевывать. Повернувшись к стоящему рядом с ним бойцу второй роты Чехову Валере, который стрелял из помповика в сторону воющих боевиков, Иван прошамкал:

– Пойду оот помою, коов не останавливается. Опухшие губы почти не слушались и речь получалась тягучей и мало разборчивой, но Валера понял.

– Иди к фельдшеру, пускай перекисью промоет, кровь остановится.

Зайдя за стену здания, где укрывались человек двадцать бойцов, Журба сплюнул кровь и неразборчиво проговорил:

– Хельшеа не идеи?

– Что? – не понял собеседник.

– Фельшеа не видел? – настойчиво, стараясь более четко произносить слова, повторил милиционер.

– А, фельдшера, – понял, наконец, товарищ.

– Наверх подымайся, он где-то там. По лестнице не иди, простреливается, уже троих достали.

Иван, поскальзываясь, полез вверх по склону. Щит в руке мешал ему, но бросать его он не собирался. В очередной раз поскользнувшись и упав на колени, вымазал в грязи руку. Подымаясь, он сплюнул кровь и неразборчиво выругался. Еще сегодня днем на склоне была аккуратно подстриженная сухая газонная трава, слегка присыпанная февральским снежком. Сейчас все это перемолотое берцами силовиков превратилось в сплошную грязную кашу, которая приставала жирными комьями к

ботинкам и мешала идти. Наконец Иван долез до вершины холма и вышел на дорожку из брусчатки. Ближе к фасаду Октябрьского дворца он увидел медика, бинтующего голову раненному. Из-под свежей повязки на голове проступала кровь.

– Сейчас сразу иди к «скорой». Сильное рассечение, зашивать нужно, – советовал раненому спецназовцу доктор.

Иван снял шлем с головы, обтирая грязь с руки о край щита, терпеливо ожидал очереди.

– У тебя что? – закончив объяснять, фельдшер повернулся к Журбе.

– Вот!

Боец вытер палец о штаны и отогнул кровоточащую губу.

– Дай посмотрю.

Медик плеснул на руку жидкости из темного пузырька и в воздухе запахло спиртом. Бесцеремонно он оттянул губу. От резкой боли Иван замычал и рефлекторно схватил руку медика.

– Спокойно. Спокойно, – успокоил доктор. – Зубами сильно разрезало. Чуть-чуть наружу зубы не вылезли. Наверное, пару швов придется накладывать.

Быстро смочив вату в перекиси водорода, медик затолкал ее за губу бойцу.

– Это остановит кровь. И сходи к «скорой», пусть посмотрят, – посоветовал он милиционеру, при этом смазывая йодом мелкие ссадины на лице и разбитые пальцы. Иван кивнул головой, соглашаясь с доктором, и поблагодарил его: «Сасиа». Отошел в сторону, уступая место следующему раненному.

Выйдя на край холма, боец взглянул на происходящее внизу. Сначала он не поверил своим глазам: там, внизу, все смотрелось по-другому, а сверху выглядело удручающе. Казалось, что разверзлись врата ада. Жирные клубы дыма, скручиваясь кольцами, подсвеченные снизу высоко взлетающими языками пламени, подымались вверх. Яркими вспышками желто-синего пламени озарялись разбившиеся бутылки с «коктейлем Молотова». Взрывались гранаты, петарды, взрывпакеты. Стоял грохот, скрип и стон. Озаряемые отблесками пламени, черные фигурки людей, прикрываясь щитами, тащили и швыряли в огонь шины, доски и все, что могло гореть. Рядом с ними другие бросали камни и бутылки с горючей смесью в наступающих силовиков и водомет. Огненными цветами вспыхивали, расцветая пламенем в рядах «Беркута» и вэвэшников разбившиеся бутылки с зажигательной смесью, заставляя бросать щиты и разбегаться в стороны. С пылающих человеческих факелов огнетушителями сбивали огонь, накрывали мокрыми тряпками. Брошенные камни находили свои жертвы, и фигурки милиционеров падали. Одни

поднимались и снова становились в строй, других оттаскивали товарищи. Пламенными кометами влетали в шеренги спецназа фейерверки, взрываясь, оглушали милиционеров, осыпая десятками огней, которые прожигали форму и оставляли черные, болезненные ожоги на открытых участках тела. Поливающий из брандспойта огонь и радикалов водомет, с горящими колесами, пятился назад. Один из боевиков выскочил из-за щитов с горящей бутылкой и попытался ее бросить в медленно едущую машину, но несколько резиновых пуль заставили выронить бутылку под ноги. Облитые горючей смесью, ноги радикала вспыхнули. Он с дикими криками, переходящими в визг, и пылающими ногами заскочил за щиты, вслед ему взорвалась граната, окутывая туманным облаком слезоточивого газа толпу боевиков. Черный дым, прижатый к земле порывами ветра, накрыл наступающих.

В том месте, где несколько минут назад находился Иван с товарищами, ярко пылала одна из палаток и от нее начала гореть вторая, разделяя огненной стеной враждующие стороны. Оторвавшись от созерцания происходящего, Иван пошел к товарищам.

Не имея сил пройти через узкий проход в баррикаде под градом камней и бутылок с «коктейлями Молотова», «Беркут» отошел. Уставшие, обожженные бойцы поднимались на холм и в изнеможении валились с ног. Подстелив на растоптанную грязь кусок бумаги или щит, вытягивались, чтобы хоть немного снять напряжение с одеревеневших мышц. На мелкие неприятности в виде грязных рук или разлезшегося берца уже никто внимания не обращал. Выплюнув вату, Иван с жадностью пил воду из баклажки, четыре пака которой только что принесли из освобожденного Октябрьского дворца. Откуда перед ним появился полковник с новенькими погонами, в серой каракулевой папахе и черной кожаной куртке, он так и не понял. Выскочив, как чертик из табакерки, полковник сразу начал орать.

– Почему сидите, прохлаждаетесь? Почему не наступаете?

Иван от неожиданности поперхнулся, и, откашлявшись, ответил:

– Гранат нет. К «Фортам» патроны только с газом «Терен» остались, люди с ног валятся, уже двенадцать часов без отдыха.

– Гранат нет? Тогда берите камни и вперед, – заорал полковник.

– Вон камни валяются, бери и вперед! Давай, покажи личным примером! – сорвался на крик боец, брызжа слюною.

– Ты как разговариваешь?! Я зам. начальника главка, – раздулся от важности полковник.

– Да мне уже по барабану! Понятно! – милиционер уже

чувствовал, что контролирует себя с трудом, глаза начала застилать красная пелена. Резко выдохнув, Иван махнул рукой и улегся на щит. Ошарашенный полковник сверху вниз смотрел на обгоревшего, грязного спецназовца, который, безучастный к происходящему, лежал на забрызганном кровью и грязью щите.

– Где командир? – спросил уже более спокойным тоном полковник.

– Там, – показал в сторону вершины холма Иван и, положив голову на шлем, с наслаждением закрыл глаза.

– Приеду домой, уволюсь к чертовой матери, задолбали все эти начальники бронезадые, – ни к кому конкретно не обращаясь, бубнил Иван. Где-то вверху, перекрывая шум майдана, были слышны крики полковника в папахе.

– Наверное, командира нашел, – продолжая релаксировать, уточнил Иван.

Задремавшего бойца кто-то толкнул в ногу. Открыв глаза, Иван увидел стоящего над ним водителя командира.

– Да, Санек, что случилось?

– Командир просил, спуститься вниз осмотреться, что там и как. Заодно закинешь пацанам пак воды, они там смотрят за майдановцами. Сейчас еще один «Беркут» подойдет нам в помощь, и пойдем вниз.

Передав информацию, Санек попрощался и пошел вверх по склону. Поднявшись и сев на щит, Иван нашел палку и начал соскребать грязь с подошвы ботинок. Идти вниз не хотелось, здесь было спокойно и можно было поваляться, но делать нечего, командир просил – надо выполнять. Надев на голову шлем, подхватив щит и пак воды, боец, сплывая по грязи, стал спускаться вниз, стараясь сохранить равновесие. Пару раз упав, он, в конце концов, добрался к своим товарищам. Миша Ахтыркин и еще трое бойцов, прижимаясь к трансформаторному ящику, прикрепленному к стене здания, периодически выглядывали из-за угла в сторону Дома профсоюзов, наблюдая за обстановкой. Порывы ветра доносили жар от пылающих палаток, вынуждая отворачивать лицо от сухого, раскаленного воздуха.

– Мужики, я вам водички принес, – обрадовал товарищей Иван.

– Давай скорее! Спасибо!

Бойцы с жадностью пили воду. Подождав, пока товарищи утолят жажду, он спросил:

– Как обстановка?

– Нормально, пока не лезут. Огонь не дает. Да ты сам посмотри, – предложил Миша.

Выглянув, Иван увидел, что палатки уже догорают, но пламя

еще достаточно сильное – не пройти. Какие-то энтузиасты с той стороны все еще продолжали бросать камни, которые, вылетая из дыма, скакали по мраморной плитке, рикошетили от колонны.

– Не пройдем, – сделал вывод Иван.

– Еще минут двадцать, пока догорят.

– Что на верху? – поинтересовался один из бойцов.

– Нормально. Выдавливают радикалов вниз по Институтской. Грушевского и Украинский дом уже зачистили полностью. Сейчас еще «Беркута» подтянутся и пойдем вперед.

– Подкрепление надо, из подразделения половина осталась, и те еле на ногах стоят. Эх, быстрей бы дожать майдан и забыть все как страшный сон, – озвучил свои мечты Миша.

– Смотрите! Кто-то спускается! – прокричал, указывая рукой на холм, один из наблюдателей.

– Ты лучше за угол смотри. Сзади наши, а из-за угла может нежданчик выскочить, – сделал замечание Лапатый.

Иван, не обращая внимания на товарища, продолжал наблюдать, как неуклюже скользят с холма спецназовцы. Спускаясь, они опирались на щиты, упирая их в землю. Иногда щит выскальзывал и боец, теряя упор, падал, подбивая товарища, и они вместе оказывались в грязи.

– Это не наши. Щиты у всех и шлемы другие, – сделал вывод Ахтыркин.

– Наверное, это подошли «Беркута», что обещали на усиление прислать, – поддержал товарища Журба. По рации он вызвал ротного:

– Одиннадцатый сто пятнадцатому! Рация прошелестела в ответ:

– Минут через десять-пятнадцать можем выдвигаться.

Было видно, как наверху зашевелились черные силуэты, надевая экипировку и готовясь спускаться вниз.

– Дай посмотрю, что там творится, – попросил Иван, тронув за плечо одного из своих коллег. Высунув голову из-за угла, он всматривался в темноту, но пламя мешало рассмотреть мелькающие с той стороны силуэты. Боковым зрением Журба заметил прилетевший со стороны майдана предмет, звонко звякнувший об плитку.

– Какую-то трубу бросили, – не понимая, что упало, он всматривался в огонь.

– Дай посмотрю, от этих любой подлянки ждать можно, – кивнув головой в сторону скачущих майдановцев, Миша тоже пытался рассмотреть упавший предмет.

– Это вроде не труба, – сказал Лапатый.

– Б…ть, это газовый баллон! Съ… ся! – закричал он, в

подробностях рассмотрев прилетевший с майдана подарок. Первое мгновение все остолбенели, а потом, осознав опасность, проскальзывая, побежали, стараясь убраться подальше от опасности. За спиной оглушительно грохнул взрыв. Как кегли в боулинге попадали спускающиеся с холма бойцы. Сзади на Ивана, сбивая с ног, налетел замыкающий Миша Ахтыркин. Падая, Журба ударился лицом об руку, во рту опять появился соленый привкус крови. Шлем, забрало и левая рука были в грязи. Повернув голову назад, он увидел Лапатого, стоящего на коленях и опирающегося на руку. Он тряс головой, пытаясь сфокусировать взгляд, из носа тянулась тонкая струйка крови. Недалеко от него валялся дымящийся черный кусок баллона с рваными острыми краями. Сбитым с ног помогли подняться их коллеги. Иван оперся на стену, сплевывая кровь.

– Все нормально, братан? – спросил помогавший ему подыматься незнакомый боец. Слова говорящего было слышно, как будто в ушах была вата.

– Да, спасибо. Водички не подашь?

Попив воды, он осмотрелся по сторонам. Недалеко от него стоял Миша, которому фельдшер запихивал в нос ватный тампон. Остальные товарищи по несчастью стояли рядом, приходя в себя. Ахтыркин увидел возле себя дымящийся кусок баллона.

– Подфартило! Б…ть, в рубашке родился, – нервно захихикал спецназовец. Внезапно оттолкнув руку медика, он выскочил из-за угла здания и, повернувшись в сторону майдана, согнул правую руку в локте, а левой стукнул по сгибу.

– Нате вам, п…ры мокрожопые. Взяли? – брызжа слюной, проорал он. Бросившиеся за ним товарищи затащили раздухарившегося бойца назад под прикрытие стены. Следом прилетели несколько камней, которые в знак «благодарности» за его слова бросили радикалы. Взрыв разбросал горящие палатки и на тротуарной плитке возле мраморных колонн валялись тлеющие тряпки, горящие доски и еще куча всякого хлама, коптящего зловонным дымом. Все, что совсем недавно было огромным костром, быстро угасало. Иван протирал забрало и руку от грязи. К нему подошел командир.

– Как ты? – с тревогой в голосе спросил он.

– Нормально, – улыбнулся Иван. Белозубая улыбка резко выделялась на грязном лице. Полковник похлопал его по плечу.

– Держись, еще немного осталось. Повернувшись к толпившимся за ним бойцам и по-отечески на них посмотрев, сказал:

– Ну что, сынки, пошли!

Молча один за другим, как тени, милиционеры заходили за

угол, спрыгивали с высокого бордюра и исчезали в сизой дымке гари. Выбросив ватные тампоны из носа, Ахтыркин влез в строй между товарищами. Подняв свой многострадальный щит, Иван встал в конце строя. Голова немного кружилась, но стоять в стороне, когда твои товарищи шли вперед, он как-то не привык. Да и за Гену надо поквитаться. Его лучшего друга подстрелили во время спуска по лестнице, пуля ранила сразу двоих – его и куратора от МВД. В этой неразберихе про раненого в ногу товарища он узнал только что. Сколько ребят раненными потеряли, пока вниз спустились. Командир говорил, восемь человек только с огнестрельными ранениями. Суки, бьют как куропаток на излете. Хотелось бы хоть одного урода поймать с оружием. Заскрипев зубами, он сжал палку так, что побелели костяшки пальцев. Он знал, что сделает с этим ублюдком. Спрыгнув с бордюра, Иван побежал вслед за камуфлированной спиной впереди. Проскочив в узкий обгорелый проход, который они не смогли преодолеть перед этим, выскочили на Крещатик. Справа была мусорная баррикада и дымил железный остов какой-то машины. Позже Иван узнает, это то, что осталось от БТРа, сожженного боевиками. Повернув налево, сразу возле обгорелого прохода, шеренги «Беркута» смешивались с вэвэшниками, идущими по Крещатику. Все перемешалось, Журба уже не видел знакомых. Справа, вжавшись, стоял солдат в форме внутренних войск, а слева, прижимаясь к нему, прятался за щитом боец в форме «Беркута». Камни барабанили по щитам, в шеренгах взрывались петарды с примотанными к ним шариками, выкашивая бойцов, почти в упор били фейерверки, сбивая с ног милиционеров. Охнув, начал падать, заваливаясь назад, сосед справа. Иван даже не понял, что произошло с вэвэшником, которого уже тащили в конец строя. Маска на лице уже не впитывала пот, и он заливал глаза, во рту стоял металлический привкус крови. Воздуха не хватало и он, задрав маску на нос, жадно хватал ртом кислород. Крича, рыча и матерясь, шеренги двигались вперед, преодолевая сопротивление радикалов, которое с каждым новым отвоеванным метром становилось все сильнее. Слева разбилась бутылка с горючей смесью. Милиционеры резко отпрянули в стороны, толкая друг друга. Запутавшись в чьих-то ногах, Иван завалился на бок, увлекая за собой еще несколько человек. Падая в грязь, разбрызгивая жижу, перемешанную десятками ног, он выставил щит, загремевший пустым, металлическим звуком. Ему сразу помогли подняться несколько рук. Форма и щит были в грязи, но на это уже никто не обращал внимание. «Коридор! Коридор!», слышались крики в строю, это выносили раненых, залитых кровью бойцов. Со сцены

неслись крики, подбадривающие обороняющихся, все сливалось в один сплошной грохот и вой. Коробка, в которой стоял Журба, начала отходить назад, медленно, чтобы не споткнуться о валяющийся под ногами мусор. Остатки радикалов перелезали через баррикаду, скрываясь за щитами и просто листами железа, установленными на верху баррикады. Все сильнее разгорались костры, укрывая милиционеров черным дымом. Отойдя назад в более спокойное место, Иван мог осмотреться. Его окружали незнакомые люди, бойцов из его подразделения не было. Вдруг среди вэвэшников он увидел пробирающегося Худякова.

– Эй! – крикнул Журба, стараясь привлечь его внимание. Услышав окрик знакомого голоса, Женя начал оглядываться по сторонам. Иван помахал рукой.

– Вань, не знаешь где наши? – он сразу задал мучавший обоих вопрос.

– Сам ищу.

– Я у пацанов поспрашивал, они говорят, наши там, – показал он в сторону Дома профсоюзов, где шли самые упорные бои.

– А по телефону не пробовал?

– Пробовал, никто трубку не берет.

– Ну, пошли тогда поищем! – позвал Иван, протискиваясь между плотно стоящими солдатами.

Народу было много, везде стояли большие группы солдат и «Беркута», а толку от этого не было. В наступление шли два-три подразделения при поддержке одного из водометов, который поджигали перед баррикадами, и он пятился назад, поливая водой площадь радиусом в пять метров перед собой. Остальные силы милиции, стоя за спинами товарищей, бессильно смотрели на все происходящее, команды вперед им не давали. Однажды, когда слабая струя воды из брандспойта в конец разозлила милиционеров и они вытащили водителя – «потолковать по душам», он пояснил: «Воды нет. Водометы полупустые». Несмотря на все эти мелочи, силовики шли вперед, сражаясь с радикалами.

Возле Дома профсоюзов, куда пришел Иван с Женькой, подразделение выстраивалось в боевые порядки.

– Давайте становитесь быстрее в строй, – распорядился какой-то офицер в маске.

Голос показался Ивану знакомым. Но разбираться, кто это, времени не было. Все пришло в движение, и они пошли вперед. Возле Журбы, плотно прижатый к нему, стоял Худяков. Взорвались первые газовые гранаты, сухо защелкали «Форты», прикрываясь щитами, силовики побежали вперед, стараясь как можно быстрее сократить расстояние. Под ногами валялась проволока от сгоревших шин, передние ряды, попав в ловушку,

путались, задние ряды напирали, сбивая их с ног и создавая еще большую неразбериху. В наступающих, как всегда, полетели камни и «коктейли Молотова», озаряя яркими вспышками темноту и выхватывая из нее грязные лица бойцов. В щит Ивана что-то ударилось и с металлическим звуком упало под ноги. Посмотрев вниз, он увидел остро заточенный с двух сторон кусок арматуры, это уже серьезно. Выйдя на угол здания, спецназовцы остановились. Здесь камни летели уже с двух сторон. Прикрывая друг друга щитами, они ждали, пока подтянутся остальные, выпутывающиеся из проволоки. Как всегда, нерешительность милиции активизировала боевиков. Они налетали мелкими группами, били трубами и битами, куда придется, и сразу убегали, их отход прикрывали камнями и фейерверками. Под каменным дождем, прячась между колоннами Дома профсоюзов, так и не начав наступать, милиционеры стали отходить. Сверху на голову сыпались выбитые стекла. Отойдя на исходные позиции, бойцы без сил валились на щиты, снимали шлемы, маски и с жадностью большими глотками пили воду. Иван с удивлением смотрел по сторонам, все лица были незнакомые.

– Держи, – передал ему бутылку один из бойцов.

– Спасибо.

Попив, он отдал бутылку Худякову, сидящему рядом с ним и с тоской рассматривающему свои штаны. На одной штанине зияла большая дыра, из которой торчал белый, оплавленный по краю синтепон.

– Скажи спасибо, что штаны сгорели, а не сам, – засмеялся, сверкая белозубой улыбкой на грязном лице, сидящий напротив спецназовец.

– Слышь, Жень, это не наши, – прошептал Иван на ухо другу.

– Я вижу, – так же шепотом ответил он.

– Вы откуда, братаны? – спросил Журба у сидящего около него бойца.

– С Запорожья. А вы? Иван назвал свой город.

– Так ваших здесь нет.

– Это мы уже поняли, – рассмеялся Журба.

– Пойдем своих искать, а то нас еще дезертирами объявят, – пошутил Худяков, с трудом подымаясь с колеса, на котором он удобно сидел. Бойцы тепло попрощались с товарищами, и, подхватив щиты, пошли обратно.

– Спасибо за помощь! – крикнул им вслед, смеясь, спецназовец из Запорожья.

– Не за что. Если надо, обращайтесь, всегда рады помочь, – улыбаясь, ответил Иван.

Они вдвоем снова пробирались между милиционерами,

внимательно всматриваясь в лица, стараясь увидеть своих товарищей. Человеческое столпотворение гудело, как растревоженный улей. Одни строились и куда-то уходили, другие – только что пришедшие, располагались на новом месте, третьи – уставшие, обожженные и грязные, сидели на щитах, тупо уставившись вперед. А рядом их товарищи, не обращая внимания на грохот разрывов и крики, свернувшись калачиком, мирно спали на щитах, бросив их прямо на землю. Журба с Худяковым осматривали стоящий на металлических дисках остов сгоревшего БТРа, возле которого фотографировались вэвэшники. Красно-рыжий металл в некоторых местах был синюшного цвета, перекалился от высокой температуры.

– Пацаны, интересно, хоть успели выскочить? – вслух высказал свои мысли Женька.

– Успели! Как только полыхнул, все повыпрыгивали, – ответил один из вэвэшников, стоящих рядом. Худяков приложил руку к синюшному пятну на металле.

– Это ж какая температура была?

– Жень, пошли. Мы так своих до утра не отыщем. Очередной салют взорвался недалеко от бойцов, заглушая последние слова Ивана.

Своих они нашли, сидящими на обгоревших деревянных нарах, возле прохода, через который они вышли на Крещатик. У Журбы заныла губа, которую ему расквасили в этом проходе. Сбитые из досок, обгоревшие нары не могли уместить всех желающих отдохнуть, многие сидели прямо на асфальте, подложив что-нибудь снизу. Бойцы сидели, с усталой отрешенностью смотря в сторону огня, горящего перед баррикадами, откуда к ним несло дым.

– О! А вы где были? – навстречу им шел Кольницкий.

– Не поверишь, Андрюха, там, – ответил Худяков, указывая рукой в сторону, откуда они пришли.

– Ходили в атаку с запорожцами возле Дома профсоюзов, думали это вы.

В Доме профсоюзов разгорался пожар. Пламя, воя и ревя, как раненый зверь, вырывалось из нескольких окон, стреляя раскаленным стеклом, вверх взлетали мириады оранжевых искр. Было видно, что милиционеры отошли от здания, чтобы не попасть под горящие ошметки, падающие вниз.

– Ну и как, удачно сходили? – поинтересовался сидящий рядом Ахтыркин.

– Не очень, – ответил за друга Иван.

– Строиться! – последовала команда и бойцы, устало кряхтя, тяжело поднимались, становясь в строй, разбавленный

внутренними войсками. Иван попал со щитом в первую шеренгу. Они формировали «монолит», нахлестывая щиты один на другой, выстраивая единую линию.

– Вперед!

Вся живая конструкция двинулась вперед. Водомет, едущий перед шеренгами милиции, поливал горящее впереди пламя, пытаясь его потушить. В него полетели бутылки с зажигательной смесью, поджигая колеса, и он замер на месте. Огонь, заливаемый из брандспойта, шипел, визжал и отказывался тухнуть. В щиты начали бить камни и салюты, но цепь двигалась вперед, не останавливаясь. Сквозь огонь было видно, как с той стороны бегали люди, поливая пламя из канистр, от чего оно вспыхивало с новой силой и сразу в него летело все, что могло гореть. В подошедших почти вплотную к стене огня силовиков полетели остро заточенные штыри, обрезки труб, которыми целились в основном в незакрытые ноги идущим в первой шеренге. В строю раздался крик:

– Командира ранили!

Бойцы останавливались и оглядывались по сторонам, не понимая, что им делать. Водомет начал сдавать назад, струя воды из брандспойта ослабела, давая возможность воскреснуть почти что потушенному огню, который с веселым рыком бросился пожирать новую пищу, бросаемую ему майдановцами. Сквозь отверстия в щите Иван заметил, что водомет находящимся у него сверху кабины брандспойтом зацепился за толстый электрический кабель, висящий между столбами, и уже натягивает его, грозя порвать. Под ногами была вода и грязь, может получиться неплохой электрический стул. Передние колеса машины уже горели, а в стекла машины бились камни, заставляя водителя нервничать и быстрее отъезжать. Выскочив из шеренги, Иван, прикрываясь щитом, бросился к водомету, по пути подхватив валяющуюся под ногами палку. Ею он постучал в двери оператора водомета. Высунувшемуся из дверей вэвэшнику боец объяснил возникшую проблему. Машина взревела и пошла вперед, струя воды из брандспойта ударила с новой силой, поливая баррикаду. Оперев щит на себя, Журба схватил палку двумя руками и приподнял кабель над машиной, закричав в приоткрытую дверь оператора:

– Давай! По чуть-чуть назад!

Водомет, чадя горящими колесами, сдавал назад. Видя, как в стоящего бойца бьются камни, шеренги милиции опять пошли вперед, отвлекая внимание радикалов на себя. Взорвались несколько гранат, окутывая газом боевиков, чаще защелкали «Форты», посылая резиновые пули в беснующихся боевиков. Иван

смотрел, как медленно водомет проходит под кабелем. Несколько камней ударили в бронежилет, один в правую руку. Резкая боль разлилась от локтя и выше, онемели кончики пальцев. Другие камни шлепались в грязь, забрызгивая и так грязную форму, рикошетили от машины, бились в щит, отлетая в стороны. Наконец опасность была позади и боец, бросив палку, подхватил щит и бросился бежать к товарищам. Влившись в шеренгу, он вместе со всеми начал отходить назад. Уставшие милиционеры, с трудом передвигая ноги, возвращались назад на свои позиции.

На обгорелых нарах было расстелено старое одеяло, на котором лежал скрюченный командир и громко стонал. Рядом стоял майор Барсуков.

– Константин Викторович, что с командиром? – спросил Иван, остановившись рядом с нарами.

– Камнем ему прямо между ног попали. Он от боли вырубился. – Журба скривился, представив, какую боль испытал полковник.

– Надо на пятках попрыгать, легче будет, – посоветовал подошедший Серков.

– Ты сам за него попрыгай, – строгим голосом рекомендовал майор Барсуков. – Он от боли разогнуться не может. Мы его на руках скрюченного несли. Куда ему прыгать?

Видя, что ничем не могут помочь страдающему командиру, бойцы пошли дальше искать свободные места. Наконец найдя, где можно присесть, Иван расслабленно откинулся назад. Рука, в которую попали камнем, болела уже не так сильно, на нее в принципе можно было не обращать внимания. Лежа на спине и смотря вверх, он думал: есть все-таки что-то вроде судьбы. Сегодня сколько раз рисковал и ему везло, беда обходила стороной. Тьфу-тьфу, сплюнул он. Все же удача любит смелых, вспомнил поговорку Журба. Он понемногу начал отключаться, засыпая.

– Вставай! Подъем! Строиться! – тряс его за колено Степаненко.

Иван с трудом разлепил глаза и, кряхтя, поднялся. Боль была во всем теле. Взяв в руку щит, пошел строиться. Они опять шли вперед, снова камни, короткая рукопашная и снова откатываются назад, забирая раненных. Рядом с Журбой, поддерживая под руки, двое срочников провели Кольницкого, прыгающего на одной ноге.

– Что с ногой? – спросил Иван, опираясь на щит.

– Камень, – односложно ответил раненый товарищ.

– Перелома хоть нет?

– Вроде нет. Пальцы шевелятся.

– Пацаны, отведите его к «скорой». Пускай врачи посмотрят, –

попросил Журба вэвэшников.

Опять раз за разом слышалась команда: «Становись! Вперед!». И снова шеренги шли в бой, медленно и неуклонно продвигаясь к цели – сцене майдана. Бойцы бы ли уже полностью вымотаны, еле-еле держались на ногах, качаясь от усталости. Только что Ахтыркин и двое бойцов возле него заснули прямо в строю, все остановились. Разбудили их камни, летящие с пылающей баррикады, приводя бойцов в чувство. Быстро сориентировавшись, в какую ситуацию они попали, спецназовцы заскочили назад в начавший отходить строй. Человеческая жестокость достигла своих пределов. Если двум противоборствующим сторонам удавалось сцепиться в рукопашной, здесь слова «пощада» и «жалость» отсутствовали. Люди воя, крича и плача – рубали, били, рвали друг друга с яростной ненавистью обреченных. После таких рукопашных схваток противники расходились, унося раненых окровавленных товарищей. Правда, до рукопашной дело доходило не часто. Наступающих милиционеров обороняющиеся забрасывали камнями, взрывпакетами, остро заточенными кусками арматуры и бутылками с зажигательной смесью. Умело прикрываясь щитами, отходили на новые позиции, поджигая перед правоохранителями облитые бензином покрышки и другой мусор, что может гореть. Стена жаркого, воющего огня моментально разделяла двух ненавидящих друг друга противников, и силовики откатывались назад.

Наступал рассвет. Все подернулось молочной дымкой, а предметы приобрели некоторую размытость. Как тени у реки Стикс, ожидающие Харона, бродили бойцы, выплывая и снова пропадая в туманной мгле. Уже не было слышно веселого смеха и шуток, все равнодушные, с восковыми лицами, со следами копоти и грязи. Они спали где придется, не обращая внимания на грязь и холод, усталость валила с ног, сил не было, держались на одной воле.

Командир стоял в центре выстроенных буквой «П» остатков своего подразделения. Правда, строем это можно было назвать с большой натяжкой: бойцы стояли не в шеренгах, а как придется, словно монументы – неподвижные, черные, постаревшие. Откуда эта сила духа в них, он не понимал. Голодные, вымотанные и выжатые, они раз за разом, выполняя приказ, шли вперед на майдан, немного отодвигая границы баррикад – ценой ран и увечий, откатывались назад. Сил продвинуться дальше вперед у них уже не было. Их давно должны были сменить, но свежих сил не было. Автобусы с подмогой, остановленные властной рукой генералов, не спешили в Киев, поэтому свою кровь приходилось

лить тем, кто был сейчас здесь.

– Сейчас звонил министр Захарченко, просил дожать эту клоаку, потому что Президент согласился на перемирие. Сейчас идем на майдан и жмем до конца!

Бойцы встретили слова командира молчаливым согласием и ударами палок по щитам.

– Тогда становись! – отдал команду полковник. Молча «Беркут» и вэвэшники становились в боевые порядки.

– Стоять! Стоять! – донеслись сначала выкрики, а потом из серой мглы появился человек в генеральской форме.

– Отставить, я сказал! Людей по местам! Командиры ко мне! – раздавал он указания налево и направо. Командиры, выполняя приказы, выводили из шеренг своих людей.

– Не успели, – громко, разочарованным голосом проговорил Ахтыркин, размазывая рукой сажу под глазами.

Обреченно опустив голову, полковник сказал:

– Разойдись! Находимся на старом месте.

Хромая, пошел к стоящему недалеко генералу. Милиционеры расходились и каждый искал себе место, где можно вздремнуть. Больше чем спать, хотелось есть. Последний раз они ели вчера утром, перед тем, как все началось, а потом было не до того, перехватывали на ходу печенье, запивая водой. Живот у Ивана призывно заурчал, требуя пищи.

– Товарищ полковник! – бросился в след уходящему командиру боец. Переступающий валяющийся под ногами мусор, полковник остановился и повернул голову на голос.

– Командир, разрешите, я Степаненко возьму, сходим в Октябрьский дворец?

Видя недоумение в глазах полковника, Иван поспешил пояснить:

– Я там продуктовый склад майдановцев видел, когда воду искал, может что-то осталось.

Командир утвердительно кивнул головой, давая свое согласие.

Довольный, Иван шел, согнувшись под тяжестью полиэтиленового мешка, в котором, радуя слух, позвякивали банки. В левой руке он нес пятилитровую баклажку с водой. Сзади с таким же мешком топал довольный Степаненко. Вылазка за продуктами оказалась удачной. На так называемой кухне, в которую протестующие переоборудовали одну из комнат старинного здания, нашлись банки с домашней консервацией, тушенкой, посылаемой из далеких деревень Западной Украины своим освободителям, хлеб, масло, печенье, даже несколько пачек шоколадного масла иностранного производства, его они брать

побоялись, все-таки слухи про добавки в еду храбрым майдановцам могут быть не беспочвенные. Все это добро они собрали в валяющиеся тут же полиэтиленовые мешки и, прихватив с собой воды, поспешили обратно к своим товарищам. Здесь их уже встречали с нетерпением голодные милиционеры. Быстро накрыв стол на валяющихся ящиках, они вскрывали банки. Намазывали на хлеб толстым слоем жирную свиную тушенку, накладывая сверху кусочки мяса, и закусывали это изобилие маринованными патиссонами и помидорами.

– Пацаны, идите, перекусите, – позвал Иван вэвэшников, видя, какими голодными глазами они смотрят на раннее пиршество «Беркута». Голодных солдат два раза звать не пришлось. Через несколько минут они, довольные, засовывали в рот огромные бутерброды. К столу подошел мрачный командир.

– Ну, что сказали, командир? – посыпались вопросы.

– Все, отвоевались. Перемирие.

Эти слова, как гром среди ясного неба, всем испортили настроение. Слово «перемирие» они уже слышали не раз и знали, какое значение оно имеет для них.

– Товарищ полковник, держите бутерброд, – предложил чумазый Красилюк, протягивая командиру хлеб с тушенкой.

– Спасибо, Виталик, – поблагодарил полковник, беря бутерброд. Все замолчали, усиленно жуя дары западенцев, расстроенные известием о перемирии. Ведь они так надеялись сегодня закончить майдан и с чувством выполненного долга уехать домой.

– А что у вас бензином воняет? – полюбопытствовал командир, принюхиваясь.

– Ага, я тоже уже давно заметил, – поддержал его Логвиненко, усиленно нюхая воздух возле одного из деревянных ящиков, на которых был накрыт стол. Он снял банки, стоящие на фанерном листе, и поднял его. В ящике аккуратными рядами стояли бутылки с «коктейлями Молотова».

– Вот это сюрприз! – воскликнул Иван.

– Уберите его отсюда, пусть не воняет, – распорядился командир. Ящик оттащили немного в сторону и продолжили ранний завтрак.

После сытной еды бойцов разморило и они искали, где можно прилечь. Некоторые особо тщеславные давали интервью бродившим здесь корреспондентам, снимающим шокирующие кадры противостояния. Спрятав от любопытных глаз лицо под маской, Иван завалился около мирно храпящего Худякова и моментально вырубился.

В автобусе было жарко, накочегарили так, что сидели в свитерах, а горячие парни – в футболках. Вчера водилы заправили баки под завязку, поэтому соляру сильно не экономили. Иван сидел около дверей, уже давно сильно хотелось в туалет, но выходить на улицу, где сырой ветер гнал черные хлопья сажи от горящих на майдане покрышек, очень не хотелось. Через час естественные надобности взяли верх над нежеланием выходить на улицу и Иван, крикнув: – Если что я в туалете, – быстро, чтобы не запустить морозный воздух в автобус, выскочил на улицу. Двери за спиной закрылись, отрезая от тепла и комфорта. В спину

ударил порыв ветра, как бы поторапливая. Со стороны майдана постоянно бухало и были видны вспышки разрывов. Иван быстро добежал до биотуалета. Дверей на нем не было, их оторвали активисты майдана, укрепляя свои баррикады, еще удивительно, что туалет не уволокли. По-быстрому справившись, Журба побежал назад к автобусу, кутаясь в засаленный, прожженный бушлат, стараясь сохранить остатки тепла. Подбегая к автобусу, он увидел, как из машины командира вылез боец.

Весь он был какой-то новенький, чистенький, румянец на щеках, только в глазах были растерянность и интерес, читался вопрос: «Куда я, б…ть, попал?». Еще не было налета серой землистой усталости на лице от всего происходящего, под глазами не собрались несмываемые тени от копоти чадящих шин. Форма была чистенькая, не порванная, а обгорелые берцы не расплылись на ноге бесформенными говноступами. С удивлением милиционер осматривал разбитый и обожжённый Крещатик. На его лице отражалась вся гамма чувств: растерянная заинтересованность и недоверие к происходящему. Резкий порыв ветра прижал плывущий поверху вонючий дым к земле и бросил новичку в лицо. Вдохнув порцию ядовитого дыма, боец закашлялся. Иван засмеялся.

– Что, Вовчик, не привык еще ты к чистому Львовскому воздуху, кашляешь? Ничего привыкнешь. Мы уже вдоволь надышались.

Вновь прибывшего Журба узнал сразу – это был Гривник Вова из второй роты. По меркам спецназа он был полноват. Небольшое брюшко и пухлые щеки могли обмануть тех, кто его не знал, но Ивану было известно, что Гривник с его комплекцией свободно садился на шпагат и прыгал как маленький резиновый мячик, а еще он был веселый балагур и почти никогда не терял оптимизма и чувства юмора. Увидев взгляд Вовы, Иван сказал «Welkom to Hell, Вовчик!». Гривник повернулся на звук голоса.

– Да, натворили вы тут дел. Ну, ничего, в сорок пятом пленные немцы все отстроили, что разрушили, и эти восстановят. Ты знаешь, по телеку все совсем по-другому выглядит, чем вживую. Производит впечатление.

Спецназовцы крепко обнялись.

– Ты когда приехал? – спросил Иван.

– Восемнадцатого, вчера вечером, на поезде. В общаге у вас переночевал, а сегодня командир заехал, забрал на Крещатик.

Иван, взглянув на автобус, задал вопрос:

– Тебе в какой автобус сказали садиться?

– Да ни в какой.

– Ну, тогда пошли к нам, обещаем горячий чай и наше

радушие, – засмеялся Иван, подхватывая сумку, с которой приехал Вова. В сумке что-то звякнуло.

– Осторожно, домашнюю консервацию побьешь, – предупредил Вова. В автобус Иван зашел через задние двери.

– Кого я вам привел! – крикнул Журба, пропуская вперед Гривника.

– О! Вовчик, – сразу полез обниматься Гена.

– Какими судьбами? – спросил Кольницкий. Все стали обнимать Гривника, пожимать руку. А он с удивлением смотрел по сторонам, вроде все свои пацаны, а узнаются с трудом. Грязные закопченные лица, на которых своей белизной выделяются белки глаз и белозубые улыбки, рассеченные лбы, щеки и подбородки, потрескавшиеся, обветренные губы. На лице каждого майдан оставил свой отпечаток. Только радушие и счастье от встречи с товарищем сразу узнавалась. Сразу посыпались вопросы.

– Ну что там дома?

– Как город?

– Как доехал?

– У вас там тоже такой дурдом творится? Вова не успевал отвечать на вопросы друзей.

– Подождите, все вопросы потом, а сейчас перекусим, я жрать хочу. Я домашней консервации привез, сальца, мамка лоток варенников положила. Сейчас на стол накроем, – перебил товарищей Вова.

– О, це добре, добре, мы еще сегодня не ели, – поддержал друга Одас, перелезая с места водителя в салон. Вова вытащил из сумки трехлитровую банку.

– А вот и солененькие огурчики, – обрадовался Ахтыркин.

– Помоги ему, Мишаня, достань огурцы, – с нетерпением в голосе сказал Гена.

– Чем? Этим? – засмеялся Лапатый, показав черные от сажи руки, – мылом уже не отмываются. Гена посмотрел на Вову.

– Достань ты, у тебя руки самые чистые во всем автобусе.

Быстро накрыли на стол и все жадно стали уплетать домашние разносолы. Немного утолив голод, Гена спросил:

– Ну что там дома? Как оперативная обстановка?

– Да так же, как и у вас, только поспокойнее. А где Саркис? Он же вроде с вами в автобусе был, ему сестра торт печеночный передала. Сказала сама пекла.

– Вчера ранили его. Огнестрел в ногу, крови много потерял. В госпиталь увезли. Вчера как наступали, еще девять огнестрельных ранений и человек двадцать-двадцать пять с травмами «скорые» увезли. Видишь, в автобусе как свободно, места хоть отбавляй, –

мрачно усмехнулся Иван.

– Располагайся на свободных седушках, только вещи мужиков назад переложишь, мы их потом в их комнаты занесем.

– Двухсотых хоть нет? – взволнованным голосом спросил Вовчик.

– Бог миловал, – перекрестившись, ответил Гена.

– У запорожцев вера одного бойца почти в упор застрелили картечью, – сказал Кольницкий.

– Пусть земля ему будет пухом.

Все в автобусе замолчали, думая каждый о своем.

– Ладно, – прервал тишину Иван. – Убираем и собираемся на службу. Вове мешок Саркиса отдайте. Подгонишь там все под себя.

– Ты смотри, как на тебя сделано. Что, Вова, уже освоился? – поинтересовался командир, проверяя личный состав, построенный на улице. Гривник, стоящий в строю, выделялся своей чистенькой формой, как белая ворона, притягивал взгляд. Надетый сверху на бушлат бронежилет топорщился на животе, а пухленькие щечки, прижатые шлемом, наплывали на глаза, делая их узкими.

– Так точно! – браво ответил Гривник.

– Тогда пошли, посмотришь на майдан или на то, что от него осталось.

Нестройной толпой во главе с хромающим командиром «Беркут» пошел в сторону поднимающегося вверх столба черного дыма, четко указывающего направление на майдан. После того, что здесь было буквально еще несколько часов назад, сейчас это был рай – после ада. Перемирие, которое попросила оппозиция, соблюдалось по мере сил обеими сторонами. Перед баррикадами стояла жидкая шеренга солдат, опирающихся на щиты, за ними находился «Беркут». Рассаживаясь кто где, на сложенных из всего, что попадалось под руку сидениях, бойцы группировались по интересам. Гривник смотрел по сторонам, подыскивая чистое место, но грязь и копоть были везде. На такие мелочи никто не обращал внимания. Бойцы сели в кружок. Иван ковырял палкой разлезшийся ботинок, Ахтыркин где-то нашел пачку влажных салфеток и теперь безрезультатно пытался оттереть сажу, въевшуюся в руки, рядом Степаненко стругал ножом деревяшку.

– Я когда был в общаге, Васигу встретил. Он вещи собирал, – проговорил Гривник, осторожно отодвигая от себя грязный кусок полиэтилена.

– Да, с Ромой неприятный оборот вышел. Вчера, когда мы от Октябрьского вниз на Крещатик спускались по ступенькам, по нам стрелять начали. Он как увидел первого раненного, всего в

крови, в ступор впал.

– Не пойду вниз, пока автомат не дадите, – уперся и ни в какую. Его командир взвода уговаривал и пацаны, а он все свое талдычит: «Дайте оружие, пойду», а какое у нас оружие кроме «Фортов»? – рассказал Иван о вчерашнем происшествии.

– Командир его сначала в автобус отправил, чтобы панику не сеял, а после сказал собирать вещи и ехать домой. Такие бойцы не нужны, – закончил за Ивана рассказ Степаненко. Все замолчали, думая каждый про свое.

– А я Ромку не осуждаю. Не каждый может вперед идти, когда рядом товарищ весь в крови, раненый орет, высказался в поддержку Васиги Ахтыркин.

– Но ты ведь шел вперед, не дал заднюю, – начал злиться Иван. Ахтыркин пожал плечами, мол, бывает, и улыбнулся.

– Получается Саркис, которого подстрелили, должен идти вперед, а он нет, будет в стороне наблюдателем стоять, смотреть, как товарищей расстреливают, а потом им в госпиталь апельсины носить или цветы на могилку.

Раскрасневшийся Журба умолк, гневно раздувая ноздри. Товарищи, опустив глаза, молчали. Со стороны баррикад начали бахать фейерверки, выстрелы огненными кометами понеслись в сторону милиции. Гривник, еще не привыкший к подобному, испуганно вжал голову в плечи. Один из салютов упал под ноги Ахтыркину. Увидев это, Вова вскочил и, развернувшись, закрыл уши руками. Миша равнодушно отвернул в сторону лицо. Ба-бах! Взрыв осыпал милиционеров мелкими искрящимися огоньками.

– Все равно, я думаю, что Васига молодой, ну испугался, – как ни в чем не бывало, продолжал спорить Ахтыркин.

– Американец тоже не старый, шел вместе со всеми и назад не побежал, – продолжал стоять на своем Иван.

Гривник, немного смутившись, сел назад на свое место. Увидев смущение товарища, Степаненко успокоил:

– Привыкнешь. Мы поначалу тоже в разные стороны разбегались, а потом привыкли. Хуже, когда петарду или взрывпакет бросают, они к ним шарики приматывают. Если увидел, лучше беги.

– Да я не испугался, просто как-то неожиданно все произошло, – храбрился Вова.

– Здесь все неожиданно происходит, – засмеялся Ахтыркин.

Смена за разговорами пролетела незаметно. Гривник умудрился вымазать свою чистую форму и теперь, матерясь, пытался на ходу вытереть рукав, растирая сажу еще сильнее.

– Можешь не тереть, скоро вся такая будет, – смеясь, успокоил Каустович.

Опираясь на автобус, их встречал Кольницкий.

– Ну как нога? – спросил Иван у друга, помогая ему запрыгнуть в автобус.

– Нормально, уже опухоль спадает, – ответил Андрей.

– Может, все же в госпиталь поедешь. «Скорая» в госпиталь отвезет. Там врач посмотрит, рентген сделают, – Журба снял бронежилет и бросил его на сиденье.

– Там и так полный госпиталь. Вчера только из нашего автобуса пятерых увезли. Пройдет. Я мазью мажу, что фельдшер дал, уже не так болит.

– Вань, у тебя телефон несколько раз уже звонил, – крикнул Одас, как всегда ковыряясь во внутренностях автобуса.

– Блин, жена Находько. Она как чувствует, что Гену ранили. Он телефон выключил, а я ей сказал, что он уехал продукты получать и телефон разрядился. Телефон опять зажужжал.

– Алло!

Из трубки послышался женский крик, вперемешку со слезами. Иван молча, с виноватым видом слушал упреки, обвинения и всхлипы, звучащие из трубки. Одас, услышав доносившиеся из трубки звуки, еще глубже залез во внутренности автобуса. Наконец трубка в руках Журбы замолчала, послышались гудки.

– Жена Находько узнала, что Гену ранили, – виновато пояснил он Одасу, сидящему за рулем с грязными руками и смотревшему на него сочувственным взглядом. В руках у Ивана опять завибрировал телефон. Он посмотрел на экран: «любимая».

– Уже созвонились, – обреченным голосом сказал Иван. – Да!

Из трубки один за другим неслись вопросы, на которые он еле успевал отвечать.

– Со мной все в порядке. Гену немного ранили в ногу. Сидим в автобусе.

– Игорек, скажи что-нибудь, а то мне не верят, – попросил Журба, протягивая трубку Одасу.

– Да в автобусе мы, успокойся, – крикнул Игорь в трубку и быстро вернул ее назад.

– Алло! Убедилась? Все нормально. Я тебя не обманываю.

Послушав еще наставления и быстро попрощавшись, Иван отключил телефон.

– Ух! Заморился, – тяжело опускаясь на сидение, произнес милиционер. – Все равно, что вагон цемента разгрузил.

– Да, и не говори, с ними тяжело, – засмеялся с другого конца автобуса Ахтыркин.

– Когда нам теперь заступать? – спросил Степаненко.

– В девять вечера, а потом под утро.

Серое промозглое утро вынуждало настроение раскисать под холодными струями дождя. Сбившись в кучу, бойцы прятались, накрываясь кусками клеенки. Вода собиралась на ней, скатывалась вниз небольшими ручейками, прямо под ноги сгорбившимся милиционерам, пытающимся урвать еще кусочек сновидений. Зубы выбивали мелкую дробь, ноги, стоящие в лужах, уже полностью промокли, а отсыревший за два часа бушлат не мог сохранить остатки тепла. Все с нетерпением ждали смену, поочередно вглядываясь в дымную мглу Крещатика. На баррикадах началась какая-то подозрительная активность. Полупотухшие костры разгорались сильнее, выбрасывая столбы черного жирного дыма, прибиваемого дождем к земле и мешающего дышать, заставляя милиционеров опять надеть защитные маски, прикрывающие рот. Оживление движения на баррикадах и грохот, раздающийся оттуда, не внушали оптимизма в души спецназовцев. Привыкшие за время, проведенное в Киеве, к разным гадостям со стороны радикалов, милиционеры с опаской поглядывали на клубы дыма, ожидая очередного подвоха. Майор Барсуков встал с колеса, на котором сидел, и посмотрел в сторону, где стояли автобусы.

– Смена идет!

Эти приятные для слуха слова заставили всех зашевелиться. Бойцы вставали, разминая затекшие ноги, струшивали воду с клеенок, передавая их подошедшим милиционерам.

– Как обстановка? – поинтересовался у Ивана один из только что заступивших.

– Да ничего, пока тихо.

Над ними, опровергая его слова, разорвался фейерверк, рассыпая огоньки.

– Правда, опять костры распалили. Приходится дымом дышать.

– Нам к этому не привыкать. Лишь бы эти, – кивнул он головой в сторону радикалов, – из нор не вылезли.

Спецназовцы попрощались, пожелав остающимся спокойной службы, и разбрызгивая лужи, быстро пошли к автобусам. В груди у Ивана было какое-то щемящее чувство тревоги. Он повернулся и помахал рукой остающимся товарищам, ему помахали в ответ.

В автобусе было уютно, как дома, правда, черный дым с майдана добрался уже и сюда. Он висел сизым туманом в салоне и драл горло, вызывая сухой чахоточный кашель.

– Надо куда-нибудь переехать. Где дыма нет, – предложил Ахтыркин.

– Ну да, а то на майдане дышали, теперь здесь опять дышать будем, – поддержал идею Каустович. Он как раз развешивал

влажный бушлат на поручнях автобуса. Иван был согласен с товарищами.

– Сейчас схожу, с командиром переговорю.

– Одас, вставай. Заводи автобус и печку включи, – Журба бесцеремонно потряс за плечо спящего в спальном мешке водителя. Кокон зашевелился и из него вылезла голова Игоря.

– Уже пришли?

– Мы сейчас тебя на улицу выбросим, если печка не начнет работать, – грозно крикнул Логвиненко.

Полусонный водитель завел автобус. Иван открыл дверь и вышел на улицу. Раннее утро было таким же серым, как и мир, в который оно приходило. Облака, из которых на многострадальную землю лил дождь, посветлели на востоке. Черный дым, ползущий по Крещатику со стороны майдановских баррикад, просачивался во все щели, отравляя все живое. Спотыкаясь о разбросанный везде мусор, боец быстро побежал к машине командира. Постучал в окошко. Никто не открывает. Заглянув в лобовое стекло и убедившись, что внутри никого нет, он осмотрелся по сторонам.

– Кого ищешь? – услышал он голос из-за спины. Повернувшись, увидел улыбающегося Краховецкого.

– Командира видел? – грубо спросил Журба, который был недоволен, услышав в голосе Максима сарказм. Улыбка сошла с лица милиционера.

– Он у нас в автобусе сидит, с пацанами общается. Иван, хмурый и раздраженный от летящих в лицо холодных дождевых капель, подошел к ПАЗу. Нажал потайную кнопку, их недавно установили на всех автобусах. Водители устали открывать и закрывать двери за постоянно снующими туда-сюда милиционерами и совместными усилиями упростили себе жизнь, поставив кнопки на открывание и закрытие дверей. Полковник сидел за столом в окружении бойцов и весело болтая, завтракал. Увидев в дверях Журбу, он улыбнулся и позвал:

– Заходи быстрее, не выпускай тепло. Ты меня ищешь или к ребятам зашел? – И добавил:

– Садись за стол. Перекусишь, чем Бог послал. Из вежливости Иван хотел отказаться, но в животе предательски заурчало. На столе он увидел, кроме уже приевшихся тушенки и консервов, мелко нарезанные кусочки сала, несколько сочных луковиц и любимое блюдо командира – домашняя олийка с солью. Полковник любит макать в нее черных хлеб. Увидев обалдевшие глаза бойца, командир пояснил:

– Сегодня с Родины гостинец привезли. Родственник проездом в Киеве был. Присоединяйся.

Обмакнув черный хлеб в олию, захрустел зажаренной горбушкой. У Ивана потекли слюнки. Дважды его упрашивать не пришлось. Взяв сало, черный хлеб и кусочек луковицы, он, довольный, принялся за еду.

– Эх, к такой закуске и бутылочку не мешало бы, – смеясь, высказал мысль Иваненко Виталик.

– Я тебе дам бутылочку. Ты на службе, – улыбаясь, сказал командир. Он понимал, что Виталик шутит, к службе бойцы относились серьезно.

– Приедешь домой, будет тебе там бутылочка.

– Да я за эту, – боец достал двухлитровую баклажку «Бон-Буасона».

– А…а. Ну тогда наливай. Полковник подвинул стоявшую возле него чашку.

Иваненко ловко налил в нее пенящийся сладкий напиток.

Виталик Иваненко в подразделение на должность командира взвода перевелся буквально месяц назад, тоже из «Беркута», только из другой области. Своей открытостью и радушием, готовностью помочь, буквально сразу завоевал доверие товарищей. Спортивный, крепко сложенный, без лишнего жира, с проседью в черных непокорных волосах, орлиным носом и веселыми искорками в глазах. В нем чувствовалась уверенность – такие нравятся женщинам. Его можно смело показывать в передачах про «Беркут».

Вот и сейчас, видя уставшие, потухшие глаза своих подчиненных, Иваненко старался шутками поднять им настроение.

– Вань, ты что-то хотел? – закончив ранний завтрак, спросил командир.

– Так точно, товарищ полковник, может, немного дальше переедем? В автобусах дыма полно, дышать нечем, – высказавшись, Иван немного смутился. Шаблонные, военные фразы въелись у него в кровь и постоянно вырывались: «так точно», «никак нет», хотя в некоторых ситуациях можно просто сказать: «да», «нет».

– Я и сам уже об этом думал. Сейчас переедем. Иди, скажи водителю, пусть заводит автобус, – распорядился командир. Журба улыбнулся, вспомнив одну веселую историю.

В одном из районов города произошла драка и грабеж. Наряд, где старшим был Иван, получил ориентировку: описание подозреваемых, и одна из особенностей, что это военные контрактники по гражданке. На одной из улиц они заметили подходящих под описание молодых парней. Попросили у них документы. Они дают паспорта, но надо как-то узнать, военные

это или нет. И тут один из сержантов задает простой вопрос:

– А вы военные?

Один из парней, не задумываясь, отвечает:

– Никак нет! Вопросы были исчерпаны.

Громко урча и разбрызгивая лужи, автобусы вытягивались в одну линию, парковались, прижимались к бордюрам по Грушевского. Здесь воздух был гораздо чище, еще не пропитан дымом горящих колес. Проветрив автобус, бойцы укладывались спать, стараясь урвать кусочек сна, который у них забрала служба. В предрассветной мгле за окном сновали мокрые фигуры людей. Налетающие порывы ветра покачивали автобус, укачивая спящих бойцов.

Проснулся Иван внезапно, как бы выныривая из глубокого сна в окружающую действительность. Открыв глаза, он еще некоторое время не понимал, где находится и почему так холодно. Двери в автобусе были открыты, и температура в салоне и на улице была одинаковой. Журба зябко передернул плечами и посмотрел в раскрытые двери. На улице, прямо напротив дверей, было столпотворение. Растерянные лица товарищей, всматривающихся вдаль и внимательно вслушивающихся в рацию, из которой неслись какие-то крики и вопли – все это сразу не понравилось только что проснувшемуся бойцу. Накинув бушлат, он выскочил на улицу. Жмурясь от бьющего в лицо ветра, осмотрелся по сторонам. Здесь была непонятная суета, колонны вэвэшников бежали вверх по Грушевского, милицейские автобусы резко выворачивали с Крещатика и спешили поскорее укрыться за баррикадой из бетонных блоков, выстроенной прямо поперек улицы. В воздухе висела тревога и напряжение от непонимания. Все это переходило в панику. Никто ничего не понимал, выхватывались отдельные кадры, общую картину в этом хаосе представить было сложно.

– Что случилось? – спросил Иван у стоящего возле дверей Одаса.

– Не знаю. Послушай рацию, – посоветовал растерянный товарищ.

Он повернул голову, провожая взглядом испуганную толпу бегущих срочников. Иван прислушался к крикам, несущимся из радиостанции, которую держал в руках Игорек. «Сука, по нам стреляют!» «Прикройте, бл…ть, у нас два трехсотых! Нас преследуют!». «Двадцать шестой! Двадцать шестой! Я ухожу!». Непонятные выкрики неслись в эфир, из них было ясно одно – милицию атакуют и расстреливают. Иван почувствовал, что его лицо приобретает такое же выражение, как и у товарищей, непонимающе-растерянное. Неизвестность и непонимание

происходящего пугало. Сон как ветром сдуло. К стоящим на улице милиционерам подскочил майор Силенков.

– Все в автобус! Бл…ть, я сказал все в автобус, – закричал он, не стесняясь в выражениях. Толкая друг друга, бойцы бросились в открытые двери.

– А ты что стоишь? Давай на…й за руль! – заорал майор на впавшего от криков в ступор Одаса.

– Заводи! – выкрикнув напоследок, он побежал дальше.

По поведению зам. командира было видно, что он тоже не владеет ситуацией и от этого такой раздраженный. В автобусе поднялся гвалт, все старались высказать свою версию происходящего, выдвигая различные предположения и строя догадки. Автобусы потянулись по Грушевского, разбрызгивая глубокие лужи. Их обгоняли автобусы с милицией и грузовики с вэвэшниками. Проехав Кабмин, они, прижавшись к бордюру, останавливались. С примыкающей к Грушевского улицы выскочили человек двадцать «Беркута», нескольких из них, окровавленных, тащили товарищи. Стоя в открытых дверях только что остановившегося автобуса, Иван среди выбежавших бойцов увидел своего старого друга.

– Санек! – крикнул он, выскочив навстречу. Один из бойцов остановился и стал высматривать, кто его зовет. Остальные побежали за последний автобус и там что-то выглядывали, держа раненных на руках. Иван подскочил к другу.

– Привет, братан!

Товарищи крепко обнялись, похлопав друг друга по спине. Руки и грязная форма друга были в подсыхающей крови.

– Что случилось? Вы откуда? – посыпались вопросы.

– С Институтской. Нас здесь должны автобусы подобрать. Сука, восемь раненных, – выругался Александр, высматривая автобусы.

– Может, помощь какая нужна? – поинтересовался стоящий за Журбой Степаненко.

– Да нет, – отказался спецназовец, видя, что окровавленных бойцов потащили к стоящим с включенными мигалками «скорым», где им оказывают помощь и загружают в машины. С Садовой появились чумазые, растерянные вэвэшники, некоторые были в крови, других тащили под руки. Выскочив на Грушевского, одни запрыгивали в подъезжавшие машины, другие бежали в сторону Арсенальной площади, третьи, наоборот, вниз в сторону стадиона «Динамо». Снизу, со стороны Институтской были слышны сухие звуки одиночных выстрелов. Везде были видны паника, хаос и неразбериха, видно что-то случилось, но что конкретно, не понимали.

– Водички можно? – попросил Саня.

– Конечно, – Ахтыркин протянул бутылку минералки. Жадно попив, милиционер начал рассказ.

– Стояли мы на Институтской, недалеко от Стелы. Впереди шеренга вэвэшников, а мы за ними. Слышим, бахает что-то, поначалу значения не придали, фейерверки постоянно взрываются, уже привыкли, а тут вдруг видим, солдаты падать стали. Бросают щиты, хватают раненных и бежать. Мы еще ничего не поняли, «перемирие» же, с баррикады посыпались майдановцы – больше полусотни, как пираты, идущие на абордаж, с палками, битами, топорами. Сразу «монолит» ставим, а со стороны радикалов стрелять начали. Было слышно, дробь по щитам барабанит. Одного нашего зацепило, но не сильно. Отступаем, пятясь назад. Смотрим, одни остались. Отморозки с майдана увидели, что «Беркут» отходит, и с диким ревом на нас. Мы бежать. Пока по Институтской вверх бежали – восемь раненных. Огнестрелы в спину. Я тебе, братан, скажу, когда сзади слышишь выстрелы и возле уха пуля свистит, любого спринтера обогнать можно, – печально усмехнулся рассказчик. В это время подъехал большой «Неоплан», к которому бросились стоявшие бойцы.

– Ладно. Все, давай, пока, братан! Остальное по телефону расскажу. Созвонимся!

Друзья крепко обнялись и Саша, немного прихрамывая, побежал в автобус. Иван с грустью смотрел вслед уезжающему другу. Почти все пассажиры их автобуса вышли на улицу. Некоторые с тревогой поглядывали в сторону улицы, с которой уже перестали появляться растрепанные милиционеры и только слышались сухие щелчки выстрелов. Иван смотрел в сторону Верховной Рады, откуда продолжалось паническое бегство народных избранников. Из высоких дубовых дверей черного входа выскакивали знакомые по телевизору лица. Сейчас они вовсе не были похожи на бесстрашных бойцов, устраивающих битвы около трибуны. Растерянные, постоянно озирающиеся по сторонам, они бежали к ожидающим их машинам, не замечая высыпавших из автобусов грязных, оборванных милиционеров, с иронией смотревших на начавшийся исход из Рады. Добежав до ожидающих их «лексусов» и «мерседесов», они запрыгивали в машину, которая срывалась с места и, визжа дымящейся резиной, уносилась прочь. Вместе с депутатами бежал и обслуживающий персонал: секретарши в блестящих длинных норковых шубах, молодые парни в блестящих лаковых туфлях. Кто победнее, спешили в сторону метро, другие садились в свою машину и, набрав еще пассажиров, поскорее уезжали. Все торопились. Вид окровавленных, грязных и главное растерянных милиционеров не

придавал уверенности, а звуки выстрелов, эхом гуляющих по улицам правительственного квартала, подгоняли не хуже кнута.

Портфель в руках грузно переваливающегося на коротких ногах мужчины внезапно раскрылся, и из него посыпались бумаги, устилая белыми листами грязную тротуарную плитку. Остановившись, он лихорадочно собирал их, запихивая обратно в портфель. Пробегающие мимо люди не замечали побагровевшего от прилагаемых усилий человека, никто не остановился ему помочь, валяющиеся бумаги бесцеремонно втаптывали в грязь. Видя всю тщетность своих попыток собрать разлетевшиеся листы, тяжело пыхтящий мужчина, засунув под мышку портфель, бросился к ожидающей его машине.

В окружении офицеров, командир возле своей машины пытался дозвониться в министерство.

– Б…ть! Никто трубку не берет или «по за зоной досяжности».

Нервозность от сержантов уже передавалась офицерам и командиру. Хотя вида они старались не показывать, но было видно, все нервничают, не понимая, что делать дальше. Полковник выругался вслух, и когда немного отпустило, опять начал набирать телефонные номера. Бойцы нервно поглядывали по сторонам, громко обсуждая между собой возникшую ситуацию, высказывали догадки и строили версии происходящего. С прилегающих улиц уже никто не появлялся, а по Грушевского пролетали одиночные автобусы и машины, вызывая в сердцах милиционеров тревогу и заползающий туда холодный, липкий страх. Самое страшное, что не слышно выстрелов со стороны Институтской. Постепенно человеческий поток, изливающийся из Верховной Рады, начал уменьшаться и скоро совсем иссяк. Все замерло в тревожном ожидании. Люди попрятались, а по пустынным улицам ветер гнал легкий мусор, застревающий в лужах и цепляющийся за ограды. Извечное человеческое любопытство брало верх над инстинктом самосохранения и из-за шторы, то тут, то там выглядывало любопытное лицо киевлянина.

– Всем строиться! – прозвучала по рации команда.

Нервы у бойцов были натянуты, как струна, поэтому повторять дважды необходимости не было, дружной гурьбой двинулись в сторону командира, привычно выстраиваясь буквой «П».

– Слушаем внимательно! – громко, так, чтобы всем было слышно, сказал командир. Галдеж среди милиционеров сразу прекратился, над строем повисла тишина, даже боялись дышать, внимательно слушая, что скажет человек, который их построил.

– В главке трубку никто не берет! – продолжил говорить командир, четко проговаривая слова. – Команда от самого

главного нам выдвигаться на Новые Петровцы, в усиление Ирпенской роты «Беркута», охраняющей Межигорье. По пути заедем, заберем вещи. Пусть лучше в автобусах будут. Всем все понятно?

Строй дружно ответил:

– Так точно!

Иван заметил, как на ближайшем окне закачалась занавеска: кто-то, подсматривающий за «Беркутом», быстро спрятался, напуганный громким ревом полусотни глоток.

– Командир, хоть вы поясните, что происходит? – раздался громкий голос из строя.

– Мне известно то же, что и вам. Есть информация, что небольшие группы радикалов, вооруженных огнестрельным оружием, стреляют в милицию. Поэтому! – перекрикивая поднявшийся после его слов шум в строю, командир закашлялся. Все умолкли, ожидая пока он прокашляется.

– Все водители, едем быстро, нигде не останавливаемся! К окнам поставьте щиты и навалите вещи. В случае обстрела автобуса падайте на пол, а водитель газ на полную. На сборы в общаге десять минут. У кого «Форты» – прикрывают! Ясно?

– Так точно! – уже веселее взревел строй.

– По машинам! – отдал приказ полковник и, развернувшись, быстро пошел к своему автомобилю.

Взревев двигателем, автобус вслед за остальными полетел по пустынным столичным улицам, громкими сигналами распугивая одинокие машины. В салоне царила деловая суета. Милиционеры прислоняли к окнам щиты, наваливая на них все, что имелось в наличии.

В ход шло все: несколько ящиков НЗ – тушенки, хранимой Ахтыркиным у себя под сиденьем, мешки со сложенной в них защитой и шлемами. Через несколько минут автобус представлял из себя баррикаду на колесах. Возле дверей сидели милиционеры с «Фортами», заряженными последними резиновыми пулями. Начавшийся поначалу разговор как-то сам по себе затих, все настороженно всматривались в холодные улицы Киева, каждую минуту ожидая стрельбы. Одас быстро летел за колонной, их автобус был замыкающим. Чем ближе они подъезжали к окраинам, тем более оживленными становились улицы. Люди уже не перебегали от подъезда к подъезду, а, не боясь, шли по тротуарам, машины не шарахались в сторону при виде летящих милицейских автобусов. На городских окраинах как будто и не знали, что в правительственном квартале идет стрельба и умирают люди. Народ торопился по своим делам. Хотя многих горожан захлестнула эйфория революционной победы, мимо

проезжающие водители при виде автобусов с «Беркутом» громко сигналили, выражая свое негодование их присутствием. Глядя на все происходящее за окном, Иван вспомнил зиму 2004 года, когда «Беркут» уезжал домой после победы Ющенко. Точно такие же пьяные молодчики за рулем, размахивая флагами Украины и оранжевым флагом с подковой и надписью «Так!», громко сигналя, провожали милицейские автобусы почти до самого выезда из Киева. История ничему не научила киевлян, как и тогда они праздновали чужую победу, принимая ее за свою. Завтра наступит послереволюционное похмелье и позднее раскаяние, когда цены взлетят вверх, а экономика, наоборот, понесется в пропасть, утаскивая за собой и уровень жизни. В правящей колоде произойдет рокировка и на сцене появятся старые – новые лица. Все это уже было, только немного под другим соусом – без крови. В этом городе не хотят учиться даже на своих ошибках, назначая виноватых. Правильно говорит народная пословица: «В чужом глазу соринку видим, а в своем бревно не замечаем». Эти мысли быстро пронеслись в голове Журбы, уже на подъезде к общежитию.

– Десять минут на сборы! – вслед бегущим к зданию милиционерам прокричал майор Силенков.

Вооруженные «Фортами» бойцы рассредоточились вокруг автобусов, прячась за деревьями. Некоторые водители проезжающих автомобилей, увидев за деревьями вооруженных людей, разворачивались и быстро уезжали обратно, другие, наоборот, увеличивали скорость, громко сигналя. Заскочив в свою комнату, Иван с Андреем быстро, не разбирая, сбрасывали вещи в сумки, торопясь уложиться в отпущенное время.

– Тащи сумки в автобус, а я Генкины вещи соберу! – крикнул Иван, передавая товарищу свой огромный баул. Быстро собрав вещи раненого друга, он подхватил тяжелую сумку и побежал на выход. В дверях толпились милиционеры с сумками, рюкзаками, кульками. Выскакивая на улицу, они бежали в автобусы. Иван заметил, что за деревьями уже стояли другие бойцы, поменявшие товарищей. В салоне вещи складывали возле окон, стараясь усилить защиту: неизвестно, что ждало их впереди. Он посмотрел на часы, прошло всего восемь минут, а в автобусе, забитом сумками, были уже почти все. В салон заскочил Одас, бросив на пол громко звякнувший пакет.

– Засунь под сиденье, – сказал он Кольницкому, сам перелезая на место водителя. Андрей, подхватив кулек, охнул под тяжестью.

– Ты что, весь металлолом в округе собрал? – поинтересовался он у водителя.

– Запчасти и ключи. Ремонтировать чем-то надо, если вдруг поломаемся, – ответил Одас, стараясь завести двигатель, который чихал, плевался и кашлял.

– Ну, давай, давай! – уговаривал его водитель. Наконец, прокашлявшись, мотор заработал. Все облегченно вздохнули, никто не хотел оставаться здесь лишней минуты.

– У нас все! – доложил по рации Иван.

Автобусы в сопровождении машины командира вытягивались на дорогу. Опять они неслись по неприветливому городу, сопровождаемые звуками автомобильных сигналов. Информации, что сейчас происходит в городе, почти не было. Отрывочные сведения, выдернутые из новостей, которым уже никто не доверял, картину прояснить не могли, а только создавали предпосылки для догадок и слухов. Было ясно одно: по городу гуляют вооруженные, распоясавшиеся боевики, милиция еще удерживает некоторые правительственные здания, но ситуацию в целом уже не контролирует. На выездах из Киева радикалы устанавливали свои блокпосты, воцарялась анархия.

Перед Новыми Петровцами, где раньше постоянно стоял пост ГАИ, сейчас было пусто. Немного дальше в служебной машине дремали два инспектора. Увидев, как автобусы спецназа вытягиваются в линию, паркуются у обочины, они решили уехать, чтобы не искушать судьбу. Ведь последние два дня «Беркут» и неприятности стали словами синонимами. Милиционеры, притихнув, молча сидели в автобусах, на улицу никто не выходил. Из машины вышел командир. Нервно прохаживаясь вдоль дороги, он постоянно всматривался в сторону Межигорья. Через несколько минут подъехала служебная машина. Переговорив с сидящими в ней, полковник показал жестами водителю первого автобуса ехать за ним. Колонна въехала в элитный поселок. Мокрые особняки, стоящие по обеим сторонам дороги, большими окнами неприветливо смотрели на проезжающие машины. Ветер раскачивал голые ветви деревьев, как бы выгонял уставший «Беркут», вслед за которым, словно полчища саранчи, могли нахлынуть радикалы. Роскошные усадьбы хотели мира и спокойствия. Быстро въехав на огражденную территорию неоконченной стройки, автобусы выстраивались в ряд, прижимаясь задом к высокому зеленому забору. На улице ходили спецназовцы с оружием.

– Теперь полегче будет, – посмотрев в окно, сказал Каустович.

– Ну да, хоть кто-то с оружием, кроме радикалов, – подержал его Степаненко, выходя во двор и крепко потягиваясь. Автоматы в руках у бойцов роты «Беркута», охраняющей Межигорье, придавали уверенности. Милиционеры выходили из автобусов,

здоровались с коллегами, разминались, кто-то закуривал, сладко затягиваясь сигаретой. Напряжение последних часов постепенно спадало, слышался смех и шутки. Еще неизвестно, что их ждет впереди, но ощущение – вокруг свои, успокаивало бойцов. Иван, рассматривая высокий забор из гофрированного железа, позади автобусов, поинтересовался у стоящего рядом Кольницкого:

– Интересно, а правда, что за этим забором фазенда Януковича?

– Правда, правда! – вместо Андрея ответил проходивший мимо боец.

– Мы ее уже не один год охраняем, – пояснил спецназовец, протягивая для рукопожатия руку.

– Иван, – представился Журба, пожимая руку.

– Виктор, – ответил боец.

– Вы, если чая хотите или в туалет надо, не стесняйтесь. Вон, это наша казарма, – указал он на небольшое здание.

– Спасибо! – поблагодарил Журба.

– Ладно. Я побежал. Мне на патруль пора выезжать.

– На какой патруль? – не поняв, переспросил Иван.

– У нас возле Межигорья автопатруль катается. Сейчас моя очередь на службу заступать, – пояснил боец.

– Строиться! – прозвучала команда. Милиционеры быстро сформировали строй возле командира.

– Станьте поплотнее, – распорядился полковник, поглядывая в сторону возвышающихся за забором особняков. – Еще плотнее.

Бойцы окружили командира плотным кольцом. Он негромко, так, чтобы слова не были слышны дальше стоящих по кругу милиционеров, начал говорить.

– Пока находимся здесь в усилении. За забор никто не выходит. Силенков, расставьте посты наблюдения. Смотреть в оба, что сейчас происходит в Киеве и вокруг – точной информации нет. Телефоны в главке не берут.

Строй спецназовцев загудел, высказывая недовольство полученной информацией про главк.

– Все успокоились, – чуть громче произнес полковник. – Я сейчас по гражданке поеду в Киев. Может, что-то выясню. Приеду, вам расскажу. Олег Викторович, вы за старшего, если обстановка меняется, звоните мне на телефон. Командуйте! Я уехал, – командир, пройдя через расступившихся милиционеров, пошел в сторону казармы. В круг вышел майор Силенков.

– Сейчас распределим посты. Офицеры вам доведут график. Водители! – повысил майор голос. – Автобусы должны работать, как часы. Готовые выехать в любую минуту. Разойдись!

Иван вместе с офицерами, которых в строю осталось не так

уж и много, пошел распределять посты и график дежурства. Вернувшись назад, он застал радующую глаз картину. Товарищи в одной из стоящих во дворе беседок накрыли стол и сейчас живо обсуждали происходящее в стране.

– Надо прорываться. По телевизору показывают, на всех въездах «Правый сектор» и «Самооборона» блокпосты выставили. Все машины проверяют. Перекроют выезды, вообще не выедем, – услышал слова Бориса Трусенцова подходивший к друзьям Журба.

Прапорщик Борис Трусенцов в подразделении ничем особо не выделялся, такая себе серая мышь. В «Беркут» он пришел уже давно, перевелся с государственной службы охраны – ОГСО. Службу тащил, как и все, вперед не рвался, но и в отстающих не числился. Нормы служебной подготовки сдавал вместе со всеми, в спортзал заниматься ходил регулярно. Спокойный, не конфликтный, до сегодняшнего дня Журба его особо не замечал.

– Не понял, Боря, что за пораженческие настроения? – сходу «взял быка за рога» Иван.

– Сейчас командир приедет и решит, что и как делать, – сказал Журба, усаживаясь за стол в беседке, и предложил, – а пока давайте перекусим. У меня после всех этих стрессов аппетит зверский.

– Да не очкуй ты! Мы так сто раз делали! – засмеялся Леха Каустович, похлопав Трусенцова по плечу.

– Я не очкую, – возразил Борис, сбрасывая Лехину руку со своего плеча. Он вскочил из-за стола и пошел в сторону автобусов.

– Ну вот, взяли, ни за что человека обидели, – с нотками сарказма в голосе проговорил, сидящий возле Каустовича Одас.

– Борь! Да не обижайся ты! – крикнул вдогонку Журба. Трусенцов, не оборачиваясь, махнул рукой и скрылся в автобусе.

– Ладно! Поедим, потом сходим, поговорим, – сказал Каустович, набрасываясь на еду. Его товарищи были полностью с ним согласны.

После еды бойцы пошли в автобус к Трусенцову. Пребывая в благодушном настроении, Иван нежился в лучах периодически выглядывающего из-за туч скупого зимнего солнышка, подумал: «Надо жене позвонить». Достал телефон и включил его. Еще с утра предупредив Марину, он отключил телефон, батарея была почти на нуле. «Ого! Двадцать шесть неотвеченных». Звонили все: родственники, друзья, коллеги: ситуация в Киеве заставляла близких предполагать самое худшее. Быстро набрав номер жены, он услышал в трубке ее взволнованный голос:

– Что у вас там происходит? С вами все в порядке?

– Все нормально, сейчас на Межигорье стоим. Здесь тишь и благодать. Не переживай.

– Ты там береги себя. Никуда не лезь. Мы тут с Мариночкой переживаем за тебя, – в трубке послышался голос мамы.

– Хорошо! Хорошо! Не переживай, сижу в автобусе, никуда не лезу, – поторопился ее успокоить Иван. Для родителей мы всегда остаемся детьми.

– Мам, дай трубку Марине, а то сейчас телефон разрядится.

Поговорив с женой еще пару минут и попросив ее успокоить маму, он отключился.

– Хух! – выдохнул Журба, вытирая пот со лба.

– На майдане оно полегче было, – посочувствовал Каустович. Он сидел рядом и слышал весь разговор.

– Та да, – согласился с ним Иван.

Командир приехал, когда на улице почти стемнело.

– Журба, Степаненко, кто там еще возле вас стоит? – задал он вопрос, выходя со света фонаря. Иван хотел ответить, но полковник уже не слушал.

– Пошли со мной.

Командир открыл багажник, где блестели смазкой «коротыши», так ласково спецназовцы называли АКСУ-74.

– Забирайте и несите в класс службы. Вас там Силенков встретит.

Иван доставал и складывал в протянутые руки Степаненко новенькие, еще в масле автоматы. Рядом стоял полковник, считая уносимое оружие.

– Все неси. И позови еще людей. Пусть сюда идут оружие носить, а не шарятся, – распорядился командир.

Быстро разгрузив машину, бойцы пошли в класс службы, где за столом, заваленным автоматами и цинками с патронами сидел полковник и майор Силенков. На краю приютился Чиж, записывающий что-то в бумажки. Командир называл фамилию бойца и он, расписавшись в списке, получив автомат, магазины и патроны довольный отходил в сторону. Милиционеры толпились возле стола, каждый хотел в это неспокойное время держать в руках автомат, но оружия на всех не хватало. Поэтому полковник сам выбирал из списка тех, кому считал нужным выдать автомат.

– Журба!

Услышав свою фамилию, Иван протолкался между товарищами и подошел к столу.

– Держи! – Командир положил перед ним автомат, три магазина и патроны.

– Продиктуй номер, – попросил Чиж, который вписывал в списке напротив фамилии номера оружия.

– Вот здесь распишись, где галочка стоит, – сказал Мирослав, пальцем указывая, куда нужно поставить подпись.

– Каустович! – вызвал командир очередного счастливчика. Собрав только что полученное добро, Иван протиснулся через плотно стоящих бойцов.

– Теперь повоюем! – радостно выпалил Леха Каустович, держа в руках новенький автомат.

– Я тебе повоюю, – урезонил счастливого милиционера командир. – Магазины к автоматам не пристегивать! Понятно?

На последней парте Журба разложил запчасти к автомату и с любовью их протирал ветошью, снарядил патронами магазин и, забросив оружие за спину, вышел на улицу. Подсумок приятной тяжестью оттягивал ремень. На улице уже полностью стемнело и по периметру горели фонари. В углу, возле сложенных штабелем плит было темно, но там прохаживался часовой. Во дворе перед въездом стоял БТР, из башни которого торчал крупнокалиберный пулемет, возле него суетились несколько человек в форме внутренних войск. Висевший за спиной автомат и стоящий напротив БТР придавали уверенности и внушали надежду, что не все так плохо, как казалось вначале. Иван вспомнил слова Лехи Каустовича: «Теперь повоюем!» и весело напевая пришедшую на ум мелодию песни «Лизавета» из старого советского фильма, пошел в автобус. В салоне при тусклом свете, царила деловая суета: одни чистили полученное оружие, другие зашивали форму, разорванную и прожженную в столкновениях с радикалами.

Что-то настойчиво и противно пиликало, против желания вытаскивая сознание из сна.

– Да выключи ты свой будильник! Дай поспать! – раздраженный голос Логвиненко полностью разбудил Ивана. Он лихорадочно нащупал в кармане телефон и выключил звук. Накинув бронежилет и подхватив автомат, вышел на улицу. «Надо идти, проверить посты. Не хочется!», подумал Иван. Сладко зевнув и потянувшись всем телом, он прислушался: где-то далеко были слышны звуки проезжающих машин, а здесь вокруг тишина, только слышен звук капающей с крыши воды, шелест и скрип деревьев, раскачиваемых сильным ветром. Плывущих по ночному небу облаков не было видно, но их путь можно было проследить по тухнущим и вновь загорающимся звездам. Возле плит кто-то зашевелился и закашлял. Иван пошел на звук. Из темноты на свет с автоматом наперевес вышел Красилюк.

– Привет, Виталик! Не спишь? – голосом обозначил себя Журба.

– Да не, шось бессонница мучае, – пошутил боец.

– Тихо здесь у тебя?

– Пару минут назад за забором хтось проихав, а так тихо.

– Ладно, пойду пройдусь, посты проверю.

Иван застегнул липучки на бронежилете и перевесил автомат на грудь.

– Вань, а слышно, шо дали будэ? – задал милиционер мучавший многих вопрос.

– Все будет хорошо! Как говорится: будет день, будет пища! Ты лучше смотри не засни, еще полчаса стоять, – уже уходя, проговорил Журба.

Обойдя все посты, он зашел в казарму. За мониторами в дежурке сидел старший лейтенант, наблюдая за происходящим, патрули продолжали охранять периметр резиденции Президента. Комната отдыха была полностью забита, в ней вповалку спали бойцы. Иван заметил, что гости спали на кроватях, а хозяева где придется. В классе службы горел голубой экран старенького телевизора, показывая выступление очередного политолога, которые, как грибы после дождя, полезли комментировать происходящее в стране. Напротив, под тусклой лампочкой вэвэшники и Григорий Иванович азартно резались в «деберц».

– О! Вань, ты как всегда вовремя. Насели на старика. Продохнуть не дают, – улыбаясь, капитан резко выбрасывал карты на стол.

– Что сидишь? Подбрасывай! А, ну что ты сливаешь, это же наша взятка! – нервничал Григорий Иванович.

– Видишь, приходится одному против троих играть. Садись. Устроим турнир «Беркут» против ВВ, – предложил он Ивану.

– Ну что, может новую партию начнем? Здесь уже нечего играть, – предложил один из партнеров.

– А вот так! Русские не сдаются! – забирая взятку, воодушевленно воскликнул Григорий Иванович.

– Какие русские? Вы же родом из Полтавы? – поддел Журба капитана, занятого игрой.

– А в Полтаве что, русские не живут? Мой прапрадед еще с Петром I пи…й шведскому королю давал.

– Наверное, не хотел, чтобы Украина в Евросоюз вступала? – пошутил один из вэвэшников.

– Ну вот, опять партию продули, – разозленный командир взвода в сердцах стукнул колодой по столу.

– Садись, давай! Что ты, как девочка, ломаешься! – раздраженно проговорил капитан, почесывая лысую голову. У Григория Ивановича была привычка брить голову вместе с лицом, поэтому она у него всегда была гладкая, как коленка.

– Все, сажусь! Только не нервничай, – примиряюще согласился Журба, усаживаясь на место бывшего напарника

Григория Ивановича.

– Давай, сдавай! – прапорщик внутренних войск протянул Ивану колоду.

С шутками, нервами и психами игра понеслась по новой. Все как будто растворялось в ней, проблемы, переживания отступали назад, азарт и интерес вытесняли дурные мысли. Разошлись они уже перед рассветом. Журба за время игры еще несколько раз выходил проверить посты, пока товарищи курили.

– Я тебе говорил, что порвем, как Тузик грелку, – довольный выигрышем, капитан смаковал тонкости игры. – Надо было девятку не скидывать, мы бы послед в последней игре взяли.

– Иваныч, я уже спать хочу, а ты все еще колоду мешаешь. Пойду хоть немного покемарю. Уже глаза слипаются, мочи нет. – Иван, сладко зевнув, развернулся в сторону автобусов.

– Ты, Вань, всю жизнь проспишь, – засмеялся капитан, похлопывая по плечу бойца.

– Иди, иди. Я еще прогуляюсь. Хорошо на улице. На улице действительно было хорошо, ветер утих, небо очистилось и яркие звезды подмигивали сверху, обещая солнечный день. На востоке небо посветлело, предвещая скорый рассвет. В автобусе утренний сон был в самом разгаре. Вымотанные за день постоянными стрессами, бойцы дрыхли «без задних ног». Развалившись на заднем сиденье, громко храпел Ахтыркин, иногда постанывая во сне. Логвиненко, как всегда сидя на переднем сиденье, свесив голову на грудь, издавал пронзительные трели на выдохе. Невысокий Каустович, свернувшись калачиком, спал на двух сиденьях, вскрикивал, дергался, наверное, все еще продолжал наступать на майдан. Аккуратно, чтобы никого не зацепить, Иван перешагивал через ноги товарищей. Подложив под голову вместо подушки кулек с вещами, боец лег, с наслаждением вытянув ноги. В голове был сумбур мыслей и образов, всплывавших один за другим, но постепенно усталость победила, и он заснул.

Вытерев пот со лба, Иван открыл глаза. В окно, прямо в лицо ярко светило солнце, заливая половину автобуса теплым светом. При виде яркого света милиционер сразу настроился на позитив. В автобусе никого не было. Рассевшись на улице, все грелись на солнышке, подставляя лицо под его теплые ласковые лучи. Делая разминочные упражнения и пытаясь восстановить кровообращение в занемевших ногах, он спросил у стоящего рядом Одаса:

– Все тихо? Почему не будите?

– А что будить. Тихо вокруг. Пока находимся здесь, – ответил Игорь и тут же добавил:

– Слышал, Верховная Рада приняла постановление о выводе

силовиков из Киева.

– Еще нет, только проснулся. Но это хорошо, – сказал, немного запыхавшись, Журба, делая зарядку.

После обеда командир построил спецназовцев. Он видел, что люди нервничают, ситуация, в которой они оказались, была непонятна и неизвестность угнетала милиционеров. Несмотря на теплую солнечную погоду, которая должна настраивать на жизнерадостный лад, бойцы были раздраженные и мрачные. Совсем недавно за забором появилось несколько человек, которые пытались рассмотреть, что происходит внутри. Их отогнали от охраняемой территории, но все понимали – это первые ласточки – разведчики и скоро могут подойти основные силы, а сколько их и чем вооружены, никто не знал. Правоохранители из новостей уже знали про захваты оружейных складов Львова, расстрел поста ГАИ под Киевом, да и на майдане в них из чего-то стреляли, так что от этих визитов они не ждали ничего хорошего. Радикалов манило сказочное Межигорье, где можно хорошо поживиться, и как акулы вокруг своей жертвы они сужали круги, готовясь к броску, но на пути к их мечте были полторы сотни бойцов «Беркута». Успокаивал БТР с пулеметом на башне, правда стрелять и убивать людей милиционеры были не готовы.

– Слушаем сюда! Чтобы за углами не шептались, поясняю для всех. Верховная Рада приняла постановление о выводе милиции из Киева и области и возвращению их по местам дислокации.

Бойцы зашумели.

– Так когда домой едем? – выкрикнул кто-то с конца строя.

– Да! Когда? – поддержали вопрос большинство милиционеров. Каждый доказывал свое, спорил, перебивал другого. Видя, как построение перерастает в митинг, командир, не выдержав, заорал:

– А ну, б…ть, рты быстро позакрывали. Везде стоят блокпосты с правосеками, спокойно не проедем.

Привыкшие к дисциплине бойцы моментально замолчали, таким взбешенным полковника они еще не видели, наверное, его нервы тоже были на пределе.

– Давайте прорываться, автоматы ведь есть, – опять раздался голос.

– Кто это такой умный? – громко задал вопрос командир, обводя всех гневным взглядом.

– Выходи сюда! Расскажешь нам, как ты прорываться будешь?

Наступила пауза. Все замолчали, поглядывая друг на друга. Как и следовало ожидать, из строя никто не вышел.

– Понятно! Из кустов все кричать мастаки, – уже поспокойнее произнес командир.

– Как прорываться? В людей стрелять? Вы поймите, что боевики впереди себя пустят дураков наивных с палками, а сами из-за их спин будут по вам палить, вы этих перебьете, а потом что, всю жизнь в лесах прятаться будете? Сейчас разговариваем с людьми, чтобы нам предоставили коридор для беспрепятственного выезда.

– А что в министерстве говорят? – задал вопрос Ахтыркин, стоявший прямо напротив командира.

– Министерство молчит, как в рот воды набрали.

– Понятно.

– У кого-то еще есть вопросы? – поинтересовался полковник.

– Командир, разрешите? – Вперед протиснулся Константин Серков.

– Да, Костик, – кивнул головой уставший командир, с синими кругами под глазами и глубокими морщинами в уголках губ, несущий тяжелое бремя ответственности за всех своих бойцов.

– Что с раненными? Может, одним автобусом слетаем по-быстрому, заберем пацанов? – Костик задал вопрос, обсуждавшийся между милиционерами еще со вчерашнего дня. Строй одобрительно загудел.

– Я уже говорил. Сколько можно вам повторять, – с усталой обреченностью сказал полковник, – в Киев мы не прорвемся.

И немного повысил голос, перекрывая стоявший среди бойцов гул, так, чтобы слышно было стоявшим сзади:

– Своих не бросим. Что же мы тогда за спецназ? С утра ко мне уже подходила делегация с этим вопросом. Сейчас Чиж.

Все посмотрели на скромно стоящего Мирослава.

– Созвонился со своими товарищами в Киеве, которые помогут уехать домой нашим раненным. Если у них не получится, вечером отправим автобус за ними. Правда, кого отправлять? – с хитрецой спросил командир.

– Меня!

– Разрешите мне!

Почти все готовы были ехать на выручку друзьям.

– Посмотрев на ваши лысые головы с поломанными ушами и набитые кулаки, ну никак не скажешь, что вы работяги с завода. Ладно. Что-нибудь придумаем, может, парики вам наденем.

Милиционеры зашумели, кое-где послышались шуточки. Чтобы еще сильнее разрядить накаленную обстановку и успокоить личный состав, полковник обратился к Барсукову:

– Константин Викторович, возьмите у местных бойцов футбольный мяч, может в футбол погоняете, а я пока утрясу наши вопросы.

– Понял, товарищ полковник!

Бойцы стали расходиться, живо обсуждая между собой услышанное. Слова командира немного сняли напряжение, но до конца обстановку не прояснили. Это потом все будет выглядеть веселым приключением, а на данный момент милиционеры были озабочены дальнейшим развитием событий. По телевизору показывали неутешительные картинки, да и новости от товарищей, запертых в Администрации Президента и Кабмине, не радовали.

Футбольная команда «Беркута» сформировалась быстро, вместо ворот поставили несколько кирпичей, появились болельщики. Веселые крики игроков были слышны далеко за забором, разносясь эхом по коттеджному поселку, заставляя его обитателей удивленно прислушиваться к веселому смеху и громким спорам спецназовцев. Остальные бойцы занимались мелкими бытовыми проблемами: кто-то стирал грязные вещи, развешивая их на солнце, в углу на газовом баллоне варили кашу, некоторые просто грелись в теплых лучах, лежа на карематах. Только патрульные оставались на своих местах. Несмотря на внешнее спокойствие и мирную картину, в воздухе оставалось висеть напряжение и настороженность чувствовалась везде.

К вечеру обстановка начала накалятся. Многие подразделения «Беркута» уже разъехались по местам дислокации: Днепропетровск уехал автобусом, Крым вывезли самолетом, а они все еще висели здесь, не зная, когда решится их судьба. Особенно высоко поднялся градус напряженности, когда прапорщик вэвэшник начал снимать пулемет с башни БТРа.

– Эй! Ты чего творишь? – закричал Боря Трусенцов, первым обратив внимание на происходящее.

– У меня приказ от руководства, снять пулемет и спрятать его в БТРе, – испуганным голосом постарался оправдаться вэвэшник.

– Руководство твое далеко от сюда в кабинетах сидит, а мы здесь – вместе с тобой, – с угрозой в голосе произнес только что подошедший Ахтыркин.

Привлеченные криками, к БТРу подходили все новые и новые бойцы, еще несколько часов назад испытывающие братские чувства к внутренним войскам. Сейчас ситуация резко поменялась, теперь спецназовцы чувствовали глубокую неприязнь к тем, кто, по их мнению, предавал, оставляя без основного аргумента перед вооруженными радикалами. К броневику подошел Григорий Иванович.

– Что случилось?

Он пользовался большим авторитетом среди милиционеров, которые, перебивая друг друга, объясняли ему суть возникшей проблемы.

– Я-то думал здесь что-то серьезное, а это все выеденного яйца не стоит. БТР же не уезжает, если надо будет, пулемет назад поставим. У нас ведь тоже есть БТРщики, – успокаивал он возмущенных бойцов.

– Давайте расходитесь, не мешайте человеку работать.

Зло поглядывая на вэвэшника, бойцы стали расходиться, переговариваясь между собой. Все прекрасно понимали, что назад пулемет уже никто не поставит, но самообман как-то успокаивал. Этот инцидент не прибавил оптимизма в источенные сомнениями души волнующихся за будущее бойцов. Ночью многие не спали, бродили по улице, сидели в беседке, вздыхали под ярким звездным небом. Под утро завелся и быстро уехал БТР, и все стало совсем печально.

– Быстрее! Быстрее собираемся, – кричал на улице майор Барсуков, подгоняя милиционеров. Автобусы рычали, прогревая двигатели.

– Что это Барсук на улице разорался? – спросил с ленцой в голосе Иван. Он лежал на сиденьях, греясь в теплых солнечных лучах, вставать не хотелось.

– Да вроде домой уезжаем. Сейчас должны люди подъехать, которые нас через блокпосты проведут.

Эта новость подбросила Журбу с сидения. Ему уже надоели эти разговоры, как лучше: уезжать, улетать или уплывать из Киева, шепчущиеся небольшими группками милиционеры с глазами зайца, загнанного охотниками. Пойдут, посмотрят телевизор в классе службы, а потом ходят и друг другу страшные истории рассказывают. В принципе вокруг было спокойно, правда, утром здесь крутились несколько подозрительных машин, что-то высматривая, но увидев вооруженных людей, быстро убрались. По слухам среди милиционеров, майдановцы собирались сегодня идти на резиденцию Президента, но пока никого не видно.

– Ты что, от счастья завис? – спросил у ошарашенного долгожданной новостью Ивана заскочивший в автобус Миша Ахтыркин с болтающимся за спиной автоматом. Он бросил на сиденье кулек с вещами, сушившимися на улице.

– Командир сказал, что нас выведут из Киева. Правда, придется ехать через Сумы. Через Борисполь не проедем. Оказывается, каждый блокпост контролирует своя группировка. У тех, кто нам помогает выезжать, на бориспольский пост влияния нет. Поэтому и едем через Десну на Сумы.

Всей этой информацией Ахтыркин делился, собирая разбросанные вещи. В автобус заскакивали оживленные бойцы, живо обсуждая между собой новости. Неопределенность и неизвестность, утомительное ожидание непонятно чего всем уже

сильно опротивело. Сейчас, когда появилась хоть какая-то ясность в их дальнейшей судьбе, лица милиционеров посветлели, а в глазах появились искорки задора. За воротами выезжающие автобусы «Беркута» останавливались, ожидая дальнейших указаний.

– Из машин не выходить, – распоряжение командира на корню пресекло попытки некоторых бойцов вый ти покурить.

Иван стоял в открытых дверях и смотрел, как из ворот сразу за ними выезжают машины роты «Беркута», охранявшей Межигорье, увозя оставшихся спецназовцев, которые махали руками из открытых окон автомобилей, прощаясь с товарищами. Все! После их отъезда дорога в резиденцию Президента – открыта.

– Ага! Едут! – услышал Иван голос полковника, стоящего возле своей машины. Повернув голову к майору Силенкову, он сказал:

– Я сумчанам предлагал с нами ехать, но они отказались, так что поедем сами. Обойди автобусы, скажи бойцам, чтобы оружие с глаз убрали, но далеко пусть не прячут. Командир пошел навстречу двум джипам, остановившимся, не доезжая до автобусов. Из первой машины не спеша вылез невысокий грузный мужчина средних лет, в черной кожаной куртке и серой спортивной шапочке. Он подождал, пока к нему подойдут два уже немолодых пассажира, вышедших из второго джипа. Подошедшие были одеты в зеленый камуфляж без знаков различия и шевронов. У одного из них на голове была армейская кепка, а каштановые волосы второго трепали налетавшие порывы легкого ветерка. Они стояли возле черного блестящего джипа, ожидая идущего к ним полковника в ярком краповом берете. Было видно, как командир сдержанно поздоровался за руку с приезжими. В автобус поднялся Силенков.

– Не стой в дверях! – раздраженно бросил он Журбе. Уже стоя в салоне, проинструктировал сидящих бойцов:

– Оружие уберите с глаз и молчите, если к автобусу подойдут.

Приезжие вместе с командиром обходили автобусы, заглядывая в открытые двери. Они встречались с глазами бойцов, в которых ненависть к майдановцам выплескивалась через край. Видя суровые лица и плотно сжатые губы, понимали – в салон лучше не лезть.

– А це хто такий? – спросил один из приезжих, указывая пальцем с грязным обломанным ногтем на сидящего между товарищами Сергея Балицкого. Внимание к себе он привлек тем, что одет был в гражданскую одежду и правая рука висела на

переброшенной через шею повязке.

– Раненный это наш, из госпиталя забрали! – громче, чем надо, пояснил командир, смотря на бородатую, ухмыляющуюся рожу майдановца.

– А де ж його поранили? – поинтересовался второй из приезжих, одетый в новенький камуфляж, и привычным жестом уложил волосы за ухо.

– На майдане! – полковник начал заводиться. Ему надоели уже эти ухмылки на лице приехавших, их снисходительный тон и вальяжные жесты.

– Зрозуміло! Поїхали вже, що стояти! – вмешался в разговор третий из приехавших, почувствовав, как накаляется обстановка и тонкая струна терпения спецназовцев начинает вибрировать, грозя лопнуть.

– Ну, добре, – согласился с ним приезжий в армейской кепке.

– Пішли далі.

Все пошли к последнему в колонне автобусу.

– Вот суки! – высказался Леха Каустович. Щелкнул предохранитель, и он вытащил побелевшую руку из чехла для бронежилета, в котором, судя по очертаниям, находился АКСУ.

– Рыжий, нервный ты что-то стал, – похлопал по плечу Каустовича сидевший за ним Гривник.

Перед наваленными кучей мешками с мусором, шинами и несколькими оббитыми бетонными плитами, всем, что гордо называлось блокпост, автобусы остановились. В открытые двери опять заглядывали несколько грязных, бородатых оборванцев, будущей элиты Украины. Спецназовцы с ненавистью смотрели на радикалов, и если бы не приказ командира сидеть тихо, уже давно порвали бы их на кусочки. Наконец автобусы, закрыв двери, поехали через пост, на котором при виде милицейской техники прыгала и бесновалась толпа.

– Обманул Железный со своим крокодилом, – размышлял вслух Иван.

– С каким еще крокодилом? – не понимая, о чем идет речь, поинтересовался Гривник.

– Мы в декабре на Банковой с Железняком ходили к «Дому с химерами», там «крокодил желаний» есть. Короче, долго рассказывать – статуя крокодила, если его потереть и загадать желание, то оно обязательно сбудется. Не сбылось.

– А что загадал? – с любопытством спросил Лапатый.

– Чтобы домой победителями вернулись.

– Так мы победителями и возвращаемся, – вмешался в разговор Американец.

– Хы, победитель. В окно посмотри, – возразил Миша

Ахтыркин.

– Ничего страшного, Кутузов тоже Москву оставлял, и Гитлер до Москвы дошел, – спорил с ним Гриша.

– Леха, сыграй на гитаре, что-нибудь, а то на душе кошки скребутся, – попросил Иван.

Каустович достал из вещей гитару, подаренную ему вэвэшниками на Грушевского и, взяв несколько аккордов, запел приятным баритоном.

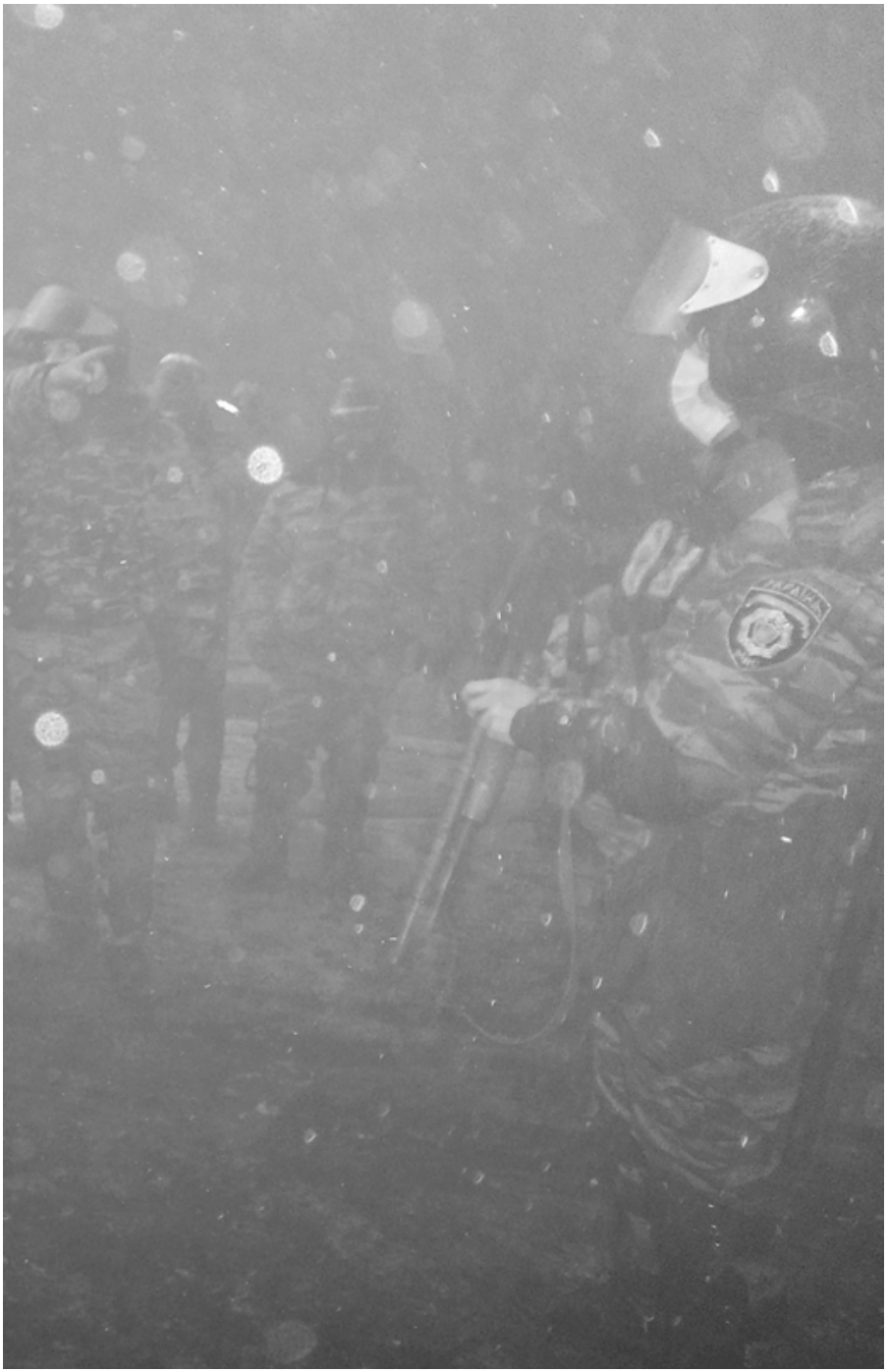
Сказали нам: «Отбросить сон, сегодня спать не будете,
Вас ждет столичный регион, в дороге все обсудите…»
И вот стоим плечом к плечу, глядим на возмутителей
Куда там «профи копам» до наших правоохранителей.
Мы по тревоге подняты, в бронежилеты впаяны,
Мы на майдане прокляты, в народе же похвалены.
И будут не дописаны в мобильных эсэмэсочки.
Мы вечером обстреляны, а утром уже преданы.
Мы к этому привычные и хватит нам терпения
Принять плевки циничные, а после извинения.
Кастрюльные головушки, пиндосов провокаторы
Им дай увидеть кровушку народа-реформатора
Здесь будет власть законная и честная юстиция,
Где бьется украинская элитная милиция.
И левые, и правые ведут игру не детскую,
А мы за дело правое, за удаль молодецкую!

– Ты знаешь, – сказал Иван, задумчиво смотря в окно, – мне кажется, это еще не конец. Все только начинается. За окном автобуса опьяненные свободой толпы «народа победителя» прыгали и орали, потрясая битами, арматурой и ружьями.

– Я когда-то читал, что у революции есть три этапа: первый – это захват власти, второй – это уничтожение врагов и третий – это уничтожение друзей. Мы только на первом этапе. Интересно, как пройдут остальные два.

Иван повернул голову к своим друзьям, с которыми он прошел многое за эти три месяца. На него смотрели уставшие, растерянные лица, покачиваясь в такт с автобусом, уезжающим из Киева, но он видел – пустой обреченности в их взглядах не было. Такие не покорятся тем, кто вытирает о них ноги. Они дождутся своего часа.

Фотографии



Так все начиналось

Банковая 1.02.2013

В коридорах Администрации Президента

Улица Грушевского вечер 19.01.2014

Догорающая техника правоохранителей

Перемирие

Для них это театр

Результаты ночной разведки

Горят шины

Вечер 22.01.2014

Пожарные гидранты не выдерживают мороза

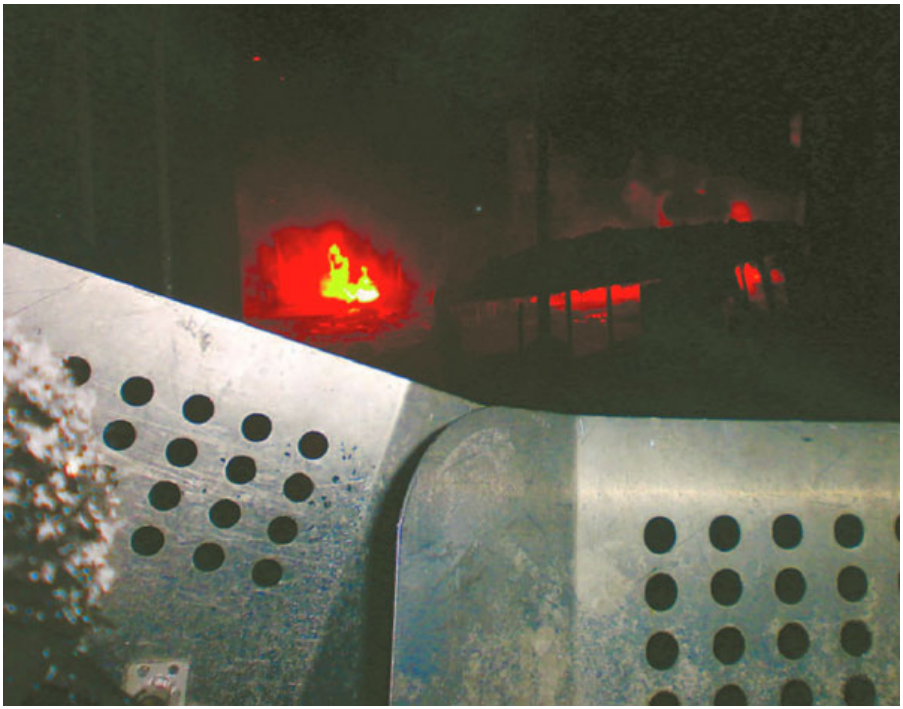
Последствия мирного митинга 20.01.2014

Чистый воздух привезенный с Галичины.

Даже в солнечный день на Грушевского серая мгла

Праздничный феерверк

Флаг Беркута развивающийся на Грушевского



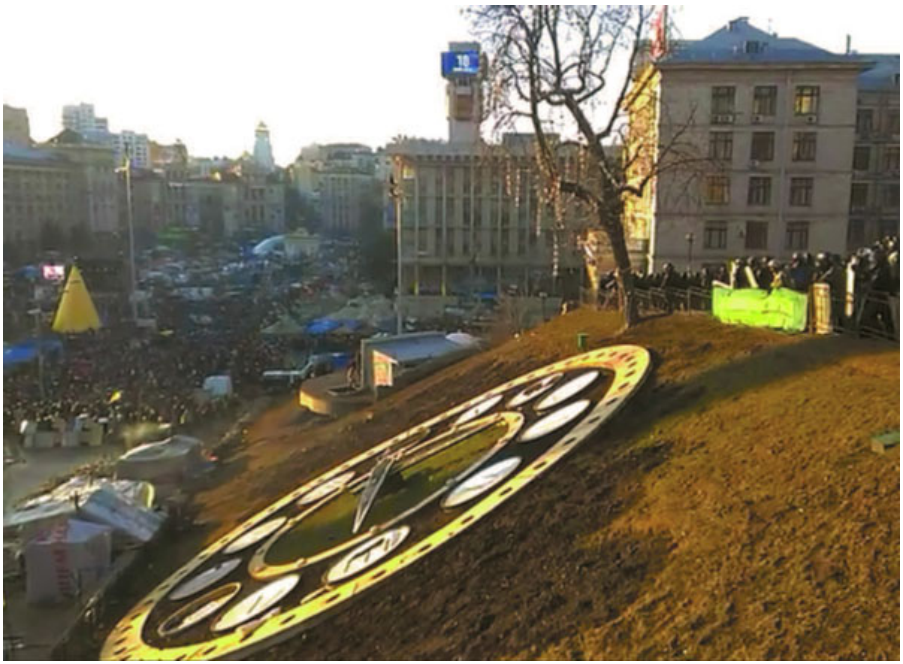
Обострение

Последствия стальных шариков с рогаток радикалов

Майданная агитация. Кресты – могилы силовиков

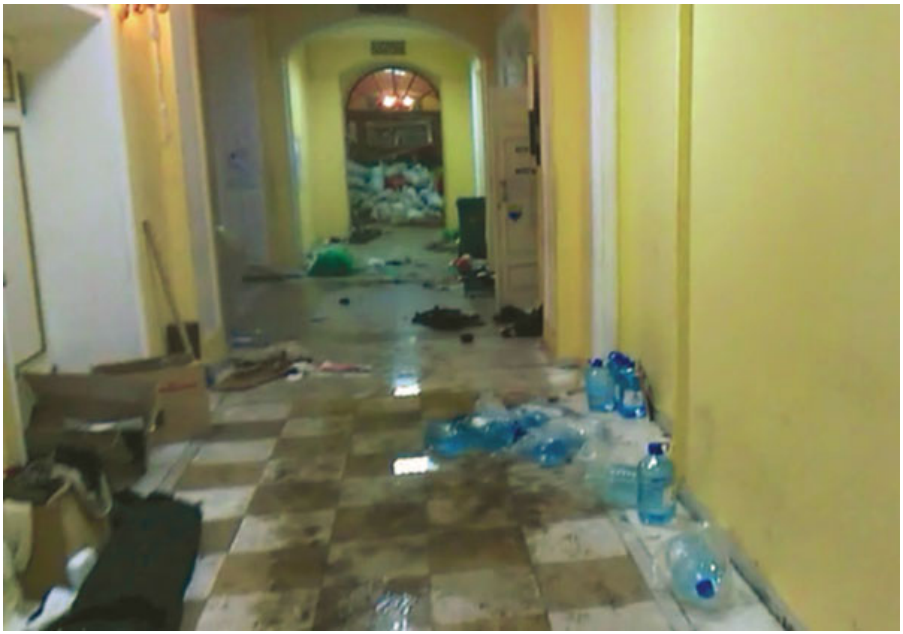
ЫХ УНИТАЗОВ» ЭТОЙ ГРЯЗНОЙ БАНДЫ.
4-й, ТВі - ТАМ ПРАВДА!

Начало конца Украины



Наступление остановлено

Утро 19.02.2014



Революция гидности. Освобожденный Октябрьский дворец

Первые выстрелы. Перекресток Институтской и Шелковичной

БУЛАВА

"БЕРКУТ"
"БОЕВОЕ
БЕРКУТУ
ВВ!

БЕРКУТ
Днепр - 175
2013-2014
1
БМОП
БЕРКУТ
СУДАК
ДОНБАС
ЗЯНЫ - 50 м.
РОЖДЕНЫ В МУКАХ

СЕВАСТОПОЛЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
Кривой Рог
КРИВОЙ РОГ
КИЗИЛТАШ
ДОНЕЦК
850 КМ
ДОНБАСС НИКТО НЕ СТАВИЛ НА КОЛЕНИ И НИКОМУ ЭТО ПОСТАВИТЬ НЕ ДАНО
9 РОТА
ХАРЬКОВ
Брянск

Последние защитники Межегорья